

ISSN 2542-1840 (print) 2541-9145 (online)

Гуманитарные
общественные науки

2
том 3
2019

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

Bulletin of Kemerovo State University.
Humanities and Social Sciences.
2019, 3(2): 104–198

Гуманитарные и общественные науки

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67379

Издается с 2017 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94032

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Невзоров Б. П.*, д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Бибилло В. Н., д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).

Бобриков В. Н., д-р пед. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Грицков Ю. В., д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Желтов В. В., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Жукова О. И., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зникин В. К., д-р юрид. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Золотухин В. М., д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Красиков В. И., д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

Ляковска К., д-р права (habilitation), проф., Белостокский университет (UwB, Белосток, Польша).

Московченко О. Н., д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Осипова С. И., д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Самович Ю. В., д-р юрид. наук, проф., КФУ (Казань, Россия).

Халяпина Л. П., д-р пед. наук, проф., СПбПУ (Санкт-Петербург, Россия).

Черненко Т. Г., д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Чистякова С. Н., д-р пед. наук, академик РАО, академик-секретарь РАО (Москва, Россия).

Чуркова Т. М., д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).

Шепель Т. В., д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Яцук Т. Ф., д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).

BULLETIN

Humanities and Social Sciences

Kemerovo
State
University

2019
vol. 3 no 2

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67379.

Founded in 2017.

Published 4 times a year.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Address of the founder, publisher: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6, Krasnaya St.; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6, Krasnaya St.; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

Subscription indices: 94032 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff. The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without charge, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

Editor-in-Chief: Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Valentina N. Bibilo, Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Valeriy N. Bobrikov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Yuriy V. Gritskov, Dr. of Philosophy, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Viktor V. Zheltov, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Olga I. Zhukova, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy K. Znikin, Dr. of Law, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr. of Philosophy, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Vladimir I. Krasikov, Dr. of Philosophy, Prof., All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Katarzyna Laskowska, Dr. of Law (habil), Prof., University of Białystok (UWB, Białystok, Poland).

Olga N. Moskovchenko, Dr. of Pedagogic, Prof., V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

Svetlana I. Osipova, Dr. of Pedagogic, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Yuliya V. Samovich, Dr. of Law, Prof., Kazan Federal University (Kazan, Russia).

Lyudmila P. Khaliapina, Dr. of Pedagogic, Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).

Tamara G. Chernenko, Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Svetlana N. Chistyakova, Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic of the RAE, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).

Tatiana M. Churekova, Dr. of Pedagogic, Prof., Science Editor of the series, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Tamara V. Shepel, Dr. of Law, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Tatiana F. Yashchuk, Dr. of Law, Prof., Omsk State University (Omsk, Russia).

Уважаемые авторы и читатели!

Наш журнал образовался 2,5 года назад из трех научных направлений, ранее входивших в журнал «Вестник КемГУ»: педагогика, философия и юриспруденция.

Несмотря на недолгую историю в журнале опубликовали статьи 170 авторов из 45 организаций и 20 городов России и зарубежья. Журнал включен в РИНЦ, в июне 2019 года подана заявка на включение в перечень журналов ВАК.

Хотели бы поблагодарить постоянных авторов, рецензентов и членов редколлегии за активное сотрудничество и участие в развитии нашего журнала. Редакционная команда журнала выражает надежду, что и Вам приятно взаимодействовать с нами.

Приглашаем всех заинтересованных ученых в публикации своих трудов, готовы рассмотреть новые рукописи и способствовать развитию научной мысли!

С наилучшими пожеланиями,
Борис Павлович Невзоров,
главный редактор, профессор, доктор педагогических наук

Педагогика

- Доступная образовательная среда и педагогическая поддержка обучающегося: теории и решения
Атякшиева И. И., Литвинцева Т. В., Кель Т. А. 104
- Педагогические конструкты и педагогические конструкторы в изучении и исследовании основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования
Кобзарь Т. К., Козырев Н. А., Митькина Е. В. 111
- Изучение нравственно-ценностных ориентаций подростков во внеурочной работе
Козин С. В., Мустафина А. И. 119
- Цифровая среда – новые вызовы вузовской библиотеке
Кудрина Е. А., Ивина К. В. 126

Философия

- Коммерциализация как фактор развития институциональных аспектов технауки
Брызгалкина Е. В., Занфира В. М. 135
- Формирование и раскрытие человеческого потенциала в российском социокультурном пространстве
Золотухин В. М., Порхачев В. Н. 145
- Соотношение ценностного и коммуникативного аспектов в изучении социокультурной традиции
Илларионов Г. А. 151
- Социокультурный и правовой аспекты социальной деятельности субъектов в банковской сфере
Козырева М. В., Криони А. Е., Морозов Н. В. 159

Юриспруденция

- Профессиональное представительство в цивилистическом процессе в свете судебной реформы
Дружинина Ю. Ф., Трезубов Е. С. 165
- Момент вступления трудового договора в силу
Кичигин С. В. 173
- О соотношении механизма и метода правового регулирования предпринимательской деятельности
Рубцова Н. В. 181
- «Процессуальная революция». Обзор изменений в цивилистические процессуальные кодексы
Трезубов Е. С. 187

Pedagogics

- Accessible Educational Environment and Pedagogical Support: Theories and Solutions
Atyaksheva I. I., Litvintseva T. V., Kel T. A. 109
- Pedagogical Constructs and Pedagogical Constructors in the Studies of the Basics of Pedagogical Support in the System of Continuous Education
Kobzar T. K., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. 117
- Moral and Value Orientations of Adolescents in Extracurricular Work
Kozin S. V., Mustafina A. I. 124
- Digital Environment as a New Challenge for University Library
Kudrina E. L., Ivina K. V. 134

Philosophy

- Commercialization as a Factor in the Development of Institutional Aspects of Technoscience
Bryzgalina E. V., Zanfira V. M. 143
- Personal Formation and Fulfillment in the Russian Socio-Cultural Environment
Zolotukhin V. M., Porhachev V. N. 149
- Axiological vs. Communicative Aspects in Socio-Cultural Tradition Studies
Illarionov G. A. 157
- Sociocultural and Legal Aspects of Social Activity of Subjects in the Banking Sector
Kozyreva M. V., Krioni A. E., Morozov N. V. 163

Jurisprudence

- Professional Representation in the Civil Court under the Judicial Reform
Druzhinina Y. F., Trezubov E. S. 172
- Start of Employment Contract
Kichigin S. V. 180
- On the Relationship between the Mechanism and the Method of Legal Regulation of Businesses
Rubtsova N. V. 185
- "Procedural Revolution". Review of Changes to Civil Procedure Codes
Trezubov E. S. 197

Доступная образовательная среда и педагогическая поддержка обучающегося: теории и решения

Ирина И. Атякшева^{a, b}; Татьяна В. Литвинцева^{a, b, @}; Татьяна А. Кель^{a, c}

^a Сибирский государственный индустриальный университет, 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42

^b Средняя общеобразовательная школа № 26, г. Новокузнецк, 654007, Россия, г. Новокузнецк, пр-т Пионерский, 36

^c Средняя общеобразовательная школа № 67, г. Новокузнецк, 654080, Россия, г. Новокузнецк, ул. Тольятти, 52

@ltvntsv-tv@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.12.2018. Принята к печати 13.02.2019.

Аннотация: В статье уточняются особенности организации доступной образовательной среды в образовательной организации; приводятся модели понятий, модели реализации, принципы, формы, методы организации доступной образовательной среды, педагогической поддержки обучающегося; уточняются возможности и способы выявления и детерминации педагогических условий оптимизации качества развития личности обучающегося в доступной образовательной среде. Потенциальные и реализуемые решения задач развития личности в доступной образовательной среде могут быть определены в конструктах различных педагогических технологий, раскрывающих тонкости педагогической деятельности в контексте современных положений развития личности, особенности которых уточняются на основе психокоррекции, психодидактики, психологии и педагогики развития, социальной педагогики и социальной психологии. Качество включения личности обучающегося в процесс развития и получения образования в образовательном учреждении определяется на различных составных реализуемой обучающимся деятельности – самочувствии обучающегося, желании учиться, общаться в школе, желании быть включенным в коллективные мероприятия, посещать театр, смотреть новые спектакли, слушать музыку, помогать соклассникам, обучающимся, родителям и педагогам, посещать школьную библиотеку, участвовать в делах школы и пр. Современная педагогика определяет возможность построения социально-образовательных мероприятий и технологий взаимодействия с инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья на основе новых достижений, гарантирующих личности поэтапное достижение персонализированно доступных и социально востребованных результатов на протяжении всего периода развития личности в системе непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений.

Ключевые слова: фасилитация, педагогическое моделирование, педагогическая методология, педагогические условия, модель педагогической поддержки, конструкт

Для цитирования: Атякшева И. И., Литвинцева Т. В., Кель Т. А. Доступная образовательная среда и педагогическая поддержка обучающегося: теории и решения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 104–110. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-104-110>

Введение

Современная педагогическая деятельность как основа и механизм самоорганизации качества обновления и функционирования образования и образовательного пространства определяет создаваемые условия развития личности одним из важных факторов его надежности, гибкости и состоятельности. В модели современного образования для повышения комфортности развития и целостного включения личности обучающегося в систему социально-образовательных отношений определяют термин *доступная образовательная среда*, в основе которого педагогическая поддержка обуславливает устойчивые связи личности с потенциально благоприятными возможностями и ресурсами общения и самовыражения, социализации и самореализации.

Особенности организации доступной образовательной среды в образовательной организации определяются условиями продуктивного поиска педагога, фасилитирующего включение личности обучающегося в реализуемую модель

образовательного пространства школы. Способность личности осознавать наличие и необходимость ученического коллектива, быть включенным в коллективную деятельность в доступной образовательной среде осуществляется в структуре использования различных адаптивных и игровых технологий развития обучающегося.

Теоретические основы возможностей использования доступной образовательной среды в школе

Одним из процессов создания оптимальных условий развития личности является педагогическая поддержка, сущность которой понимается по-разному. Н. Н. Абашина [1] определяет педагогическую поддержку как технологию; в структуре поиска возможностей утончения рабочих определений и понятий конструкт *технология* в уточнении и детерминации определений понятий *педагогическая поддержка* и *доступная образовательная среда* будет использован в структуре унифицированного смысла. Е. П. Албитова [2]

отражает современные основы выбора направления педагогической поддержки как работы по повышению качества включенности личности в социально-образовательное пространство. Т. А. Гапиенко и др. [3] раскрывают различные техники и конструкты в уточнении понятий *педагогическая поддержка* и *фасилитация*. Ю. А. Герман [4] иллюстрирует сущность данных понятий; специфика описания является конструктом связи опыта деятельности и теоретических уточнений понятийного аппарата научного поиска.

Понятие и возможности педагогической поддержки определены также в работе А. В. Губановой [5]; особенности построения моделей педагогической поддержки связаны с развитием и становлением как категориями педагогики. В данной статье качество развития личности в модели педагогической поддержки будет отражено в различных конструктах детерминации понятийного аппарата, например, широкий, узкий, локальный, адаптивный, адаптивно-акме-педагогический, персонифицированный, гуманистический, унифицированный, здоровьесберегающий смыслы. О. А. Козырева и др. [6] отражают направленность поиска и определяют функцию педагогической поддержки широко уточняемый процесс и категорию современной педагогики (категория *воспитание*). С. В. Коновалов и др. [7] раскрывают процесс теоретизации как основу для научного поиска, в такой практике будут выделены или уточнены модели понятий *доступная образовательная среда, педагогическая поддержка обучающегося*, модели реализации, принципы, формы, методы организации доступной образовательной среды и пр.

Подход О. Я. Гутак и др. [8] позволит сконцентрировать внимание на персонификации развития личности в системе непрерывного образования, в данной практике профессионализм педагога будет указывать на точность и продуктивность решений создания оптимальных педагогических условий оптимизации качества развития личности обучающегося в доступной образовательной среде.

Е. В. Митькина и др. [9] разрывают одно из теоретических направлений изучения и исследования основ и возможностей педагогической поддержки. В нашей работе будут уточнены все составные поиска, способность и качество которого определяет приоритеты и продуктивность решений задач современной педагогики в иерархии репродуктивно-продуктивной деятельности личности, включенной в систему образования и социально-образовательных отношений.

Качество поиска и выбор методов исследования и возможностей использования педагогической методологии в уточнении понятийного аппарата, особенности педагогической поддержки в модели поликультурного пространства и поликультурного подхода, особенности реализации педагогической поддержки личности в структуре адаптивного обучения, направленность поиска в системе непрерывного образования и связи всех составных реализуемой деятельности педагога в решении задач педагогической поддержки личности на протяжении всего периода развития и жизнедеятельности уточняют В. Г. Свиначенко и О. А. Козырева [10],

Л. Н. Судьина и О. А. Козырева [11], Т. Н. Туманова и др. [12], Е. Д. Щур [13].

В статье О. А. Козыревой и др. [14] культура самостоятельной работы личности или культура самообразования представлена одной из актуальных практик акмеверификации качества решения задач развития и самореализации личности, в данной плоскости нет практики решения задач в модели адаптивного подхода и адаптивных технологий решения задач акмеперсонификации всех составных становления личности; необходимость данного решения может быть обусловлена социальной направленностью самостоятельного определения и уточнения мотивов, целей, возможностей и достижений личности в конструкте самоорганизации качества решений задач развития *хочу, могу, надо, есть*.

Определение понятий *доступная образовательная среда, педагогическая поддержка обучающегося*

Доступная образовательная среда

Широкий смысл: система унифицированного выбора модели и технологий педагогической деятельности, гарантирующая равный доступ личности обучающегося к образовательным возможностям современного образовательного учреждения и системы непрерывного образования в целом, специфика деятельности обучающегося и педагога определяются конструктами учета нормального распределения способностей и приоритетов развития в социальном, образовательном и профессиональном направлениях.

Узкий: процесс оптимизации качества деятельности педагогов и образовательных учреждений по целенаправленному и ситуативному включению и коррекции качества модели развития личности в конструкте *хочу, могу, надо, есть*, особенностями которой являются следствием учета нормального распределения способностей и приоритетов в обществе.

Локальный: процедура и продукт включения личности обучающегося в систему развития, социализации, самореализации, особенности которых повышаются за счет оптимизации деятельности всех педагогов образовательного учреждения, гибкости реализуемых моделей и технологий, адаптивного или адаптированного дидактического материала, специфики учета позитивного выбора обучающимся направления и направленности развития, модели успешности личности в деятельности и получения обучающимся в данной практике позитивных эмоций и формируемых социальных смыслов.

Адаптивный: продукт гуманизации современного образования новыми практиками и технологиями фасилитации и защиты обучающегося от неблагоприятного влияния неустанного повышения уровня дидактического знания в реализации идей возрастосообразности и учета нормального распределения способностей и здоровья обучающихся определенной выборки или генеральной совокупности.

Адаптивно-акмепедагогический: реализуемая в образовательной организации модель оптимизации качества развития личности обучающегося в системе приоритетов функционирования образовательной организации и особенностей

выполнения ФГОС как показателя успешности решения задач развития личности с учетом потребностей и особенностей развития в системе непрерывного образования.

Персоналицированный: метод гибкого решения задач оптимизации качества и продуктивности развития личности в образовательном пространстве школы, уточняющий действия и деятельность педагогов, родителей, обучающихся в детализации успешного персоналицированного нахождения хотя бы одного решения задачи в конструкте *хочу, могу, надо, есть* для обучающегося, включенного в активный поиск наиболее удобных и гуманно реализуемых возможностей становления личности в деятельности и общении.

Унифицированный: технология повышения качества и возможностей акмеперсонализации развития личности обучающегося в иерархии регламентируемых ФГОС возможностей и приоритетов, качество функционирования определяемой технологии уточняются в модели учета нормального распределения способностей и возрастособразной модели развития личности в системе непрерывного образования.

Здоровьесберегающий: способ осуществления и контроля, фасилитации и оптимизации качества включения личности обучающегося в социально-образовательное пространство, располагающее потенциалом акмеверификации и системной интеграции (антропологически и ноосферно уточняемых) всех звеньев развития личности обучающегося в современной культуре, науке, образовании и пр.

Гуманистический: процесс самоорганизации качества включения личности обучающегося в систему учебно-образовательной деятельности и воспитательно-образовательных и организационных отношений, располагающих личность к определению и уточнению направления развития и социализации, востребованности личности в социальном и образовательном поле выстраиваемых личностью и обществом приоритетов, условно детализируемых через конструкт *хочу, могу, надо, есть*, где качество решений определяется внутренними возможностями личности и специально создаваемыми педагогическими условиями оптимизации качества развития личности обучающегося в ресурсах описываемого и уточняемого процесса.

Педагогическая поддержка обучающегося

Широкий смысл: система стимулирования мотивации развития личности, имеющей потребности в фасилитации материала, помощи в унификации, алгоритмизации, оптимизации, рационализации, детализации, разучивании, повторении способов решения задач деятельности и развития, корректирует качество выявления и уточнения основ, способов, приоритетов и продуктов развития в конструкте *хочу, могу, надо, есть*, гарантирует успешное включение личности в различные направления социального, образовательного, профессионального поиска и решения задач самореализации и самоутверждения, общения и сотрудничества.

Узкий: процесс создания объективно комфортных условий для развития личности, гарантирующий своевременное и персоналицированное подкрепление опыта

положительной социальной, образовательной, профессиональной практики сотрудничества и самовыражения, роста и самоутверждения.

Локальный: процедура уточнения возможностей решения задачи в конструкте *хочу, могу, надо, есть*, раскрывающая направленность помощи и успешность оказания или содействия поиску необходимых дидактических, образовательных, интеллектуальных, психосоциальных и прочих средств оптимизации качества включения личности в деятельность и общение, от особенностей которых зависит и качество всех составных развития и личности, и общества.

Адаптивный: продукт адаптивного выбора личностью методов и средств, форм и технологий социального, образовательного и профессионального развития, гарантирует определенное качество решения задач того или иного типа, создает предпосылки к переходу от одного уровня знаний к другому, более качественному по типу, способам оптимизации решений и получаемых по качеству продуктов.

Адаптивно-акмепедагогический: модель генерации и использования различных методов, форм, технологий и педагогических условий включения личности с определенными потребностями (в генеральной совокупности потребностей и способностей справедлив закон нормального распределения способностей и потребностей, здоровья и достижений, возможностей и пр.), использование которой в деятельности педагога позволяют повысить качество включения обучающегося в систему выделенных приоритетов и решаемых задач ФГОС, уровня и качества культуры и науки, образования и досуга, саморелаксации и рефлексии и пр.

Персоналицированный: метод оптимизации выбора условий развития личности обучающегося в деятельности и общении в образовательном пространстве образовательной организации, сохраняет в деятельности педагога успешность решения задач гуманизации современного образования и профессиональных отношений.

Унифицированный: технология деятельности работников системы образования в обеспечении качества образовательных услуг обучающемуся определенного уровня развития и сформированных интеллектуальных потребностей, персоналицированного проектирования будущего личности на плоскость системы непрерывного образования, профессиональных отношений и социальных норм общения и самовыражения, самореализации и самоутверждения через социально востребованные продукты деятельности или реализованные идеи гуманизма.

Здоровьесберегающий: способ оптимизации качества развития личности, в структуре которого доминирующим фактором и конструктом самоорганизации является здоровье, предопределяющее успешность уточнения основ развития личности в конструкте *хочу, могу, надо, есть*, реализацию надлежащего качества педагогических условий оптимизации включения личности в социальное, образовательное, профессиональное пространство.

Гуманистический: продукт эволюции идеи развития личности с учетом всех варьируемых и целенаправленно изменяемых во времени составных достигнутого уровня

и потенциально возможного уровня развития личности, где качество изменений во внутреннем мире личности обучающегося, возможность пополнения новообразованиями развития и его успешность становления зависят от возможности качества описываемого явления и в конечном счете от педагогической деятельности всех педагогов образовательной организации.

Модели реализации доступной образовательной среды в образовательной организации

Модели реализации доступной образовательной среды в образовательной организации – идеальные конструкты и системы идеально воспроизводимых условий и технологий развития личности обучающегося в иерархии выделяемых противоречий развития личности и возможностей социально-образовательного пространства, располагающего различными конструктами и средствами стимулирования развития личности и качества включения личности в социальные и образовательные отношения, антропологически детализирующие успешность функционирования государства и мирового пространства экономики, образования, труда и пр.

Адаптивно-функциональная модель: функционирование доступной образовательной среды в образовательной организации определяется условиями адаптации личности, ее успешными способами включения в те или иные приоритеты деятельности, возможности решения задач развития в контексте создаваемых педагогических условий, специфика детализации которых зависит от условий обучаемости личности и определяемых затрат на функционирование удобного и надежного помощника обучающегося в социальном пространстве за счет создаваемых продуктов и технологий развития личности с определенным уровнем сформированности и формирования способностей.

Адаптивно-игровая: в структуре адаптации и игры происходит включение личности обучающегося во все отношения, которые существуют в образовательной организации, дидактические игрушки помогают обучающемуся повысить качество решения задач учебной деятельности и самореализации в выделенной плоскости выбора и приоритетов развития общества, например ФГОС.

Адаптивно-продуктивная: через адаптацию и адаптивный путь развития личности создают условия перехода личности на уровень персонифицированной продуктивности; данная модель может быть реализована в частных школах за счет индивидуализации обучения и персонификации включения личности в социально-образовательное пространство.

Уровневая: за счёт создаваемых в проектах уровнях развития личности обучающегося создаются потенциальные возможности акместановления личности через деятельность и общение; качество такого рода моделей определяется в преемственности данных уровней, например, дошкольные образовательные учреждения для слабослышащих, школы-интернаты для слабослышащих, система среднего профессионального образования для слабослышащих, приоритетные возможности выбора личностью вуза, позволяющего получать

надлежащего качества образование, с последующим трудоустройством и поддержкой личности молодого специалиста.

Адаптивно-акмепедагогическая: в процессе адаптации личности к условиям развития и самореализации в системе образования определяются педагогические способы оптимизации нахождения у личности «акме», стремление к высоте которого в педагогике уточняются традиционными и инновационными методами, конструктами и технологиями педагогической деятельности и педагогической поддержки.

Синтезированная по потребностям личности обучающегося: гибкая система самоорганизации качества развития личности обучающегося в образовательной организации, все составные конструкты которой направлены только на удобство включения в деятельность и оптимальное самочувствие конкретной личности и контурных ситуативных, целенаправленных и долговременных условий развития личности в процессе создаваемой социально-образовательной среды, направляющей все свои силы на решение задач гуманистического выбора личностью составных развития *хочу, могу, надо, есть*, примером данной практики могут быть индивидуальные, возрастосообразные образовательные траектории.

Потенциальные и реализуемые решения задач развития личности в доступной образовательной среде могут быть определены или уточнены в конструктах различных педагогических средств, методов и технологий, раскрывающих тонкости педагогической деятельности в контексте современных положений развития личности, особенности которых уточняются на основе психокоррекции, психодиагностики, психологии и педагогики развития, социальной педагогики и социальной психологии. В данном направлении выделим составные данного поиска через принципы, формы реализации, методы организации, педагогические условия доступной образовательной среды в образовательной организации или педагогические условия оптимизации качества развития личности обучающегося в доступной образовательной среде.

Принципы реализации доступной образовательной среды в образовательной организации

Принципы реализации доступной образовательной среды в образовательной организации – словесно-логические модели реализации функционирования доступной образовательной среды в образовательной организации, определяемые и уточняемые в оптимальной форме, особенности которой в системе выделенных конструктов государственного, регионального, муниципального, персонифицированного и прочих уровней повышают качество решения задач деятельности педагога и обучающегося:

- принцип адаптации личности обучающегося к образовательной среде, особенности которой построены в соответствии с возможностями самоорганизации качества учета составных развития в конструкте *хочу, могу, надо, есть*;
- принцип фасилитации развития личности через социально значимые и персонифицированно популяризируемые способы и технологии деятельности в образовательной организации;

- принцип персонифицированно зависимой педагогической поддержки обучающемуся, уточняющий систему конструктов развития и саморазвития *хочу, могу, надо, есть*;
- принцип диалектического учета условий, способов, методов, средств и технологий обучения в системе реализуемых моделей адаптивного обучения и адаптированных программ обучения;
- принцип самоорганизации качества выбора средств, методов и технологий педагогической деятельности в структуре учета нормального распределения способностей обучающихся и их возможностей уточнения моделей социализации и самореализации, сотрудничества и самовыражения;
- принцип единства воспитания, обучения, просвещения, социализации, адаптации в структуре развития личности;
- принцип единства деятельности педагогов и родителей обучающихся в структуре реализации условий продуктивного решения задач развития, социализации, самореализации;
- принцип опоры на положительное в развитии обучающегося как личности;
- принцип гуманизма и здоровьесбережения в решении задач оптимизации качества реализации доступной образовательной среды в образовательной организации;
- принцип научности и достоверности в оптимизации качества реализации доступной образовательной среды в образовательной организации;
- принцип устойчивости развития личности в деятельности и общении, в коллективе и самовыражении, самоактуализации и самоутверждении и пр.

Формы, методы организации доступной образовательной среды, условия оптимизации качества развития личности

Формы реализации доступной образовательной среды в образовательной организации – организационные мероприятия, в структуре которых определены основы и качество решения задач развития личности через системность и всеобщность среднего подхода к развитию личности, гарантирующих успешность и доступность получения всех необходимых образовательных услуг и удовлетворения всех гносеолого-деятельностных потребностей развивающейся личности. К таким формам относятся всевозможные возрастосообразные дидактические и интеллектуальные игры; психорелаксационные беседы; адаптивные формы саморепрезентации и самовыражения на уроках и внеурочное время; возрастосообразные праздники, конкурсы и смотры и пр.

Методы организации доступной образовательной среды в образовательной организации – пути, способы включения личности в систему сосуществования личности обучающегося в образовательной организации благодаря созданным средствам развития и социализации, самореализации и самоактуализации личности.

Педагогические условия оптимизации качества развития личности обучающегося в доступной образовательной среде – совокупность доминирующих положений, системность составления которых позволяет повысить качество решения задач развития личности обучающегося в доступной образовательной среде и через ее продукты самоорганизации:

- создание системы приоритетов и целедетерминированных способов оптимизации качества постановки и решения задач *хочу, могу, надо, есть* в системе учета всех составных развития личности и нормального распределения способностей и здоровья обучающихся в образовательной организации;
- популяризация идей и ценностей гуманизма и здоровьесбережения, самовыражения и самосовершенствования, общения и сотрудничества, поддержки и взаимопомощи;
- единство и акмеперсонификация деятельности педагогов, психологов, медицинских работников и родителей обучающихся;
- стимулирование педагогического коллектива к обновлению средств и методов, форм и технологий развития личности обучающегося в доступной образовательной среде;
- внедрение в работу образовательной организации портфолио обучающегося как продукта и решения адаптивного обучения и самоанализа качества решения задач деятельности и общения и пр.

Заключение

Качество включения личности обучающегося в процесс развития и получения образования в образовательном учреждении определяется на различных составных реализуемой обучающимся деятельности – самочувствии обучающегося, желании учиться, общаться в школе, желании быть включенным в коллективные мероприятия, посещать театр, смотреть новые спектакли, слушать музыку, помогать одноклассникам, обучающимся, родителям и педагогам, посещать школьную библиотеку, участвовать в делах школы и пр.

Современная педагогика определяет возможность построения социально-образовательных мероприятий и технологий взаимодействия с инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья на основе новых достижений, гарантирующих личности поэтапное достижение персонифицированно доступных и социально востребованных результатов на протяжении всего периода развития личности в системе непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений.

Доступная образовательная среда и педагогическая поддержка обучающегося – два конструкта и продукта современного развития и образовательного выбора, раскрывающих особенности современного сосуществования личности и общества в двух взаимодополняемых и многофункциональных направлениях развития – личность для общества и общество для личности.

Литература

1. Абашина Н. Н. Педагогическая поддержка как гуманная технология развития личности // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе. 2012. Т. 9. № 11. С. 10–13.
2. Албитова Е. П. Современное звучание понятия «педагогическая поддержка» в образовании // European Social Science Journal. 2013. № 4. С. 28–34.
3. Гапиенко Т. А., Козырев Н. А., Митькина Е. В. Педагогическая поддержка и фасилитация в модели развития обучающегося в системе непрерывного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 5–10.
4. Герман Ю. А. Сущность понятия «педагогическая поддержка» // Актуальные проблемы современной науки. 2011. № 4. С. 79–83.
5. Губанова А. В. Педагогическая поддержка становления и развития в образовательном процессе // Омский научный вестник. 2006. № 7. С. 301–305.
6. Козырева О. А., Козырев Н. А., Свиначенко В. Г. Воспитание в профессиональной подготовке педагогов. М.: МИФИ, 2017. 400 с.
7. Коновалов С. В., Козырев Н. А., Козырева О. А. Теоретизация в педагогической науке: общенаучный и общепрофессиональный аспекты // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4. С. 376–385. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.409
8. Гутак О. Я., Козырев Н. А., Козырева О. А. Профессионализм личности как продукт персонификации развития и непрерывного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 10–14. DOI:10.21603/2542-1840-2018-1-10-14
9. Митькина Е. В., Сорокин С. В., Свиначенко В. Г. Педагогическая поддержка обучающегося: модели и технологии. М.: МИФИ, 2017. 120 с.
10. Свиначенко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования. М.: МИФИ, 2014. 92 с.
11. Судьбина Л. Н., Козырева О. А. Педагогическая поддержка будущего педагога в адаптивном обучении как ресурс социализации и самореализации личности // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 152–156.
12. Туманова Т. Н., Козырев Н. А., Митькина Е. В. Педагогическая поддержка как модель и продукт педагогической деятельности и непрерывного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 25–30.
13. Щур Е. Д. Педагогическая поддержка в поликультурном социально-воспитательном пространстве // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 470–475.
14. Kozyreva O. A., Kozurev N. A., Boikova I. V., Gutak O. Ya. Models and ways of developing self-study culture of college students // Mechanics, Materials Science & Engineering (MMSE Journal). 2018. Vol. 17. DOI: 10.2412/mmse.34.90.847

Accessible Educational Environment and Pedagogical Support: Theories and Solutions

Irina I. Atyaksheva^{a,b}; Tatiana V. Litvintseva^{a,b,@}; Tatiana A. Kel^{a,c}

^a Siberian State Industrial University, 42, Kirova St., Novokuznetsk, Russia, 654007

^b High comprehensive school No. 26 of Novokuznetsk, 36, Pionersky Ave., Novokuznetsk, Russia, 654007

^c High comprehensive school No. 67 of Novokuznetsk, 52, Tolyatti St., Novokuznetsk, Russia, 654080

@ Itvntsv-tv@yandex.ru

Received 01.12.2018. Accepted 13.02.2019.

Abstract: The research features the concept of accessible educational environment provided by educational institutions. The paper introduces some models of accessible educational environment, pedagogical support, its principles, forms, and methods. The authors define the pedagogical conditions that would contribute to personality development in an accessible educational environment. Potential and feasible solutions can be identified according to various educational technologies that reveal the subtleties of pedagogical activity in the context of modern personal development, the features of which are specified on the basis of psycho-correction, psycho-didactic, developmental psychology, social pedagogy, and social psychology. One's involvement in the developmental and educational process is determined by various components of the activities carried out by the student, i.e. his or her well-being, desire to learn and communicate, to belong, entertain, help other students, parents,

and teachers, to visit the library, participate in school events, etc. Modern pedagogy offers a variety of social and educational activities for people with special needs, thus ensuring continuous personality development.

Keywords: facilitation, pedagogical modeling, pedagogical methodology, pedagogical conditions, model of pedagogical support, construct

For citation: Atyaksheva I. I., Litvintseva T. V., Kel T. A. Accessible Educational Environment and Pedagogical Support of the Student: Theories and Solutions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 104–110. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-104-110

References

1. Abashina N. N. Pedagogical support as a humane technology of personal development. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Novye obrazovatel'nye sistemy i tekhnologii obucheniia v vuze*, 2012, 9(11): 10–13. (In Russ.)
2. Albitova E. P. Modern sounding concepts "pedagogical support" in education. *European Social Science Journal*, 2013, (4): 28–34. (In Russ.)
3. Gapienko T. A., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. Pedagogical support and facilitation in the development model within the system of continuous education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, (2): 5–10. (In Russ.)
4. German Yu. L. The essence of the concept of "pedagogical support". *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki*, 2011, (4): 79–83. (In Russ.)
5. Gubanova A. V. Pedagogical support to establishment and development of professional self-consciousness in gifted senior school pupils during educational process. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2006, (7): 301–305. (In Russ.)
6. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Svinarenko V. G. *Education in the professional training of teachers*. Moscow: MIFI, 2017, 400. (In Russ.)
7. Konovalov S. V., Kozyrev N. A., Kozyreva O. A. Theoretization in pedagogical science: the general scientific and general professional aspects. *Business. Education. Law*, 2018, (4): 376–385. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.409
8. Gutak O. Ya., Kozyrev N. A., Kozyreva O. A. Professionalism as a product of personalized development and continuous education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, (1): 10–14. (In Russ.)
9. Mitkina E. V., Sorokin S. V., Svinarenko V. G. *Pedagogical support of the student: models and technologies*. Moscow: MIFI, 2017, 120. (In Russ.)
10. Svinarenko V. G., Kozyreva O. A. *Scientific research on pedagogy in the structure of higher and further education*. Moscow: MIFI, 2014, 92. (In Russ.)
11. Sud'ina L. N., Kozyreva O. A. Pedagogical support of the future teachers in adaptive learning environment as a resource of socialization and self-realization. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, 2016, (1): 152–156. (In Russ.)
12. Tumanova T. N., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. Pedagogical support as a model and product of pedagogical activity and continuous education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2018, (2): 25–30. (In Russ.)
13. Shchur E. D. Pedagogical support in a multicultural social and educational space. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, (3): 470–475. (In Russ.)
14. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Boikova I. V., Gutak O. Ya. Models and ways of developing self-study culture of college students. *Mechanics, Materials Science & Engineering (MMSE Journal)*. 2018, 17. DOI: <http://seo4u.link/10.2412/mmse.34.90.847>.

Педагогические конструкты и педагогические конструкторы в изучении и исследовании основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования

Тамара К. Кобзарь^{a,b}; Николай А. Козырев^a; Елена В. Митькина^{a,b,@}

^a Сибирский государственный индустриальный университет, 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42

^b Средняя общеобразовательная школа № 26 г. Новокузнецка Кемеровской области, 654007, Россия, г. Новокузнецк, пр. Пионерский, 36

@ dpo-nvkz@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.10.2018. Принята к печати 18.01.2019.

Аннотация: В статье определяются возможности детерминации и исследования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования в структуре актуализации и генерации различных педагогических конструктов и педагогических конструкторов, фасилитирующих целостное понимание важности развития личности в иерархии возрастосообразных способов и методов, форм и технологий образовательной и социально-профессиональной деятельности. Уточнение понятий *педагогический конструкт*, *педагогический конструктор*, *изучение основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования*, *исследование основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования* определяется в структуре используемых адаптивно-акмепедагогического, персонифицированно-продуктивного, функционально-трудового подходов, гарантирующих в традиционной и инновационной моделях изучения и исследования научно-педагогических явлений и событий повышение качества педагогических решений за счет детализации микро-, мезо-, макроуровневого рассмотрения поставленной проблемы деятельности в строго оговоренных условиях и реализуемых способах и технологиях оптимизации качества продуцирования и фасилитации, сотрудничества и самореализации, социализации и самоактуализации. Многомерность поиска персонифицированно-оптимальных возможностей описания и решения задач продуктивного использования рассматриваемых понятий раскрывает перспективность детерминированной проблемы и реализуемых условий фасилитации и унификации поиска педагога, способствующего всей своей практикой раскрытию возможностей развития личности (конструкт *хочу, могу, надо, есть*), целостному и системно-мобильному становлению обучающегося как продукта, над которым все составные образования, науки, искусства, культуры, спорта и прочих направлений социализации и самореализации личности определили в решении свои унифицированные и персонифицированные системы самоорганизации качества реализации, модификации и коррекции уровня ее возможностей и достижений в обществе. Педагогические конструкты и педагогические конструкторы в изучении и исследовании основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования определяются в различных моделируемых и реализуемых условиях, где продуктивность, персонификация, здоровьесбережение определяют целостность выбора возможностей и результатов педагогической практики и педагогической деятельности.

Ключевые слова: фасилитация, педагогическое моделирование, педагогическая методология, модель педагогической поддержки

Для цитирования: Кобзарь Т. К., Козырев Н. А., Митькина Е. В. Педагогические конструкты и педагогические конструкторы в изучении и исследовании основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 111–118. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-111-118>

Введение

Современная система научного поиска и продуктивного решения задач педагогической деятельности определяет успешное использование педагогических конструктов и педагогических конструкторов в изучении и исследовании основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования одним из элементов оптимизации качества планируемой и реализуемой педагогом деятельности.

Возможности детерминации и исследования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования в структуре актуализации и генерации различных педагогических конструктов и педагогических конструкторов, фасилитирующих целостное понимание важности развития личности в иерархии возрастосообразных способов и методов, форм и технологий образовательной и социально-профессиональной деятельности, могут определить следующие рабочие модели и способы постановки и решения задач научно-педагогического поиска:

- *педагогический конструкт* – единица выделенного смыслового контекста педагогической деятельности в иерархии выполняемого алгоритма или плана, реализующего качественное решение задач и проблем детализируемой и оптимизируемой педагогической деятельности и общения;
- *педагогический конструктор* – совокупность педагогических конструктов, фасилитирующая использование научных знаний в педагогике в различных направлениях поиска и решения задач научной педагогики;
- *адаптивно-акмепедагогический подход* – методологический подход, определяющий через единство и взаимодополняемость адаптивной и акмепедагогических составных решения задач развития личности в системе непрерывного образования возможность пролонгации продуктивного решения задачи *хочу, могу, надо, есть* как конструкта оптимизации качества любой составной реализуемой деятельности личности, включенной в систему непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений;
- *персонализированно-продуктивный подход* – методологический подход, определяющий возможности продуктивного становления обучающегося через поиск надлежащего качества персонализированных условий развития личности в модели непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений;
- *функционально-трудовой подход* – методологический подход, определяющий в системе профессионально-трудовых отношений возможность оптимального решения задач формирования личности через систему трудовых функций и трудовых действий личности, гарантирующих личности и обществу надлежащего качества иерархию уровней и способов, технологий и форм, условий и моделей организации и оптимизации профессиональной деятельности;
- *возрастосообразность в педагогике* – принцип и модель, в основе которых лежат представления о поливидовом возрасте как способе и механизме оптимизации качества разработки и использования программно-педагогического сопровождения и обеспечения возможностей развития личности, социализации, самореализации, включенности в систему непрерывного образования;
- *возрастосообразный способ решения задач образовательной и социально-профессиональной деятельности* – составной элемент возрастосообразного метода решения задач образовательной и социально-профессиональной деятельности;
- *возрастосообразный метод решения задач образовательной и социально-профессиональной деятельности* – путь, способ решения задач образовательной и социально-профессиональной деятельности, в структуре которого лежит определенная типология возрастосообразных задач, предопределяющих в использовании теоретических разработок повышение качества

практической деятельности личности, включенной в систему непрерывного образования;

- *возрастосообразные технологии образовательной и социально-профессиональной деятельности* – совокупность методов и средств возрастосообразного выбора возможных решений задач развития личности через целостное построение последовательности определяемых и решаемых противоречий и проблем, учитывающих тип возраста и способ метрического измерения достижений поставленной задачи в моделях технологий образовательной и социально-профессиональной деятельности.

Теоретико-эмпирические основания работы

Теория и системное обобщение особенностей педагогической поддержки обучающегося определяет перспективность постановки и решения задач современного образования. Восприятие понятия *педагогическая поддержка* в образовании [1] определяется условиями генерации идей и конструктов организации педагогической деятельности. Модели и конструкты развития обучающегося в системе непрерывного образования детерминируются через признание необходимости планирования и реализации идей и технологий педагогической поддержки и фасилитации развития и самореализации личности [2]. Понятие *педагогическая поддержка* в современной науке [3] раскрывает общие и частно-предметные особенности уточнения понятийного аппарата современной педагогики, в поликультурном социально-воспитательном пространстве [4] играет роль катализатора возможностей нравственности и гуманизма, продуктивности и здоровьесбережения и пр.

Сущность понятия *педагогическая поддержка* как продукта адаптивно-акмепедагогического решения задач повышения качества педагогической деятельности и общения раскрывает ее многомерность гносеолого-герменевтических особенностей изучения и исследования особенностей детерминации и реализации. Педагогическая поддержка становления и развития в образовательном процессе [5] рассматривается как механизм оптимизации качества постановки и решения задач педагогической практики и педагогической деятельности, направленных на стимулирование активности личности и общества в целом по формированию гуманистических представлений о деятельности и общении, продуктивности и персонализации становления личности, мультикультурного сотрудничества и самореализации личности.

Педагогическая поддержка будущего педагога в адаптивном обучении как ресурс социализации и самореализации личности [6] определяет строгое, последовательное соблюдение этапов и уровней использования педагогических конструктов и педагогических конструкторов. Воспитание в профессиональной подготовке педагогов [7] является базовой моделью включения личности в систему научно-педагогического поиска и научного исследования в целом. Профессионализм определяется продуктом персонализации развития и непрерывного образования, в конструктах

научного поиска является итогом адаптивно-акмепедагогического решения задач педагогической деятельности и развития личности обучающегося [8]. Педагогическая поддержка как модель и продукт педагогической деятельности и непрерывного образования уточняет представления о педагогической поддержке личности, позволяет продолжить идею оптимизации качества педагогической поддержки в работе образовательной организации и конкретного педагога и пр.

Генезис феномена *педагогическая поддержка школьника* [9] раскрывает сложности и нюансы детерминации и визуализации основ педагогической поддержки личности. Педагогическая поддержка необходима обучающемуся, а конструкт учета условий нормального распределения способностей не только важен обучающимся, имеющим высокие потребности в фасилитации и одобрении, но и всем другим обучающимся в соответствии с возрастосообразным развитием и приоритетами достижений и направленности поиска.

Модели и особенности формирования культуры самостоятельной работы студента колледжа [10] определяют перспективность учета адаптивно-акмепедагогического выбора условий и технологий развития, социализации и самореализации личности, что определяет последовательность решений задач использования педагогических конструктов и педагогических конструкторов в изучении и исследовании основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования. Педагогические условия оптимизации качества формирования культуры самостоятельной работы личности в модели дополнительного профессионального образования [11] раскрывают возможности фасилитации понимания важности адаптивно-акмепедагогического развития личности обучающегося, включенного в систему непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений в педагогике. Разработка и апробация концепции формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования [12] являются продуктом реализации качественного учета педагогической фасилитации и педагогической поддержки личности обучающегося и педагога, включённых в совместную деятельность. Теоретико-методологические основы данной концепции [13] отражают тенденции и продукты уточнения основ педагогической методологии, фасилитирующей качество описания и визуализации достижений процесса формирования культуры самостоятельной работы личности. Проблема и возможности формирования культуры самостоятельной работы студентов техникума [14; 15] являются способом и продуктом качественно организованной педагогической деятельности, в ресурсах и возможностях которой определяются адаптивный и адаптивно-акмепедагогический подходы, гарантирующие объективное использование педагогической поддержки личности как конструкта самоорганизации качества решения задач развития, социализации, самореализации и пр. Например, тренажер для обучения сварщиков в модели непрерывного образования [16] является средством фасилитации решения задач закрепления навыков работы со сварочным аппаратом, педагогическая поддержка в такой

практике определяется качеством понимания деятельности личности при решении задач сварки.

Научное исследование по педагогике [17] детализирует возможности уточнения последовательности и возможностей использования педагогических конструктов и педагогических конструкторов в выделенной плоскости решаемой задачи (в нашей практике – это задача конструкторов и конструкторов в изучении и исследовании основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования).

Возможности педагогического моделирования в системе непрерывного образования [18] отражают качество решения задач научного исследования (возможностей описания и визуализации педагогических конструктов и педагогических конструкторов в изучении и исследовании основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования).

Возможности моделирования и реализации концепции формирования культуры самостоятельной работы личности определяют систему приоритетов, в структуре признания и принятия которых можно повысить качество уточнения моделей педагогической фасилитации и педагогической поддержки.

Основы педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования

Уточнение понятий *педагогический конструкт*, *педагогический конструктор*, *изучение основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования*, исследование основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования определяются в структуре используемых адаптивно-акмепедагогического, персонализированно-продуктивного, функционально-трудового подходов, гарантирующих в традиционной и инновационной моделях изучения и исследования научно-педагогических явлений и событий повышение качества педагогических решений за счет детализации микро-, мезо-, макроуровневого рассмотрения и детализации поставленной проблемы деятельности в строго оговоренных условиях и реализуемых способах и технологиях оптимизации качества продуцирования и фасилитации, сотрудничества и самореализации, социализации и самоактуализации. Уточним вышеперечисленные понятия в конструктах широкого, узкого, локального, унифицированного, персонализированного и адаптивно-акмепедагогического смыслов.

Педагогический конструкт

Широкий смысл: система единиц педагогической деятельности, гарантирующая в использовании точный выбор предполагаемого и получаемого результата, особенности которого привязаны к различным компонентам современного образования и педагогического поиска (методология, уровень достижений, уровень образования и пр.).

Узкий: продукт педагогического поиска, определяющий достоверное и надлежащего качества решение поставленной педагогической задачи, раскрывающей на определенном уровне (микро-, мезо-, макро-) условия и специфику оптимального решения противоречий и проблем,

особенности которых непосредственно связаны с качеством проводимых изменений в традиционном и инновационном научном поиске и научном знании.

Локальный: способ представления качественного решения любой педагогической задачи или педагогической проблемы у определённого педагога с конкретными условиями и типами выбранных средств, методов, технологий и прочих идеальных и материальных продуктов и ресурсов организации педагогической деятельности.

Унифицированный: технология решения педагогических задач средствами фасилитации, педагогической поддержки, оптимизации, уточнения и прочих систем самоорганизации качества постановки и решения противоречий и проблем, в основе которых лежит педагогическая деятельность и ее продукты.

Персонифицированный: условие оптимизации качества решения педагогических задач в структуре педагогической деятельности конкретного педагога и системы образования в целом раскрывает перспективность и продуктивность всех изменений в системе образования и у конкретной педагогической инновации, определяющей те или иные способы постановки и решения различного рода теоретических и практико-ориентированных задач.

Адаптивно-акмепедагогический: механизм самоорганизации качества продуктивного и персонифицированного поиска в условиях современного выбора личности, включенной в систему непрерывного образования и профессионально-педагогических отношений, уточняющих справедливость реализации идей гуманизма, продуктивности, здоровьесбережения, конкурентоспособности, креативности, гибкости, толерантности и пр.

Примерами педагогических конструкторов в структуре современного научного поиска и педагогической науки в целом могут быть алгоритм, системы обобщенного характера, описание схемы деятельности, портфолио, профессионально-педагогический кейс и пр.

Педагогический конструктор

Широкий смысл: системно-метрический продукт, определяющий возможность продуктивного решения той или иной педагогической задачи в системе непрерывного образования и профессионально-педагогических отношений, детализация качества которого является функцией визуализации заявленного продукта в системе представлений и норм определенной педагогической системы или технологии.

Узкий: продукт педагогического поиска, определяющий в деятельности педагога высокий результат, получаемый через унифицированное или персонифицированное использование основ алгоритмического и / или креативно-продуктивного выбора условий заявленного поиска, гарантирует целостное понимание важности учета всех составных нормального распределения способностей и здоровья у обучающихся, включенных в целостный педагогический процесс и сотрудничество, самовыражение и самореализацию, социализацию и общение.

Локальный: способ представления данных, раскрывающих возможность повышения качества решения педагогических задач заявленной системой или моделью оптимизации или модификации решений.

Унифицированный: технология разработки универсальных средств оптимизации качества решения той или иной педагогической задачи, визуально представляющая особенности поиска и решений в едином конгломерате единиц и функций педагогической деятельности.

Персонифицированный: условие повышения качества решения педагогических задач в системе представлений и целеполагания, выделения качества получаемых продуктов и учета условий нормального распределения способностей и здоровья обучающихся.

Адаптивно-акмепедагогический: механизм повышения качества включения и мотивации деятельности обучающихся и педагогов в систему приоритетов и норм продуктивно-алгоритмического решения заявленной в педагогике задачи.

Примеры педагогических конструкторов в структуре реализуемой педагогом деятельности: педагогический конструктор системы принципов воспитания, обучения, социализации, самореализации и пр., конструктор педагогических технологий, конструктор структуры урока или классного часа и пр.

Изучение основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования

Широкий смысл: система детерминации и оптимизации возможностей изменения качества постановки и решения задач педагогической деятельности, где педагогическая поддержка определяется продуктом качественных решений мысленного эксперимента, проектов и продуктов деятельности педагога и системы образования.

Узкий: процесс определения и оптимизации возможностей и предпочтений оказания помощи обучающемуся в системе детерминированных заданий и выполняемой деятельности в целом, особенности которых оцениваются и измеряются в соответствии с критериями и показателями заявленных педагогических конструкторов реализации тех или иных составных деятельности, определяемой и уточняемой в системе непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений.

Локальный: процедура акмеверификации качества решения задачи *хочу, могу, надо, есть* в системе детерминант и возможностей системы непрерывного образования и персонифицированных предпочтений и особенностей продуктивного становления личности в деятельности и общении.

Унифицированный: механизм визуализации качества постановки и решения задач оказания и организации помощи обучающимся, нуждающимся в повышении качества успеваемости и продуктивности, уровня социализации и самореализации, самоутверждения и самосовершенствования, основы и возможности которых согласованно раскрываются в унифицированном конструкторе ценностей, целей, способов и продуктов решения задач и проблем.

Персонифицированный: способ модификации особенностей решения задач педагогической деятельности, гарантирующий повышение качества включенности личности в процессы социализации, образования, самореализации, продуктивного становления и сотрудничества, особенности которых согласованно повышаются при качественном уточнении системы противоречий развития личности, что является следствием поставленной задачи и продуктом описываемого явления.

Адаптивно-акмепедагогический: технология фасилитации выбора оптимального решения в иерархии доминирующих факторов и продуктов адаптивно-акмепедагогического генеза, визуализация и осознание ценности и востребованности которых могут быть следствием уточнения задачи *хочу, могу, надо, есть*, раскрывающей процесс и условия, механизмы и возможности, функции и продукты качественного выбора личностью составных описываемой технологии.

Изучение основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования может быть отражено в дневниках наблюдений, различных средствах самоанализа и рефлексии (портфолио обучающегося, профессионально-педагогический кейс и пр.).

Исследование основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования

Широкий смысл: система потенцирования и измерения изменений в структуре организации педагогической деятельности, направленной на повышение качества решения задач развития личности с использованием средств, методов, форм, принципов, условий, технологий фасилитации и детализации основ развития личности через персонифицированное обновление составных конструктора *хочу, могу, надо, есть*, гарантирующих личности и обществу неустанное обогащение возможностей продуктивного самовыражения, самоутверждения и самореализации личности в системе приоритетов и норм поликультурного пространства.

Узкий: процесс потенцирования и измерения изменений в структуре организации педагогической деятельности, направленной на повышение качества решения задач развития личности в конструкторе *хочу, могу, надо, есть*, гарантирующих повышение качества деятельности личности и общества.

Локальный: процедура оптимизации качества проектирования особенностей решения задач развития личности в конструкторе *хочу, могу, надо, есть*, гарантирующих повышение возможностей персонификации деятельности личности и устойчивости реализации идей гуманизма в обществе.

Унифицированный: механизм оптимизации качества решения задач развития личности в конструкторе *хочу, могу, надо, есть*, пролонгирующий точность учета условий и специфики нормального распределения способностей

и здоровья у обучающихся в определенной выборке и / или генеральной совокупности, где возрастосообразность и модели функционирования системы образования уточняют все особенности поставленной нами задачи в различных направлениях поиска и детализации, модернизации и модификации получаемых решений.

Персонифицированный: измеряемый и уточняемый продукт становления личности обучающегося в иерархии конструкторов и механизмов оптимизации особенностей развития, качество которых является исследуемой практикой повышения возможностей профессионально-педагогического выбора и деятельности в целом.

Адаптивно-акмепедагогический: способ уточняемого повышения качества решения задач развития обучающегося в системе непрерывного образования на протяжении всего периода жизнедеятельности, предопределяющий устойчивость самоорганизации качества педагогических процессов и продуктов фасилитации, сотрудничества, самосохранения.

Исследование основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования может быть определено в качественных и количественных показателях достижений обучающихся, включенных в систему непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений.

Заключение

Многомерность поиска персонифицированно-оптимальных возможностей описания и решения задач продуктивного использования педагогических конструкторов и педагогических конструкторов в изучении и исследовании основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования раскрывает перспективность детерминированной проблемы и реализуемых условий фасилитации и унификации поиска педагога, способствующего всей своей практикой раскрытию возможностей развития личности (конструктор *хочу, могу, надо, есть*), целостному и системно-мобильному становлению обучающегося как продукта, над которым все составные образования, науки, искусства, культуры, спорта и прочих направлений социализации и самореализации личности определили в решении свои унифицированные и персонифицированные системы самоорганизации качества реализации, модификации и коррекции уровня возможностей и достижений личности в обществе.

Педагогические конструкторы и педагогические конструкторы в изучении и исследовании основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования детерминируются в различных моделируемых и реализуемых условиях, где продуктивность, персонификация, здоровьесбережение определяют целостность выбора возможностей и результатов педагогической практики и педагогической деятельности.

Литература

1. Абашина Н. Н. Педагогическая поддержка как гуманная технология развития личности // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе. 2012. Т. 9. № 11. С. 10–13.
2. Албитова Е. П. Современное звучание понятия «педагогическая поддержка» в образовании // European Social Science Journal. 2013. № 4. С. 28–34.
3. Шудегова Ю. В. Понятие педагогической поддержки в современной науке // Вестник Пятигорского государственного университета. 2009. № 2. С. 376–379.
4. Щур Е. Д. Педагогическая поддержка в поликультурном социально-воспитательном пространстве // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 470–475.
5. Герман Ю. А. Сущность понятия «педагогическая поддержка» // Актуальные проблемы современной науки. 2011. № 4. С. 79–83.
6. Судьина А. Н., Козырева О. А. Педагогическая поддержка будущего педагога в адаптивном обучении как ресурс социализации и самореализации личности // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 152–156.
7. Козырева О. А. Теоретико-методологические основы формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2018. № 4. С. 114–125.
8. Губанова А. В. Педагогическая поддержка становления и развития в образовательном процессе // Омский научный вестник. 2006. № 7. С. 301–305.
9. Туктагулова М. Н. Генезис феномена «педагогическая поддержка школьника» // Преподаватель XXI век. 2013. № 4-1. С. 144–148.
10. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Boikova I. V., Gutak O. Ya. Models and ways of developing self-study culture of college students // Mechanics, Materials Science & Engineering (MMSE Journal). 2018. Vol. 17. DOI: 10.2412/mmse.34.90.847
11. Зонина О. Ф. Педагогическая поддержка учащихся с признаками одаренности // Человек и образование. 2010. № 3. С. 35–38.
12. Козырева О. А. Педагогические условия оптимизации качества формирования культуры самостоятельной работы личности в модели дополнительного профессионального образования // Концепт. 2018. № 8. С. 11–25.
13. Козырева О. А. Разработка и апробация концепции формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 3. С. 421–429. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.311
14. Козырева О. А., Козырев Н. А. Возможности моделирования и реализации концепции формирования культуры самостоятельной работы личности // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. С. 37.
15. Коновалов С. В., Бойкова И. В., Козырева О. А. Формирование культуры самостоятельной работы студентов техникума: модели и возможности // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. С. 117.
16. Шевченко Р. А. Тренажер для обучения сварщиков в модели непрерывного образования // European Social Science Journal. 2018. № 4. С. 296–305.
17. Свиноаренко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования. М.: МИФИ, 2014. 92 с.
18. Свиноаренко В. Г., Сорокин С. В., Тарасевич М. В. Возможности педагогического моделирования в системе непрерывного образования. М.: МИФИ, 2017. 148 с.

Pedagogical Constructs and Pedagogical Constructors in the Studies of the Basics of Pedagogical Support in the System of Continuous Education

Tamara K. Kobzar^{a,b}; Nikolai A. Kozyrev^a; Elena V. Mitkina^{a,b,@}

^a The Siberian State Industrial University, 42, Kirov St., Novokuznetsk, Russia, 654007

^b Secondary school № 26 in Novokuznetsk, Kemerovo region, 36, Pionersky Ave., Novokuznetsk, Russia, 654007

@ dpo-nvkz@yandex.ru

Received 04.10.2018. Accepted 18.01.2019.

Abstract: The present research features the basics of pedagogical support in the system of continuous education in the structure of actualization and generation of various pedagogical constructs and pedagogical constructors that facilitate a holistic understanding of the importance of personality development in the hierarchy of age-appropriate methods, forms, and technologies of educational and socio-professional activities. The authors clarify the concepts of "pedagogical construct", "pedagogical constructor", and "basics of pedagogical support in the system of continuous education". These concepts are described in the context of the adaptive-acmepedagogical, personified-productive, and functional-labor approaches that provide traditional and innovative models of the study and research of scientific-pedagogical phenomena and events, thus improving the quality of pedagogical solutions on micro-, meso-, and macro level. The implemented methods and technologies optimize the quality of production and facilitation, cooperation and self-realization, socialization, and self-actualization. The multidimensionality of the approach reveals the prospects for a teacher who would contribute to the personal development (construct "I want, I can, I must, there is"), as well as holistic and system-mobile formation of the student. In this research, a student is understood as a product that unites all the components of education: science, art, culture, sports, and other areas of socialization and self-realization. Pedagogical constructs and pedagogical constructors in the studies of the basics of pedagogical support in the system of continuous education are determined in various simulated and realized conditions, where productivity, personification, and health saving technologies determine the integrity of the choice of opportunities and results of pedagogical practice and pedagogical activity.

Keywords: facilitation, pedagogical modeling, pedagogical methodology, model of pedagogical support

For citation: Kobzar T. K., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. Pedagogical Constructs and Pedagogical Constructors in the Studies of the Basics of Pedagogical Support in the System of Continuous Education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 111–118. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-1-111-118>

References

1. Abashina N. N. Pedagogical support as a humane technology of personal development. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Nove obrazovatel'nye sistemy i tekhnologii obucheniia v vuze*, 2012, 9(11): 10–13. (In Russ.)
2. Albitova E. P. Modern sounding concepts "pedagogical support" in education. *European Social Science Journal*, 2013, (4): 28–34. (In Russ.)
3. Shudegova Yu. V. The concept of pedagogical support in modern science. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (2): 376–379. (In Russ.)
4. Shchur E. D. Pedagogical support in a multicultural social and educational space. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, (3): 470–475. (In Russ.)
5. German Yu. L. The essence of the concept of "pedagogical support". *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki*, 2011, (4): 79–83. (In Russ.)
6. Sud'ina L. N., Kozyreva O. A. Pedagogical support of the future teachers in adaptive learning environment as a resource of socialization and self-realization. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, 2016, (1): 152–156. (In Russ.)
7. Kozyreva O. A. Theoretical and methodological basis for forming the culture of self-dependent work of the person in the system of continuous education. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, 2018, (4): 114–125. (In Russ.)
8. Gubanova A. V. Pedagogical support to establishment and development of professional self-consciousness in gifted senior school pupils during educational process. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2006, (7): 301–305. (In Russ.)
9. Tuktagulova M. N. Genesis of the phenomenon of "pedagogical support of a schoolboy". *Prepodavatel' XXI vek*, 2013, (4-1): 144–148. (In Russ.)
10. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Boikova I. V., Gutak O. Ya. Models and ways of developing self-study culture of college students. *Mechanics, Materials Science & Engineering (MMSE Journal)*. 2018, 17. DOI: 10.2412/mmse.34.90.847
11. Zonina O. F. Pedagogical support of students with attributes of endowments. *Chelovek i obrazovanie*, 2010, (3): 35–38. (In Russ.)

12. Kozyreva O. A. Pedagogical conditions for optimizing the quality of the formation of a culture of independent work of the individual in the model of additional professional education. *Kontsept*, 2018, (8): 11–25. (In Russ.)
13. Kozyreva O. A. Development and approbation of the concept of culture formation of independent work of the individual in the system of continuous education. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, 2018, (3): 421–429. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.311
14. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A. Possibilities of modeling and realization of the concept of formation of culture of independent work of the person. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2018, (4): 37. (In Russ.)
15. Konovalov S. V., Boykova I. V., Kozyreva O. A. Formation of a culture of independent work of students of the technical school: models and opportunities. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2018, (4): 117. (In Russ.)
16. Shevchenko R. A. Simulator for training welders in the model of continuing education. *European Social Science Journal*, 2018, (4): 296–305. (In Russ.)
17. Svinarenko V. G., Kozyreva O. A. *Scientific research on pedagogy in the structure of higher and further education*. Moscow: MIFI, 2014, 92. (In Russ.)
18. Svinarenko V. G., Sorokin S. V., Tarasevich M. V. *Possibilities of pedagogical modeling in the system of continuous education*. Moscow: MIFI, 2017, 148. (In Russ.)

Изучение нравственно-ценностных ориентаций подростков во внеурочной работе

Сергей В. Козин^{a, @, ID1}; Анна И. Мустафина^{b, ID2}

^a Ростовский филиал ПАО «Ростелеком», 344082, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Братский, 47

^b Администрация Волгодонского района Ростовской области, 347350, Россия, ст. Романовская, Волгодонской район, ул. Почтовая, 13

@ mister.svk92@yandex.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-8398-8805>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-2829-8174>

Поступила в редакцию 06.05.2019. Принята к печати 15.07.2019.

Аннотация: Представлены результаты и основные положения проведенного авторского исследования, а также краткий обзор литературы по заявленной теме, рассмотрены термины *ценность*, *внеурочная работа*. Существует утверждение, согласно которому мирские ценности нужно передавать из поколения в поколение. Одним из таких ретрансляторов является семья, но есть и институт образования, который занимает не менее весомое место (хотя и критикуется во все времена и при всех режимах власти в той или иной степени). А поскольку школа входит в этот институт, то возникает справедливый вопрос – каким образом она должна формировать духовно-нравственные ценности у своих подопечных-школьников, причем с учетом нынешнего времени. На данные вопросы авторы статьи попытались ответить, проведя анализ зарубежной и отечественной научной литературы и авторское эмпирическое исследование. Цель – выявление психолого-педагогических условий ориентации подростков на нравственные ценности во внеурочной деятельности. Эмпирической основой настоящего исследования явились данные опроса, проведенного авторами работы в Романовской средней общеобразовательной школе в 2018 г. (N=43). Применение полученных результатов проведенного теоретико-эмпирического исследования может найти свое непосредственное применение в учебно-воспитательном процессе общеобразовательных учреждений, может быть полезно преподавателям гуманитарных кафедр педагогических вузов Российской Федерации в подготовке студентов к духовно-нравственному воспитанию школьников, в системе повышения квалификации и переподготовки педагогических работников Российской Федерации.

Ключевые слова: внеурочная работа, нравственность, воспитание, образование, школа, Романовская средняя общеобразовательная школа

Для цитирования: Козин С. В., Мустафина А. И. Изучение нравственно-ценностных ориентаций подростков во внеурочной работе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 119–125. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-119-125>

Введение

Современное российское общество развивается в русле неминуемой общемировой информационно-глобальной динамики, окружающие нас в повседневной жизни всевозможные гаджеты, информационные ИТ-технологии и нано-технологии (*nano-technologies*) бесспорно улучшают сферы (кластеры) нашей жизни, но вместе с тем мы мало задумываемся о том, какие нравственно-ценностные ориентации мы передадим будущим школьникам. Одним из важнейших условий существования и дальнейшего развития современного общества, индивидов и подрастающего поколения являются нравственно-ценностные ориентации.

Методологический арсенал данного исследования целиком определяется выбранной концептуальной и общей идейной стратегией статьи. Использовались принципы материалистического, логического и исторического исследования изучаемого явления; анализ и синтез. В практической части исследования нашло свое применение методика ценностных ориентаций М. Рокича.

Как известно, в СССР существовал так называемый железный занавес, который ограждал граждан как от выездов в зарубежные страны, так и от въезда зарубежных граждан в СССР. Это явление, безусловно, оказывало свое «жесткое» влияние на многие сферы советского общества, а именно культурную, экономическую, и в то же время не исключено стала и образовательная, педагогическая среда. Можно сказать, что советские ученые (исследователи) не могли полноценным образом осуществлять свое взаимодействие (контакт) и обмен ценным опытом с зарубежными коллегами по тем или иным актуальным исследованиям. Но необходимо сделать ремарку, что все-таки данное взаимодействие было, но по своей сути носило очень редкий характер и осуществлялось, как правило, на крупных международных конференциях, куда отправляли наиболее заслуженных ученых, обычно ими являлись академики АН СССР, где данный педагогический обмен (взаимодействие) для советских ученых имел место, но был очень скромным.

Трудности возобновления классической культуры в духовно-нравственном оздоровлении социума являются до такой степени сложными, что показатель нужного воздействия, а вместе с этим и рационального (адекватного) вывода может быть гарантирован только лишь масштабными поступками [1–6]. Поскольку основным стержнем развития индивида считается его духовно-нравственная зрелость, то основанием моделирования учебно-воспитательного (в том числе и внеурочного) процесса в школе должна стать стимуляция школьников на обнаружение и развитие их духовно-нравственного потенциала [7–11].

Согласно М. Веберу ценности и ценностные ориентации идентичны, более того, ценность идет как мотив *живи и давай жить другим* [12, с. 67–68]. Т. Парсонс, например, считал, что сама по себе ценность создается (появляется) на основе установленных представлений о том, что желательно. В этой связи стоит упомянуть, что достаточное количество работ Т. Парсонса было посвящено именно культуре, через которую он всячески стремился изучить данный аспект. (И, на наш взгляд, у него это получилось). Действительно, явным образом общечеловеческие возможности только лишь частично предполагают собой нечто, данное индивиду от рождения, в существенной мере он формируется в действиях (процессах) социализации личности [13–19]. Вместе с тем анализ данной темы свидетельствует об отсутствии и потребности единого, междисциплинарного анализа и создания теоретических основ, соединяющих цивилизационные, психологические и прочие нюансы хода ориентации подростков на нравственные ценности во внеурочной работе¹, которые в действительности взаимосвязаны в разнообразных переплетениях, сочетаниях, переходах.

Один из авторов данной статьи, рассуждая о воспитании и его критериях, а также исторических аспектах подчеркивал, что «воспитание означает механизм обеспечения и сохранения исторической памяти популяции, ...где все эти элементы тесно взаимодействуют друг с другом» [20, с. 9]. Ряд авторов [21–27] придерживаются позиции, что при воспитании личности ребенка должны учитываться его индивидуальные особенности.

Наше внимание пало на интересную статью зарубежного автора, где автором была сделана смелая попытка систематизации и обобщения материала, направленного на изучение (ретроспективный анализ) внеклассной деятельности студентов Черного колледжа, 1868–1940 гг. Автором был отмечен исторический момент того, что студенческие черные колледжи в Америке образовались в начале XIX в. [28, р. 43], и тогда речь об этом особо не шла, т. к. чернокожие для коренных белых американцев считались фактически с детства людьми второго сорта, и нужно признать, что школьная образовательная система того поистине сложного исторического периода была не в силах хоть как-то изменить их нравственное отношение к чернокожим детям.

Нет никакого сомнения, что интерес к всецелому изучению данной тематики у представителей педагогической, социологической и даже философской науки не будет «остывать», и поскольку образовательная сфера играет большую роль для современного общества, то данные исследования будут все более глубинней и в то же время более разноплановыми.

Эмпирическое изучение ценностных ориентаций подростков (на примере МБОУ Романовская СОШ Волгодонского района)

Было проведено эмпирическое исследование на выявление ценностных ориентаций среди подростков МБОУ «Романовская СОШ» Волгодонского района в станице Романовской. Испытуемыми стали учащиеся 8 класса в количестве 20 человек и 9 класса – 23 человека. Среди них 25 лиц женского и 18 – мужского пола, возраст – 14–15 лет.

Данное исследование проводилось в несколько этапов:

- 1) проведение психологической диагностики ценностных ориентаций;
- 2) анализ результатов исследования;
- 3) оформление выводов исследования.

Нужно сказать, что в качестве метода исследования использовалась Методика ценностных ориентаций М. Рокича. Система ценностей определяет сторону личности и ее направленность и отношение к окружающему миру. М. Рокич рассматривал ценности как разнообразность устойчивого убеждения, что некая цель или способ существования предпочтительнее, чем иные цели и способы. Природа человеческих ценностей по М. Рокичу:

- общее число ценностей, являющихся достоянием человека, сравнительно невелико;
- все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в различной степени;
- влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения.

Следует сказать, что предварительно перед самым началом исследования со школьниками был проведен инструктаж. Далее тестируемым была предложена анкета с двумя блоками ценностей, где собственно они должны были отметить наиболее важную ценность, поставив ее на первое место и затем по порядку расставив (проранжировав) ценности до наиболее незначительной.

Для сравнения терминальных ценностей между 8 и 9 классами отобразим результаты в таблице 1. Прослеживается схожесть жизненных целей у тестируемых таких ценностей, как здоровье, наличие верных друзей и активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни). Различия обусловлены интеллектуальными ценностями и профессиональной ориентацией. Если для учащихся 8 класса все же главными являются свобода, любовь, развлечения и материальная обеспеченность, то для 9 класса

¹ Появление первых организованных форм внеурочной деятельности произошло в 30-е г. XVIII в., когда в Шляхетском кадетском корпусе в Петербурге был организован воспитанниками литературный кружок.

Таблица 1. Терминальные ценности учащихся 8 и 9 классов
Table 1. Summary table of terminal values of students in grades 8 and 9

Ранг	8 класс		9 класс	
	Ценность	Среднее значение	Ценность	Среднее значение
1	здоровье	1,75	здоровье	1,52
2	наличие друзей	5,50	наличие друзей	5,74
3	любовь	6,65	активная деятельная жизнь	7,35
4	материально обеспеченная жизнь	7,85	жизненная мудрость	7,43
5	свобода	7,95	развитие	7,61
6	активная деятельная жизнь	8,30	любовь	7,74
7	развлечения	8,80	свобода	8,00
8	жизненная мудрость	9,20	уверенность в себе	8,48
9	интересная работа	9,35	познание	9,17
10	счастливая семейная жизнь	9,80	материально обеспеченная жизнь	9,43
11	развитие	9,80	развлечения	9,91
12	познание	10,10	общественное признание	10,43
13	уверенность в себе	10,70	счастливая семейная жизнь	10,74
14	продуктивная жизнь	10,90	продуктивная жизнь	11,17
15	общественное признание	11,65	интересная работа	11,87
16	творчество	13,50	творчество	12,74
17	красота природы и искусства	14,15	красота природы и искусства	15,74
18	счастье других	14,35	счастье других	15,91

в приоритете – развитие, жизненная мудрость, активная деятельная жизнь и уверенность в себе. У учащихся 9 класса более четко наблюдаются жизненная позиция, выраженная в ценности самореализации и интеллектуальном развитии.

Из результатов таблицы 2 (сравнение инструментальных ценностей) видно, что для школьников 8 класса в наибольшей степени характерны смелость в отстаивании своего мнения, непримиримость к недостаткам в себе и других, аккуратность, жизнерадостность и честность. То есть главными являются ценности самоутверждения, что свойственно для подросткового возраста. Ценностные ориентации 9-классников сильно отличаются от показателей 8-классников. Можно отметить, что здесь в приоритете, прежде всего: широта взглядов, смелость в отстаивании своего мнения, ответственность, твердая воля, эффективность и образованность. Данная тенденция, по нашему мнению, связана с профессиональной ориентацией учащихся.

В результате анализа влияния внеурочной деятельности на ценностные ориентации школьников и проведенного нами исследования ценностных ориентаций можно сделать следующие выводы. В МБОУ «Романовская СОШ» внеурочная деятельность охватывает достаточно большое количество направлений деятельности, определяющих ценностные ориентации школьников. Из результатов исследования ценностных ориентаций школьников 8 и 9 классов выявлено, что испытуемые подростки отдают предпочтение таким ценностям, как здоровье, активная деятельная

жизнь, наличие верных друзей, развитие, широта взглядов, смелость в отстаивании своего мнения, ответственность, твердая воля, эффективность и образованность.

Внеурочная деятельность оказывает достаточное влияние на становление ценностных ориентаций подростков – здоровье, познание (расширение кругозора), любовь к природе, к родному краю, трудолюбие, чуткость и взаимопомощь, самостоятельность, рационализм, развитие (работа над собой и физическое совершенствование), развлечения, эмоциональная насыщенность.

Заключение

Система ценностных ориентаций составляет основу отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самому, основу мировоззрения. Благодаря этому роль семьи считается наиболее значительным фактором социализации личности и одним из факторов формирования ценностных ориентаций подростков. Очевидно, что в подростковом возрасте у детей ценности еще не устоялись и испытываются практикой собственного поведения и поступков окружающих. Благодаря этому можно выделить еще множество научных педагогических и социологических работ, которые связывают напрямую процесс социализации подростков с их ценностными ориентациями.

По результатам исследования выявлены тенденции сходства в терминальных ценностях учащихся 8 и 9 классов. Наибольшее предпочтение терминальных ценностей

Таблица 2. Инструментальные ценности учащихся 8 и 9 классов

Table 2. Summary table of instrumental values of students in grades 8 and 9

Ранг	8 класс		9 класс	
	Ценность	Среднее значение	Ценность	Среднее значение
1	смелость в отстаивании своего мнения	4,95	широта взглядов	4,48
2	непримиримость к недостаткам в себе и других	6,10	смелость в отстаивании своего мнения	6,04
3	аккуратность	7,35	ответственность	7,22
4	жизнерадостность	7,45	твердая воля	7,22
5	честность	7,55	эффективность	7,78
6	воспитанность	7,75	образованность	8,22
7	твердая воля	7,75	честность	8,78
8	высокие запросы	9,35	самоконтроль	8,96
9	независимость	9,45	воспитанность	9,00
10	образованность	10,35	рационализм	9,26
11	эффективность	10,50	непримиримость к недостаткам в себе и других	10,56
12	широта взглядов	10,45	чуткость	10,56
13	ответственность	11,05	жизнерадостность	10,69
14	терпимость	11,10	независимость	11,00
15	самоконтроль	11,85	высокие запросы	12,04
16	чуткость	12,25	аккуратность	12,52
17	рационализм	12,70	исполнительность	12,61
18	исполнительность	13,05	терпимость	14,09

испытуемые подростки отдадут здоровью, активной деятельности жизни, наличию верных друзей. Наименьшее предпочтение – творчеству, красоте природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве) и счастьем других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом).

Также следует отметить и различия. Они обусловлены интеллектуальными ценностями и профессиональной ориентацией. Для школьников 8 класса, у которых вопрос

о выборе профессии и самореализации не стоит так остро, как для подростков 9 класса, которые уже скоро будут сдавать экзамены и поступать в учебные заведения, ценности образованности, жизненной мудрости и развития не являются актуальными на данный момент. По результатам исследования инструментальных ценностей выявлены различия достижения жизненных целей, однако есть и тенденции схожести ценности смелости в отстаивании своего мнения.

Литература

1. Мустафина А. И. Ориентация подростков, направленная на нравственные ценности во внеурочной работе // Современная педагогика: теория, методика, практика: сборник материалов II Междунар. науч.-практ. конф. (16 ноября 2018 г., Москва). М.: Империя, 2018. С. 106–115.
2. Козин С. В. Особенности взаимодействия семьи и общеобразовательных школ в процессе социализации младших школьников: трансдисциплинарный подход // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика: сб. науч. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф. (20 апреля 2017 г., Москва). М.: Книгодел, 2017. Вып. IV. С. 218–226.
3. Tisdale T. C. Psychology and Spiritual Formation: The State of the Union // Journal of Spiritual Formation & Soul Care. 2014. Vol. 7. № 2. P. 220–228. DOI: <https://doi.org/10.1177/193979091400700206>
4. Lukšik I. Cultures More and Less Successful Schools // Journal of Pedagogy. 2011. Vol. 2. № 1. P. 73–91. DOI: <https://doi.org/10.2478/v10159-011-0005-1>
5. Curren R. Motivational aspects of moral learning and progress // Journal of Moral Education. 2014. Vol. 43. № 4. P. 484–499. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057240.2014.935306>

6. Jensen L. A. Handbook of moral development // *Journal of Moral Education*. 2015. Vol. 44. № 3. P. 382–387. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057240.2015.1053738>
7. Селиванова З. К. Сравнительный анализ жизненных целей и ценностных ориентаций старших подростков Москвы и городов Башкортостана // *Социодинамика*. 2016. № 8. С. 45–54. DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.8.18852>
8. Ростовцева М. В., Гудовский И. В., Гончарова Т. М., Хохрина З. В. Исследование связи ценностных ориентаций и психологических механизмов адаптации личности // *Психолог*. 2017. № 4. С. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2017.4.23415>
9. Бондарева Я. В., Молчан Э. М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2019. № 1. С. 43–51. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-1-43-51>
10. Рыболова Е. А., Шевченко О. В. Духовно-нравственные приоритеты учащейся молодежи в России начала XX и XXI вв.: Опыт сравнительно-исторического анализа // *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 11. С. 94–99. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2018.11.18>
11. Дильдибекова Г. А. Духовно-нравственное воспитание подростков: сущность, структура и функции // *Тенденции развития науки и образования*. 2018. № 36-3. С. 18–21. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-31-03-2018-42>
12. Евдокимова Т. Г. Теоретико-методологические основания изучения ценностных ориентаций // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2018. № 1. С. 65–75. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-1-65-75>
13. Brandenberger J. W. Moral development: Theory and applications // *Journal of Moral Education*. 2015. Vol. 44. № 3. P. 387–389. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057240.2015.1053317>
14. Frisancho S., Delgado G. E. Moral education as intercultural moral education // *Intercultural Education*. 2018. Vol. 29. № 1. P. 18–39. DOI: <https://doi.org/10.1080/14675986.2017.1405214>
15. McGavin P. A. Conversing on ethics, morality and education // *Journal of Moral Education*. 2013. Vol. 42. № 4. P. 494–511. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057240.2013.817330>
16. Захарова А. П., Борисова У. С. Ценностные ориентации старшеклассников Саха сельских школ // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 11-1. С. 45–48. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.65.169>
17. Piko B. F. Adolescents' Health-Related Behaviors in the Light of Their Value Orientations // *Substance Use & Misuse*. 2005. Vol. 40. № 6. P. 735–742. DOI: <https://doi.org/10.1081/JA-200030528>
18. Murtezani L. The Value Orientations of the Adolescents: Differences and Similarities // *European Journal of Social Science Education and Research*. 2017. Vol. 4. № 6. P. 34–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.26417/ejserv1i2.p34-38>
19. Höllinger F. Value orientations and social attitudes in the holistic milieu // *BJS The British journal of sociology*. 2017. Vol. 68. № 2. P. 293–313. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12255>
20. Козин С. В. Воспитание советских граждан в 70–80-х гг. XX в. // *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2019. Т. 3. № 1. С. 9–14. DOI: <https://doi.org/10.21306/2542-1840-2019-3-1-9-14>
21. Козин С. В., Дырр А. И. Теоретическое обоснование процесса формирования духовно-нравственных ценностей школьников в контексте диалога культур на примере г. Элиста // *Непрерывное образование в России: состояние и перспективы: материалы докладов VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (14 октября 2017 г., Ростов-на-Дону)*. Рн/Д, 2017. С. 109–115.
22. Levitt D. H., Aligo A. A. Moral Orientation as a Component of Ethical Decision Making // *Counseling and Values*. 2013. Vol. 58. № 2. P. 195–204. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.2161-007X.2013.00033.x>
23. James A., Fine M., Lester A. A re-investigating of the religious orientation-moral reasoning relationship: a relational developmental systems perspective // *Journal of Beliefs & Values Studies in Religion & Education*. 2015. Vol. 36. № 2. P. 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1080/13617672.2015.1051362>
24. Syed J. From Transgression to Suppression: Implications of Moral Values and Societal Norms on Emotional Labour // *Gender, Work & Organization*. 2008. Vol. 15. № 2. P. 182–201. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0432.2007.00356.x>
25. Лингевич О. В. Организация внеурочной деятельности в образовательных учреждениях // *Научный альманах*. 2015. № 10-2. С. 292–294. DOI: <https://doi.org/10.17117/na.2015.10.02.292>
26. Парфенова Т. А. Исследование ценностно-смысловых ориентаций старших школьников // *Научный альманах*. 2015. № 8. С. 1543–1545. DOI: <https://doi.org/10.17117/na.2015.08.963>
27. Nikolaeva A., Popova L. To the Problem of the Spiritual and Moral Values Formation in Senior Pre-school Children // *Procedia – social and behavioral sciences*. 2014. Vol. 146. P. 271–274. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.08.127>
28. Little M. H. The Extra-Curricular Activities of Black College Students, 1868–1940 // *The Journal of African American History*. 2002. Vol. 87. № 1. P. 43–55. DOI: <https://doi.org/10.1086/JAAHv87n1p43>

Moral and Value Orientations of Adolescents in Extracurricular Work

Sergey V. Kozin ^{a, @, ID1}; Anna I. Mustafina ^{b, ID2}

^a Rostov branch of Rostelecom PJSC, 47, Bratsky Ln., Rostov-on-Don, Russia, 344082

^b Administration of Volgodonsk district, Rostov region, 13, Pochtovaya St., Romanovskaya station, Russia, 347350

@ mister.svk92@yandex.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-8398-8805>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-2829-8174>

Received 19.04.2019. Accepted 13.05.2019.

Abstract: The present paper gives a review of such terms as "value" and "extracurricular activities". Secular values are to be passed from generation to generation. Family is the most traditional means of the transfer. However, educational institutions are of equal importance, though criticized at all times and under all regimes. Therefore, school must build spiritual and moral values in schoolchildren, taking in consideration the current conditions. The authors tried to answer the question how exactly the modern school should do it. The research contains an analysis of numerous foreign and domestic scientific sources, as well as the authors' own empirical research. The research objective was to identify the psychological and pedagogical conditions for orientation of adolescents to moral values during extracurricular activities. The empirical basis was the data obtained from a survey conducted at a secondary school (Romanovskaya Station) in 2018 (N=43). The research employed methods of analysis and synthesis. The results of theoretical and empirical research can find direct application in the educational process. They may also be useful for humanitarian departments of Russian pedagogical universities that prepare students for spiritual and moral education of students. In addition, the data can be used in the system of training and retraining of teachers.

Keywords: overtime, morality, upbringing, education, school, Romanovskaya secondary school

For citation: Kozin S. V., Mustafina A. I. Moral and Value Orientations of Adolescents in Extracurricular Work. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 119–125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-1-119-125>

References

1. Mustafina A. I. Orientation of adolescents aimed at moral values during extracurricular work. *Modern pedagogy: theory, methodology, practice*: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf. (November 16, 2018, Moscow). Moscow: Imperia, 2018, 106–115. (In Russ.)
2. Kozin S. V. Peculiarities of interaction between families and schools in the process of socialization of primary school pupils: a transdisciplinary approach. *Actual problems of humanitarian sciences: theory, method, practice*: Proc. IV All-Russian Sci.-Prac. Conf. (April 20, 2017, Moscow). Moscow: Knigodel, 2017, iss. IV, 218–226. (In Russ.)
3. Tisdale T. C. Psychology and Spiritual Formation: The State of the Union. *Journal of Spiritual Formation & Soul Care*, 2014, 7(2): 220–228. DOI: <https://doi.org/10.1177/193979091400700206>
4. Lukšić I. Cultures More and Less Successful Schools. *Journal of Pedagogy*, 2011, 2(1): 73–91. DOI: <https://doi.org/10.2478/v10159-011-0005-1>
5. Curren R. Motivational aspects of moral learning and progress. *Journal of Moral Education*, 2014, 43(4): 484–499. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057240.2014.935306>
6. Jensen L. A. Handbook of moral development. *Journal of Moral Education*, 2015, 44(3): 382–387. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057240.2015.1053738>
7. Selivanova Z. K. Comparative analysis of the life goals and value orientations among the upper teens of Moscow and the cities of Bashkortostan. *Sociodynamics*, 2016, (8): 45–54. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.8.18852>
8. Rostovtseva M. V., Godowski I. V., Goncharov T. M., Hohrina Z. V. Analysis of the relationship between personal value systems psychological adaptation mechanisms. *Psychologist*, 2017, (4): 1–9. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2017.4.23415>
9. Bondarev Y. V., Molchan E. M. Spiritual and moral values as a vector of the development of social systems. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, 2019, (1): 43–51. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-1-43-51>
10. Rybolova E. A., Shevchenko O. V. The spiritual and moral priorities Russian students in early 20th and early 21st centuries: a comparative historical analysis. *Society: philosophy, history, culture*, 2018, (11): 94–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2018.11.18>
11. Dildabekova G. A. Spiritually-moral education of adolescents: nature, structure, and function. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2018, (36-3): 18–21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-31-03-2018-42>

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-2-119-125

12. Evdokimova T. G. Theoretical and methodological foundations for studying of value orientations. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, 2018, 1(11): 65–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-1-65-75>
13. Brandenberger J. W. Moral development: Theory and applications. *Journal of Moral Education*, 2015, 44(3): 387–389. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057240.2015.1053317>
14. Frisancho S., Delgado G. E. Moral education as intercultural moral education. *Intercultural Education*, 2018, 29(1): 18–39. DOI: <https://doi.org/10.1080/14675986.2017.1405214>
15. McGavin P. A. Conversing on ethics, morality and education. *Journal of Moral Education*, 2013, 42(4): 494–511. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057240.2013.817330>
16. Zakharova A. P., Borisova U. S. Valuable orientations of senior pupils of rural schools of Sakha. *Mezhdunarodny' j nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2017, (11-1): 45–48. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.65.169>
17. Piko B. F. Adolescents' Health-Related Behaviors in the Light of Their Value Orientations. *Substance Use & Misuse*, 2005, 40(6): 735–742. DOI: <https://doi.org/10.1081/JA-200030528>
18. Murtezani L. The Value Orientations of the Adolescents: Differences and Similarities. *European Journal of Social Science Education and Research*, 2017, 4(6): 34–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.26417/ejser.v1i2.p34-38>
19. Höllinger F. Value orientations and social attitudes in the holistic milieu. *BJS The British journal of sociology*, 2017, 68(2): 293–313. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12255>
20. Kozin S. V. Soviet upbringing in 1970s–1980s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2019, 3(1): 9–14. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21306/2542-1840-2019-3-1-9-14>
21. Kozin S. V., Dyr A. I. Theoretical justification of process of formation of spiritual and moral values of students in context of dialogue of cultures on the example of Elista. *Problems of continuous professional education in Russia: state and prospects: Proc. VII All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation. (October 14, 2017, Rostov-on-Don)*. Rostov-on-Don, 2017, 109–115. (In Russ.)
22. Levitt D. H., Aligo A. A. Moral Orientation as a Component of Ethical Decision Making. *Counseling and Values*, 2013, 58(2): 195–204. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.2161-007X.2013.00033.x>
23. James A., Fine M., Lester A. A re-investigating of the religious orientation-moral reasoning relationship: a relational developmental systems perspective. *Journal of Beliefs & Values Studies in Religion & Education*, 2015, 36(2): 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1080/13617672.2015.1051362>
24. Syed J. From Transgression to Suppression: Implications of Moral Values and Societal Norms on Emotional Labour. *Gender, Work & Organization*, 2008, 15(2): 182–201. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0432.2007.00356.x>
25. Linkevich O. B. Organization of extracurricular activities in educational institutions. *Nauchnyi almanakh*, 2015, (10-2): 292–294. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17117/na.2015.10.02.292>
26. Parfenova T. A. The study of value-semantic orientations of senior pupils. *Nauchnyi almanakh*, 2015, 18(10): 1543–1545. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17117/na.2015.08.963>
27. Nikolaeva A., Popova L. To the Problem of the Spiritual and Moral Values Formation in Senior Pre-school Children. *Procedia – social and behavioral sciences*, 2014, (146): 271–274. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.08.127>
28. Little M. H. The Extra-Curricular Activities of Black College Students, 1868–1940. *The Journal of African American History*, 2002, 87(1): 43–55. DOI: <https://doi.org/10.1086/JAAHv87n1p43>

Цифровая среда – новые вызовы вузовской библиотеке

Екатерина Л. Кудрина^{a, b, @}; Карина В. Ивина^b

^a Центр «Корпоративный университет "Ленинка"» Российской государственной библиотеки, 119019, Россия, г. Москва, ул. Воздвиженка, 3/5

^b Государственный университет управления, 109542, Россия, г. Москва, пр-т Рязанский, 99

@ kudrina_1955@mail.ru

Поступила в редакцию 19.04.2019. Принята к печати 13.05.2019.

Аннотация: В статье отмечается актуальность и значимость перехода к цифровой экономике и цифровому обществу как наиболее значимым приоритетам государственной политики Российской Федерации, подчеркивается влияние этого процесса на развитие всех видов и типов библиотек, включая вузовские библиотеки. Среди новых вызовов для вузовской библиотеки со стороны цифровой среды при сохранении неизменности её основного функционального назначения подчеркивается появление новых социальных и технологических задач, специфика работы с цифровыми пользователями вузовской библиотеки, изменение доступа к электронным ресурсам, новые требования к публикационной активности преподавателей и научных сотрудников в специализированных источниках и к профессионально-компетентностному статусу, креативности и творчеству руководителей и специалистов вузовских библиотек. Рассматривается проект нового документа – «Концепция развития вузовских библиотек», в котором подчеркивается изменение роли вузовских библиотек и необходимость изменения содержания их деятельности с учетом развития мировых библиотек и таких составляющих компонентов вузовских библиотек, как инфраструктура, структура и ультраструктура, являющихся важными элементами жизнедеятельности вузовской библиотеки и новыми для неё вызовами цифровой среды. Характеризуется деятельность Государственного университета управления по подготовке и повышению квалификации управленческих кадров для библиотечного дела.

Ключевые слова: библиотечное дело, компетенция, компетентностный подход, профессиональное образование, цифровизация, цифровая экономика, вузовская библиотека

Для цитирования: Кудрина Е. Л., Ивина К. В. Цифровая среда – новые вызовы вузовской библиотеке // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 126–134. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-126-134>

Введение

Переход к цифровой экономике и цифровому обществу как наиболее значимым приоритетам государственной политики РФ актуализирует и повышает значимость процесса цифровизации профессионального образования. Данный процесс, направленный в сфере образования на формирование цифровой образовательной среды и глубокую модернизацию образовательной деятельности, охватывает современный этап развития всех видов и типов библиотек, включая вузовские библиотеки.

Новые вызовы вузовской библиотеке со стороны цифровой среды при сохранении неизменности её основного традиционного функционального назначения – информационное обеспечение и поддержка учебного и научно-исследовательского процессов – кардинально меняют многие технологии и формы её работы, характеризуются появлением новых социальных и технологических задач, проявлением специфики работы с пользователями вузовской библиотеки и внедрением библиотечно-информационных сервисов, изменением доступа к электронным ресурсам, современным знаниям, выработкой новых требований к публикационной активности преподавателей и научных сотрудников в специализированных источниках, к профессионально-

компетентностному статусу, креативности и творчеству руководителей и специалистов вузовских библиотек.

Цифровая экономика и глобальные перемены XXI в.

В современных условиях вопрос о состоянии и перспективах развития цифровой экономики выходит на ключевые позиции важности и актуальности осуществляемых процессов. Повышая конкурентоспособность участников цифровизации, которыми, несомненно, являются и субъекты образовательной деятельности, цифровая экономика не только ломает привычные модели отраслевых рынков, государственных и коммерческих организаций, к которым имеют прямое отношение высшие учебные заведения страны и их библиотеки, но и способствует компетентностному цифровому развитию участников этого процесса и росту возможностей внедрения и освоения новых цифровых технологий и новых инновационных форм работы.

Устойчиво развивающаяся сеть Интернет и наполнение реальными событиями, которые происходят в жизни виртуального мира, становятся основными трендами цифровой среды в последние три десятка лет. При этом практически либо совсем стирается, либо становится менее четкой грань между виртуальным и реальным мирами. Вместе с тем, являясь самой крупной страной в Европе

по количеству пользователей Интернета – 84 млн человек, Россия имеет больше всего пользователей в возрастной группе от 16 до 29 лет – 97 %, но находится по сравнению с рядом стран на более низком уровне распространения Интернета – 70,4 %¹.

Активные действия государства, связанные с целым рядом «революционных преобразований в жизни государства из-за взятого нового экономического курса, формирования новых социальных ценностей» [1, с. 136], заставляют в корне менять ситуацию в системе высшего профессионального образования, затрагивая деятельность вузовских библиотек в сторону её цифровизации с опорой на основные федеральные стратегические документы, в которых закреплено развитие отечественной цифровой экономики на современном этапе:

- О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы²;
- О реализации национальной технологической инициативы³;
- Современная цифровая образовательная среда в РФ⁴;
- Цифровая экономика РФ⁵ и др.

Несомненным приоритетом в данных и еще ряде других документов обозначено новое отношение человека к труду, к необходимости формирования системы непрерывного образования и создания структуры базовых и профессиональных компетенций цифровой экономики. Таким образом, как мы видим, глобальные перемены XXI в. не только активно влияют на цифровое будущее современного цифрового поколения, с которым необходимо в своей модернизации и развитии считаться вузовской библиотеке, но и ускоренными темпами перестраивают механизмы их субъектно-субъектного и субъектно-объектного взаимодействия.

Кардинально меняющийся сегодня мир вследствие складывающегося «ядра четвертой промышленной революции» [2], которая меняет наши образ жизни, ментальность, мышление и поведение, требует новых подходов в формировании готовности и способности постоянно учиться новому и является либо безусловным конкурентным преимуществом обучающихся в высших учебных заведениях

при их дальнейшем трудоустройстве, либо оказывается тормозом при дальнейшем обустройстве личного жизненного пространства. Такая ситуация сохраняется в сложившемся индустриальном образовании при влиянии «взаимодействия рынка труда и образовательного процесса, которое в России еще до конца не установилось» [3, с. 69] друг на друга.

Собственно говоря, термин *индустриальное образование*, обозначенный в работах К. Робинсона и использованный отечественными исследователями при характеристике существующей системы образования, в которой образовательный процесс строится в виде производственной модели, построенной на принципах его линейности, «однородности образовательного содержания и "упаковки" людей в группы для обучения (в основном по возрасту)»⁶, имеет непосредственное отношение к образовательной системе по подготовке людей со стандартными навыками. Но система образования не сможет справиться «с формированием нестандартных навыков и сопровождением индивидуального развития»⁷, т. к. современная ситуация, связанная с цифровизацией общества, требует нового формата образования – образования цифровой эпохи; новых компетенций – базовых и профессиональных компетенций цифровой эпохи.

Вузовские библиотеки на современном этапе цифрового развития

Вузовские библиотеки как участники образовательного сообщества, формирующего кадровый потенциал для цифровой среды, призваны участвовать в создании ключевых условий в системе подготовки специалистов для обеспечения цифрового общества компетентными кадрами, мотивированными на усвоение новых компетенций для развития процессов цифровизации, для использования цифровых технологий, для формирования цифрового пространства и моделей информационного взаимодействия.

В частности, в «Концепции Базовой модели компетенций цифровой экономики» разработчики А. Я. Данилюк и А. М. Кондаков, актуализируя появление новых концепций

¹ Интернет-доступ (мировой рынок) // Tadviser. Государство. Бизнес. ИТ. Режим доступа: www.tadviser.ru/index.php/Статья: Интернет-доступ_(мировой рынок) (дата обращения: 02.04.2019).

² О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 15.03.2019).

³ О реализации национальной технологической инициативы. Постановление Правительства РФ от 18.04.2016 № 317. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/71380666/paragraph/1:4> (дата обращения: 15.03.2019).

⁴ Современная цифровая образовательная среда в РФ. Паспорт приоритетного проекта. Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 25.10.2016 № 9). Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).

⁵ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16). Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).

⁶ Будущее образования: глобальная повестка. Режим доступа: http://rusinfo-guard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda_ru_full.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

⁷ Там же.

цифровой экономики и роль в этом образовательных организаций, часть из которых практически является обладателями вузовских библиотек, подчеркивают изменение самого способа организации образования: «от образования как процесса передачи знаний, формирования умений и навыков – к образованию как процессу непрерывного развития и применения компетенций; от образования для всех – к образованию для каждого; от непрерывного образования – к непрерывному личностному развитию в течение всей жизни» [4, с. 2].

Таким образом, исследователи позиционируют появление новых трендов в образовании, связывая их с формированием единого цифрового пространства содержания образования образовательными программами, моделями компетенций на основе новейших цифровых платформ и цифровых технологий, новыми цифровыми пространствами и функционированием информации внутри них. Следует согласиться с позицией авторов в том, что произойдет возрастание мотивации к новому содержанию образовательной деятельности и формам ее реализации, модернизируется система социально-педагогических отношений. Несомненно, изменится не только отношение к вузовским библиотекам, но и сама их роль и место в образовательной организации, при том что образованию пророчат занять место ведущей отрасли «цифровой экономики, в которой будет происходить активное взаимодействие государства, общества, бизнеса, науки в целях интенсивного наращивания человеческого капитала. Возникнут условия для выстраивания индивидуальных образовательных маршрутов в течение всей жизни человека и формирования персональных профилей компетенций» [4, с. 2].

Тем самым авторы подтверждают важность обозначенной позиции – о выстраивании индивидуальных образовательных маршрутов и необходимости обретения навыков жизни в цифровую эпоху, которая обозначена как один из приоритетов в Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию: «Нужно переходить и к принципиально новым, в том числе индивидуальным технологиям обучения, ...к творческому поиску, учить работе в команде, что очень важно в современном мире, навыкам жизни в цифровую эпоху», – подчеркивает президент⁸.

Новый компетентностный формат, на который перешли вузы посредством реализации ФГОС ВО, создает единую систему требований к процессам и результатам образования всех уровней и видов и к деятельности структурных подразделений вуза, включая библиотеку (в отдельных вузах – это библиотечно-информационный центр, издательский центр с функциями библиотеки и т. п.). При этом с точки

зрения авторов доклада «Двенадцать решений для нового образования», подготовленного Центром стратегических разработок и Высшей школой экономики, «цифровые технологии впервые в истории дают возможность обеспечить индивидуализацию для каждого обучающегося образовательной траектории, методов (форм) и темпа освоения образовательного материала»⁹.

Учет вузовской библиотекой в своих направлениях деятельности и развитии ряда факторов, лежащих в основе мировых тенденций и способствующих изменениям в образовательном пространстве, является важной компонентой новых вызовов современного этапа этому важному институту культуры. В основе данных факторов лежат такие вызовы, как изменение мирового экономического порядка, гуманитаризация технологий, гуманитаризация и медиатизация конфликтов, появление новых профессий, деинституционализация [5, с. 19–20]. Именно с этими вызовами и предстоит считаться вузовской библиотеке, определяя свое развитие в структуре высшего учебного заведения.

Цифровая эпоха и цифровые технологии, определяющие индивидуализацию образовательной траектории для каждого обучающегося в вузе, изменяют роль вузовских библиотек. На современном этапе формирующаяся новая миссия вузовских библиотек определяет в качестве их ключевой роли доступ и его качественную организацию к новым знаниям, информационную поддержку и отработку процессов сопровождения модернизации вузов с использованием цифровых технологий. Важнейшая задача, связанная с поиском и разработкой новых цифровых информационно-образовательных ресурсов, обеспечением и внедрением современных технологий доступа к ним в условиях меняющейся образовательной парадигмы, имеет прямое отношение к формированию нового образа, нового типа вузовской библиотеки, модель которой направлена на нового пользователя – читателя цифровой эпохи с новыми цифровыми компетенциями и новыми потребностями в них.

«Концепция развития вузовских библиотек» как стратегический документ их современного развития

В настоящее время вузовские библиотеки входят в России в одну из крупнейших групп библиотек. В стране насчитывается «свыше 500 вузовских библиотек, с общим фондом более 430 млн печатных и неопубликованных документов, почти 5 млн читателей, около 20 тыс. человек персонала»¹⁰. Как и все системы и институты развития общества и государства, вузовские библиотеки переживают эпоху, которая может «считаться временем выбора», периодом,

⁸ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию РФ от 01.03.2018 // Кодекс. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/556773766> (дата обращения: 15.03.2019).

⁹ Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2018/04/06/1164671180/Doklad_obrazovanie_Web.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

¹⁰ Концепция развития вузовских библиотек России. 2018. 24 с. Режим доступа: http://www.lib.tsu.ru/sites/default/files/konceptsiya_razvitiya_universitetskih_bibliotek_rossii_v2.pdf (дата обращения: 19.03.2019).

когда «технологии проектирования будущего приобретают стратегическое значение» [6, с. 6].

В новом документе «Концепция развития вузовских библиотек» (проект), определяющем направления развития вузовских библиотек на ближайшие пять лет (2019–2024), отмечаются новые вызовы и новые тренды, с которыми сталкиваются эти институты культуры на современном этапе возрастающих темпов изменений в информационно-образовательном пространстве, в системе образования и научной коммуникации, прописываются прогнозы их проектного развития, зависящие от тех изменений, с которыми сталкиваются современные вузы и в целом вся система образования. «Новые информационные технологии, поставившие под сомнение существование традиционных форм образования и науки, усиление конкурентной борьбы на рынке образовательных услуг, глобализация науки и образования, появление научных проектов масштаба *megascience* и пр. – это лишь небольшой перечень изменений, с которыми столкнулись современные вузы», – отмечается в проекте Концепции¹¹. Несомненно, что это актуализирует и подчеркивает своевременность разработки Концепции как документа, направленного на определение роли и места вузовской библиотеки в инновационных процессах внедрения в вузах цифровых технологий, формирования цифрового пространства и появления новых цифровых продуктов и услуг.

Характеризуя данный документ, заметим, что он традиционен и состоит из введения, пяти разделов (с подразделами в пятом) и заключения. В частности, содержание его разделов представляют следующие компоненты.

1. Цели и задачи концепции развития вузовских библиотек.

2. Модели развития вузовских библиотек мира.

3. Основные принципы и факторы развития вузовских библиотек России.

4. Ядро изменений вузовской библиотеки: стратегические направления развития.

5.1. Библиотека как центр научных коммуникаций и доступного образования.

5.2. Новая исследовательская миссия университета.

5.3. Библиотека как центр университетского кампуса.

5.4. Эффективное управление.

5.5. Сетевое взаимодействие.

5.6. Информационная политика.

В Концепции определены цель и задачи этого проектно-прогнозного документа, которые связаны с проблемами устойчивого развития, обозначенными как важные тренды развития ООН, которые необходимо учитывать системе образования в целом, а также вузовским библиотекам как составным компонентам этой системы. Цель Концепции – создание условий «для устойчивого развития

российской науки и образования, гарантировав их поступательный рост за счет модернизации деятельности вузовских библиотек»¹², что подчеркивает значимость поставленных в ней задач (приоритетов):

- «выявить основные направления развития и трансформации деятельности вузовских библиотек в соответствии с современными тенденциями развития науки и образования;
- объединить усилия вузовских библиотек по формированию общего информационного пространства российской науки и его интеграции в мировое информационное пространство;
- содействовать закреплению инвестиционного подхода во взаимоотношениях университета и библиотеки, восприятию библиотеки как объекта инвестиций, вложений в цифровую трансформацию университета в целом;
- закрепить за вузовскими библиотеками функции, связанные с реализацией "третьей роли" современного университета: позиционированием научно-образовательной, просветительской и культурной деятельности для города и региона;
- содействовать формированию федеральной политики в отношении вузовских библиотек России как самостоятельного элемента научной инфраструктуры»¹³.

Решениями подобных задач занимается большая часть вузовских библиотек мирового порядка. При определении ситуации мирового развития вузовских библиотек в Концепции выделено десять моделей их развития как парадигм, которые не считаются исчерпывающими и независимыми друг от друга: гибридная библиотека, библиотека с «направленностью во вне», «библиотека в жизни пользователя», библиотека как пространство, библиотека как инфраструктура, «вычислительная библиотека», сервис-ориентированная библиотека, библиотека как цифровое «третье место», глобализованная библиотека, «библиотека без границ». В таком многообразии названий вузовских библиотек естественно видны, с одной стороны, наличие их различных возможностей в развитии современной науки и образования, с другой – необходимость отечественных вузов при выборе путей развития собственной библиотеки учитывать факторы, влияющие на их развитие в условиях системного подхода, и мировые тенденции, позволяющие использовать реальные инициативы, инновационные проекты, лучшие практики, современные управленческие и организационные решения.

Цифровая среда функционирования вузовской библиотеки

Реализация «Концепции развития вузовских библиотек» связана с цифровой средой их функционирования, которая имеет собственные инфраструктуру, структуру и ультраструктуру,

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

являющиеся важными компонентами жизнедеятельности вузовской библиотеки. Как новые вызовы цифровой среды, они влияют на деятельность вузовской библиотеки, выдвигая новые требования как к ней самой, так и к ее руководителю и специалистам. Каждый из обозначенных нами компонентов имеет составные элементы, которые представлены в таблице. Основанием для такого набора содержания элементов, характеризующих данные три компонента, является документ в виде рабочей тетради «Россия и вызовы цифровой среды», который был подготовлен коллективом авторов Российского совета по международным делам [7].

Осуществляемое в настоящее время расширение объема информационных ресурсов требует развития вузовской инфраструктуры для эффективного доступа к информации и совершенствования навигации в информационной среде, делая ее более комфортной для пользователей и сотрудников вузовской библиотеки.

Библиотека ГУУ в век цифровизации

Научная библиотека Государственного университета управления (ГУУ) – одно из основных структурных подразделений университета, которое осуществляет библиотечно-библиографическое и информационное обеспечение образовательного, научного и культурного процессов и является центром распространения знаний, духовного и интеллектуального общения, корпоративной культуры в университете.

В этом году университет и его научная библиотека отмечают свой столетний юбилей. ГУУ по праву уже многие годы считается одним из лучших вузов страны, дающих управленческое образование. Во многом это предопределено способностью университета к инновационной деятельности, оперативным реагированием на современные запросы и потребности общества, государства и личности,

мобильностью, креативностью и эффективным развитием его структурных подразделений.

Научная библиотека ГУУ сегодня активно видоизменяется, осваивая новую парадигму информационных запросов и информационных потребностей пользователей, меняя пространство библиотеки с учетом новых запросов и цифровых решений. Понятно, что сегодня любая книга доступна во множестве форматов. В считанные минуты можно скачать книгу на экран компьютера или планшета в электронном виде. А цифровизация экономики, культуры и образования и развитие IT-технологий привели к тому, что человеку необязательно идти в библиотеку, можно многое получить сидя дома за компьютером. Вместе с тем научная библиотека ГУУ выстраивает такую систему обеспечения образовательного и научно-исследовательского процессов библиотечно-информационными ресурсами, которая включает печатный фонд основной и дополнительной учебной литературы, периодические и научные издания, а также доступ не только к отечественным, но и зарубежным полнотекстовым и библиографическим ресурсам. Среди них наиболее существенными являются электронно-библиотечные системы (ЭБС), электронные библиотеки периодических и научных изданий и книг, профессиональные информационно-аналитические системы, наукометрические и реферативные базы данных научного цитирования, справочно-правовые и справочно-поисковые системы, электронные нотные коллекции, различные книжные поисковики и пр.

Сведения, характеризующие фонды научной библиотеки ГУУ, содержатся в отчете по самообследованию вуза. В частности, в нем отмечается, что фонд научной библиотеки составляет 870188 экз. изданий, в т. ч. изданий на иностранных языках – 10904 экз. Из них:

- учебной литературы – 528396 экз.;
- в т. ч. учебно-методических изданий ГУУ – 30181 экз.;

Таблица. Характеристика основных компонентов цифровой среды

Table. Characteristics of the main components of digital environment

Инфраструктура	Структура	Ультраструктура
<ul style="list-style-type: none"> • телекоммуникационные и интернет-линии (оптоволоконные кабели и т. п.); • вычислительные комплексы различной размерности – от суперкомпьютеров до смартфонов и планшетных компьютеров; • вычислительные управляющие встроенные блоки в различного рода объекты физического мира, начиная от производственных линий и заканчивая кроссовками и майками 	<ul style="list-style-type: none"> • сетевые программные протоколы, обеспечивающие передачу информации по различным сетям, включая Интернет, корпоративные сети, одноранговые сети (типа <i>Tor</i>) и т. п.; • программы и программные платформы, осуществляющие хранение, переработку и предоставление информации – от баз данных до привычных всем операционных систем типа <i>Windows, Linux</i> и т. п.; • программы-интерфейсы, обеспечивающие восприятие информации конечными пользователями (интерфейсы сайтов, блогов, порталов, приложений, различного рода программ и т. п.) 	<ul style="list-style-type: none"> • общедоступные сетевые ресурсы типа сайтов, блогов, порталов, социальных сетей и т. п.; • защищенные, доступные только для определенных категорий пользователей информационные ресурсы государственной и корпоративной принадлежности; • общедоступные ресурсы с платным контентом

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-2-126-134

- научной литературы – 313227 экз.;
- в т. ч. диссертаций – 5777 экз., авторефератов – 6380 экз., отчетов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ – 2978 экз.;
- периодических и продолжающихся изданий – 82724 экз.;
- документов на съемных носителях (CD, DVD) – 828 экз.

Следует отметить, что все обучающиеся, руководство и профессорско-преподавательский состав ГУУ индивидуально обеспечиваются неограниченным доступом к нескольким ЭБС, современным профессиональным базам данных и информационным справочным системам, содержащим различные виды изданий, способствующие обеспечению образовательного и научно-исследовательского процессов и развитию обучающихся в творческой и социально-культурной сферах. В настоящее время для этих целей используется:

- ЭБС: Znanium.com, Юрайт, IPR books.
- Электронные библиотеки: *Grebennikon*; Национальная Электронная Библиотека (НЭБ); Библиотека диссертаций РГБ; Научная электронная библиотека *eLibrary.ru*.
- Информационно-аналитическая система *Polpred.com*.
- Универсальная база данных *EastView*: Издания по общественным и гуманитарным наукам (архив); Центральная пресса России (архив); Система «Архив научных журналов *Neicon*».
- Базы данных *Emeraldinsight: Emerald eJournal Subject Collections* (архив); *Emerald Business, Management and Economics eBook Series Collection*; *Emerald Social Sciences eBook Series Collection* (архив).
- Ресурсы издательства *Taylor & Francis Online* (архив и журналы *Open Access*).
- Справочно-правовые системы (инсталлированная версия): КонсультантПлюс, Гарант.
- Индексы научного цитирования: *Web of Science Core Collection*; *Scopus*; Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

В настоящее время научная библиотека ГУУ располагает подпиской на периодические печатные издания, которая включает 55 позиций. В данный перечень входят журналы двух видов: по профессиональной тематике; универсального содержания для расширения кругозора пользователей. Профильные журналы рассчитаны на подготовку бакалавров, магистров и аспирантов в ГУУ и, как правило, отражают тематику учебных дисциплин образовательных программ и направления научно-исследовательской деятельности.

Научная библиотека серьезно относится к подготовке новых информационных продуктов в электронном виде, активно использует электронные средства обмена информацией, формирует библиотечный фонд электронных изданий, ежедневно осуществляет адресную рассылку информационных продуктов, которые библиотека готовит исключительно в электронном виде: тематические дайджесты, информационные подборки литературы к семинарам и конференциям, обзоры новых поступлений и др. Большой объём составляют индивидуальные электронные рассылки

по индивидуальным запросам. Вместе с тем увеличивается количество информации и документных источников за счёт создания электронных библиотек, электронных коллекций, привлечения тематических сайтов и т. д. в качестве ресурсного обеспечения.

Традиционные библиотечные продукты, такие как бюллетени о новых поступлениях, выставки, аннотированные информационно-библиографические указатели доступны и в традиционном виде, и в электронном виде для всех пользователей. В прошедшем году научной библиотекой совместно с Государственной публичной научно-технической библиотекой России был подготовлен уникальный информационно-библиографический аннотированный указатель «Искусственный интеллект», который отражает новейшие научные публикации, размещенные в международных и российских информационно-аналитических базах данных, с которыми можно ознакомиться на сайте научной библиотеки ГУУ.

ГУУ уделяет большое внимание не только организации содержания образовательного процесса по подготовке управленческих кадров, но и вопросам модернизации библиотечного пространства. Работая над проектом модернизации своей научной библиотеки, в ГУУ анализируют современные технологии и тенденции развития библиотек и осуществляют трансформацию собственного вузовского библиотечного пространства с учетом требований современного обучающегося и профессорско-преподавательского состава, отвечающего вызовам цифровой эпохи, современным тенденциям повышения качества образования.

Подготовка в ГУУ управленческих кадров для библиотечного дела

Следует констатировать, что одним из главных факторов, который сдерживает развитие и модернизацию современных библиотек, включая вузовские библиотеки, является отсутствие квалифицированных кадров, особенно управленцев-менеджеров. Заметим, что в настоящее время даже профильные для этой отрасли вузы (институты культуры) не реализуют образовательные программы по подготовке руководителей библиотек с учетом необходимых требований к их компетенциям в условиях цифровизации и развития цифровых технологий, а если и начинают такую подготовку, то все больше связывают ее с традиционными видами деятельности библиотек, в лучшем случае с организацией досуговой деятельности населения на обслуживаемой библиотеками территории, что отодвигает решение проблем цифровизации библиотечного дела и грозит вымиранием такого института, как библиотека, в глазах потребителя.

Кроме того, требования к компетенциям библиотечных кадров в век цифровизации культуры и образования повышаются, потому что они уже должны не только подбирать необходимые книги, быть профессиональными консультантами в проблемах чтения, книгоиздательских вопросов, приобретения специализированной литературы и давать соответствующие методические рекомендации и советы,

но и должны овладеть современными цифровыми технологиями, научиться находить необходимую информацию для людей всех возрастов и помочь в ее использовании, приобрести навыки самим учиться на протяжении всей жизни.

В целом ряде исследований остро обозначается проблема нехватки управленческих кадров библиотечно-информационной отрасли, библиотечного дела. В законе «О библиотечном деле» оно определяется как «отрасль информационной, культурно-просветительской и образовательной деятельности, в задачи которой входят создание и развитие сети библиотек, формирование и обработка их фондов, организация библиотечного, информационного и справочно-библиографического обслуживания пользователей библиотек, подготовка кадров работников библиотек, научное и методическое обеспечение развития библиотек»¹⁴, которой необходимы кадры с новыми компетенциями, новым менталитетом, креативностью и коммуникативными способностями.

Сами специалисты в области управления библиотечным делом отмечают, что существующие в настоящее время механизмы управления библиотеками не отвечают современным задачам и тенденциям их развития, а отсутствующие научно-обоснованные и отработанные модели федерального, регионального, муниципального, ведомственно-отраслевого и внутрибиблиотечного управления оказывают негативное воздействие на состояние библиотечно-информационной отрасли в целом.

С нашей точки зрения, необходимо изменить подход к развитию библиотек, переместив вектор их модернизации в сторону цифровых технологий. А для этого надо в корне пересмотреть как программы подготовки, так и программы переподготовки и повышения квалификации профессиональных специалистов и руководителей-управленцев для работы в этой сфере, которым следует сформировать новые компетенции по обладанию практическими навыками в области эффективного управления инновационными проектами библиотек, а также аналитиков, систематизаторов цифровых ресурсов информационной среды библиотек. Следует в процессах и подготовки, и переподготовки и повышения квалификации учитывать взаимовлияние ФГОС ВО и профстандартов, учитывая, что способом качественного обновления кадрового состава библиотечно-информационной отрасли является вся система непрерывного образования работников библиотек на федеральном, региональном и ведомственном уровнях, в которой могут быть использованы все формы обучения, как в очном и заочном с использованием дистанционных технологий, так и в чисто дистанционном режиме.

ГУУ включился в решение этой проблемы, поэтапно приступая к решению задач подготовки управленческих кадров для библиотечного дела. В частности, в 2018 г. была подготовлена и реализована совместно с группой компаний

IPR MEDIA на ежегодной международной конференции «Новая образовательная среда высших учебных заведений» образовательная программа повышения квалификации для руководителей вузовских библиотек региональных вузов по теме: «Цифровая трансформация вузовских библиотек 21 века: экспертный подход». Квалификацию повысили более 80 специалистов.

А в новом 2018–2019 учебном году ГУУ приступил к решению задач, связанных с подготовкой специалистов управленческого звена для самих библиотечно-информационных организаций и для федеральных и региональных управленческих структур, осуществляющих руководство библиотечным делом в сфере культуры.

В ГУУ открыта новая кафедра – *Управление цифровыми ресурсами: библиотек, музеев, архивов*, на которой началась реализация магистерской образовательной программы по профилю *Управление цифровыми проектами библиотек* направления 38.04.02 *Менеджмент* с присвоением квалификации магистр.

Основная концепция реализации предлагаемой образовательной программы связана с практикоориентированностью обучения и внедрением в библиотечно-информационных организациях реальных проектов по запросам работодателей. Образовательная программа нацелена на подготовку высококвалифицированных руководителей информационно-библиотечных организаций, обладающих практически всеми навыками по эффективному управлению цифровыми инновационными проектами библиотек. Первый набор составил десять человек, которые закончили первый год обучения и начали подготовку магистерских диссертаций.

Базовая часть образовательной программы включает дисциплины для получения необходимых компетенций в области управления цифровыми проектами и программами библиотек. Вариативная часть предоставляет магистрантам возможность овладеть знаниями, необходимыми для руководства непосредственно библиотечно-информационными организациями, управленческими структурами, осуществляющими руководство библиотечным делом. Кроме того, в образовательную программу включены дисциплины, связанные с использованием цифровых технологий по управлению проектами и программами библиотек. Конечной целью является обеспечение профессионально-ориентированными управленцами информационно-библиотечной отрасли.

Заключение

Цифровая экономика, влияющая на традиционные модели вузов и их библиотек, требует активного участия в цифровизации, внедрения и освоения новых цифровых технологий и новых инновационных форм работы руководителями и специалистами этих институтов культуры.

Основными современными трендами становятся новое отношение человека к труду через овладение базовыми

¹⁴ О библиотечном деле. ФЗ от 29.12.1994 № 78-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) // СЗ РФ. 02.01.1995. № 1. Ст. 2.

и профессиональными компетенциями цифровой экономики, формирование системы непрерывного образования для цифрового будущего современного «цифрового поколения», освоение вузовскими библиотеками новых подходов, позволяющих развивать готовности и способности обучающихся постоянно учиться новому, приобретать нестандартные навыки и индивидуально развиваться. Вузовские библиотеки призваны участвовать в этих инновационных процессах, являясь институтами содействия обучающимся по овладению знаниями, формированию умений и навыков в едином цифровом пространстве, освоению содержания образования на основе новейших цифровых платформ и цифровых технологий, новых цифровых компетенций.

Новый компетентностный подход, создающий единую систему требований к процессам и результатам образования всех уровней и видов, определяет новые ориентиры вузовских библиотек в работе по определению личностной образовательной траектории обучающегося, заставляет менять направления деятельности, основываясь на мировых вызовах и тенденциях цифрового порядка.

В век, когда стратегическое значение имеют технологии проектирования будущего, вузовским библиотекам важно

следовать современным тенденциям и иметь ориентиры своего движения. На наш взгляд, важным стратегическим документом в этом направлении развития является «Концепция развития вузовских библиотек», которая сейчас активно рассматривается и реализуется в профессиональном сообществе вузовских библиотек и органов управления ими.

Реализация «Концепции развития вузовских библиотек», связанной с цифровой средой их функционирования, имеющей собственные инфраструктуру, структуру и ультраструктуру, выдвигает новые компетентностные требования к руководителям и специалистам вузовской библиотеки, чему ГУУ в последние годы уделяет особое внимание. Вуз связал модернизацию своей научной библиотеки и подготовку управленческих кадров для библиотечного дела в систему, способствующую подготовке управленцев и специалистов библиотечно-информационной деятельности новой цифровой эпохи, нового формата, новой ментальности и компетенций, в единый вектор развития на пути к цифровизации общества. ГУУ начал осуществлять это поэтапно, но в то же время системно и комплексно.

Литература

1. Иванова О. Б. О парадоксе непрерывного образования в России // Непрерывное профессиональное образование: теория и практика: сб. ст. по материалам V Междунар. научн.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей / под общ. ред. Э. Г. Скибицкого, 14 марта 2014 г. Новосибирск, 2014. С. 136–138.
2. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. М.: Э, 2017. 208 с.
3. Высшее образование и гуманитарное знание в XXI веке: монография-доклад Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета VI Междунар. науч. конф. «Высшее образование для XXI века», 19–21 ноября 2009 г. / под общ. ред. В. А. Лукова. М., 2009. 478 с.
4. Данилюк А. Я., Кондаков А. М. Концепция Базовой модели компетенций цифровой экономики. Режим доступа: <https://www.ganepa.ru/images/anons/2018-12/Konceptsiya-bmkce.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).
5. Мультимедийная журналистика / под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 416 с.
6. Малинецкий Г. Г. Проектирование будущего и междисциплинарные подходы // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 1-й Междунар. конф., 8–9 февраля 2018 г. М., 2018. С. 6–11.
7. Овчинский В. С., Ларина Е. С., Кулик С. А. Россия и вызовы цифровой среды / гл. ред. И. С. Иванов. М.: Российский совет по международным делам, 2014. 40 с.

Digital Environment as a New Challenge for University Library

Ekaterina L. Kudrina^{a, b, @}; Karina V. Ivina^b

^a Center "Corporate University "Leninka" of the Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka St., Moscow, Russia, 119019

^b State University of Management, 99, Ryazanskiy Ave., Moscow, Russia, 109542

@kudrina_1955@mail.ru

Received 19.04.2019. Accepted 13.05.2019.

Abstract: The research features the relevance and importance of the transition to the digital economy and digital society as the most important priorities of the state policy of the Russian Federation. The authors emphasize the impact of this process on the development of all types of libraries, including university libraries. Digital environment results in a number of social and technological challenges, e.g. the specifics of dealing with e-users of university libraries, access to electronic resources, new requirements for the publication activity of teachers and researchers in specialized sources and professional competence status, creativity of managers and specialists of university libraries, etc. The paper describes The Concept of Development of University Libraries, a draft document that emphasizes the changing role of university libraries and the need to change the content of their activities. The project takes into account the development of world libraries and such components as infrastructure, structure, and ultrastructure, including new challenges to the digital environment. The study features the case of the State University of Management that educates management personnel for libraries.

Keywords: library science, competence, competence approach, professional education, digitalization, digital economy, university library

For citation: Kudrina E. L., Ivina K. V. Digital Environment as a New Challenge for University Library. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 126–134. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-1-126-134>

References

1. Ivanova O. B. On the paradox of continuous education in Russia. *Continuous professional education: theory and practice: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf. students, undergraduates, graduate students and teachers*, ed. Skibitskii E. G., March 14, 2014. Novosibirsk, 2014, 136–138. (In Russ.)
2. Schwab Klaus. *Fourth industrial revolution*. Moscow: E, 2017, 208. (In Russ.)
3. *Higher education and humanitarian knowledge in the XXI century: a monograph-report of the Institute of Fundamental and Applied Studies of the Moscow Humanitarian University VI Intern. Sci. Conf. "Higher education for the XXI century"*, November 19–21, 2009, ed. Lukov V. A. Moscow, 2009, 478. (In Russ.)
4. Daniliuk A. Ia., Kondakov A. M. *Concept of the basic competence model of the digital economy*. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/anons/2018-12/Konceosiya-bmkce.pdf> (accessed 15.03.2019). (In Russ.)
5. *Multimedia journalism*, eds. Kachkaeva A. G., Shomova S. A. Moscow: Izd. dom Vysheishkoly ekonomiki, 2017, 416. (In Russ.)
6. Malinetsky G. G. Future design and interdisciplinary approaches. *Designing the future. Problems of digital reality: Proc. 1st Intern. Conf.*, February 8–9, 2018. Moscow, 2018, 6–11. (In Russ.)
7. Ovchinskii V. S., Larina E. S., Kulik S. A. *Russia and the challenges of the digital environment*, ed. Ivanov I. S. Moscow: Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam, 2014, 40. (In Russ.)

Коммерциализация как фактор развития институциональных аспектов технонауки

Елена В. Брызгалина^{a, @, ID}; Вениамин М. Занфира^a

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1

@ evbrz@yandex.ru

ID <https://publons.com/researcher/I-5379-2017>

Поступила в редакцию 05.03.2019. Принята к печати 08.05.2019.

Аннотация: На основании концептуального рассмотрения науки как социального института раскрыты процессы институционализации современной технонауки, происходящие под влиянием коммерциализации. Институционализация раскрыта как процесс образования стабильных образцов социального взаимодействия между наукой, технологией и бизнесом и их организационно-правовым закреплением. Коммерциализация технонауки ведет к оформлению специфической сферы товарного производства, где товаром становится объект интеллектуальной собственности, а социальные отношения выстраиваются для получения знания как продукта, направленного на преобразование мира и отличающегося перформативностью, доступностью и практической полезностью. В технонауке институциональные формы коммерциализации деятельности обусловлены сферой ее использования (например, фармацевтика, медицина), а также частными интересами (извлечение коммерческой прибыли, достижение властных позиций, упрочение престижа и получение конкурентных преимуществ, вплоть до каприза бенефициара). Показано, что возникающие в процессе коммерциализации институции образуют инфраструктуру инновационной деятельности. Важность институциональной организации научно-технической, инновационной деятельности и поддержки (государственные, коммерческие и некоммерческие организации и т. п.) заключается в том, что она обеспечивает непрерывное поступательное развитие всего социума. В статье предложена типологизация институтов технонауки по критерию места интеграции науки с технологией и бизнесом и формы организации такой интеграции, выделены варианты институционального оформления процесса коммерциализации внутри науки и прикладных научных разработок внутри бизнес-структур. Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ им. М. В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Ключевые слова: наука, философия науки, технонаука, наука как социальный институт, институционализация

Для цитирования: Брызгалина Е. В., Занфира В. М. Коммерциализация как фактор развития институциональных аспектов технонауки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 135–144. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-135-144>

1. Введение

Наука относится к культуuroобразующей деятельности человека, она испытывает на себе воздействия социальной установки на инновационный характер развития, реализуемой в контексте глобальных товарно-денежных отношений, конкуренции и прагматизма. Современная наука, являясь социальным институтом, обретает образ технонауки, философский анализ факторов ее становления и форм проявления имеет актуальный характер, раскрывая как социальный контекст трансформаций связи науки и технологий, науки и бизнеса, так и углубляя собственно онтологические и эпистемологические представления о предмете современного синтеза знаний и их технологических воплощений.

2. Теоретические основы

2.1. Институциональный подход в социальном познании
Потенциал институционального анализа к анализу социальных явлений связан с тем, что он содержит отсыл к иерархии части и целого, диалектике устойчивости и динамичности, адаптивному процессуальному характеру воспроизводимости общества. Взаимодействие социальных институтов обеспечивает непрерывность социальной жизни в части коммуникации, производства товаров и услуг, их распределения, социальной дифференциации, поддержания социального порядка и обеспечения развития. Социальные институты одновременно и оформляют социальные связи, и обеспечивают их развитие. «В институтах человек встречается сам с собой, со своими замыслами и идеями, но такими, которые выступают в форме отчужденной институциональной реальности» [1].

Понятие *социальный институт* имеет множество интерпретаций, обзор которых имеется в исследовательской литературе [2; 3]. Анализ различных трактовок социальных институтов позволяет выделить некоторый набор универсально применимых к любому социальному институту признаков. М. М. Юсуфов к числу общих признаков социального института относит «выделение определенного круга субъектов, вступающих в процессе деятельности в отношения, приобретающие устойчивый характер; определенную (более или менее формализованную) организацию: наличие специфических социальных норм и предписаний, регулирующих поведение людей в рамках социального института; наличие социально значимых функций института, интегрирующих его в социальную систему и обеспечивающих его участие в процессе интеграции последней» [4, с. 163]. М. М. Юсуфов обращает внимание на разную степень представленности этих признаков у конкретных институционализированных социальных образований.

В отношении науки как социального института возможно выделить две основные традиции анализа – социологическую и социально-философскую [5]. Специфика социологической трактовки любого социального института связана с формированием представлений о комплексе норм деятельности людей, взаимодействующих между собой в определенной сфере [6]. Социологическая трактовка науки как социального института реализована Р. Мертоном и его последователями, сформулировавшими наборы ценностей как норм, регулирующих научную деятельность. Устойчивая воспроизводимость ценностно-нормативной структуры рассматривается как фактор развития науки, задавая рамки социального признания научной деятельности. При социологическом подходе наука как социальный институт является формой организации научной деятельности, обусловленной социокультурными условиями общества, которая с помощью норм и ценностей регулирует отношения внутри научной среды, а также между наукой и иными социальными институтами.

Социально-философский подход к понятию *социальный институт* отличается комплексным характером и может быть охарактеризован как направленный на обоснование интегративной роли социальных институтов через их структурно-функциональный анализ. Институциональный анализ социальных явлений предпринимал О. Конт, рассматривавший социальные институты с точки зрения их функций и включенности в процессы социальной интеграции. Г. Спенсер, предложивший понятие *социальный институт*, описал промышленный, профессиональный, политический, обрядовый, церковный, домашний типы социальных институтов. Функциональный анализ социальных институтов предложил Э. Дюркгейм, который видел в социальных институтах средство самореализации человека. УТ. Парсонса социальный институт выступает как средство интеграции, позволяющее обеспечивать стабильность функционирования всей социальной системы: «Все возможные виды действий и отношений дифференцируются. Одни из них

принимаются и одобряются обществом, тогда как другие отвергаются им, т. е. либо не получают одобрения, либо даже прямо запрещаются. Но и в том, и в другом случае такая система дифференцированных действий и отношений должна быть как-то организована. Устойчивость социальной системы возможна только в том случае, когда в каких-то пределах люди поступают соответствующим образом, в соответствующее время и в соответствующем месте» [7, с. 335]. К. Маркс понимал институты как исторически сложившиеся формы организации и регулирования социальной деятельности. М. Вебер считал, что социальные институты являются значимым ориентиром для индивидов. По Т. Веблену институт можно определить как «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» [8, с. 201]. Другими словами, институты – это образы мысли, привычки и настроение людей, которыми они руководствуются в принятии жизненных решений. Между этими привычными способами осуществления процесса общественной жизни присутствует обязательная динамичная связь с материальным окружением: институты, по мнению Т. Веблена, это результаты процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени [8, с. 202, с. 204].

В социально-философской традиции помимо структурного и функционального анализа присутствует подход, трактующий понятие *социальный институт* как имеющее конвенционально-вспомогательный характер. У. Гамильтон рассматривает институты как словесные символы, вводимые для лучшего описания общественных обычаев [9]. Применительно к анализу общества термин *институт* используется в отношении предельно широкого круга явлений, в силу чего он имеет, по выражению Ж.-Л. Бержея, расплывчатую и недостаточно явную наполненность [10, с. 313], что является основанием для полного отказа от использования понятия *институт* в ряде социальных наук. Так, например, в экономике А. Московский трактует использование понятия *институт* как дань моде, рассматривая его как пропуск к публикации либо как удвоение названия иных объектов, изучаемых экономикой [11].

Таким образом, социально-философский уровень анализа социальных институтов связан с указанием на структурные особенности вхождения социального института в целое и различные аспекты функционирования каждого социального института. Под функцией будем понимать то значение, которое социальный институт играет в социальной целостности. Функции представляют собой одновременно, с одной стороны, задачи включения социального феномена в целое в статусе института, с другой – последствия реального функционирования социального института внутри целого. В число функций социального института должны быть включены моменты фиксации, регулирования, воспроизводства общественных отношений, включения в них индивидов и создания условий для их коммуникации.

Интересную проблему представляет собой расхождение между функцией-задачей и функцией-результатом. Оно возникает в связи с тем, что функция-задача носит в большей степени управляемый характер, чем функция-результат. Согласимся с авторами, которые считают, что «подлинное значение социального института проявляется именно на уровне реально получаемых результатов его функционирования» [4, с. 165]. Важно, что функции каждого социального института оказываются переплетенными с функциями других социальных институтов таким образом, что по мере усложнения социума эти связи становятся все более трудно идентифицировать с точки зрения их принадлежности конкретному социальному институту.

Исходя из целей данной статьи социальный институт будем трактовать как исторически возникающую, устойчиво воспроизводящую форму совместной деятельности людей, объединенных нормативным регулированием деятельности, а также структур, организационно обеспечивающих использование ресурсов для удовлетворения социальных потребностей, целью которых является обеспечение непрерывности социальной жизни. Отметим, что вопрос о включении в социальный институт организационных структур является дискуссионным, часть авторов жестко разводит институты и структуры. Например, экономист Д. Норт указывает, что институциональные ограничения состоят из «формальных правил, неформальных ограничений и способов обеспечения действенности ограничений... Они определяют структуру символов, управляющих взаимодействием людей, будь это в сфере политической, экономической или социальной жизни» [12, с. 307].

2.2. Наука как социальный институт: традиции анализа

Становление науки как социального института принято связывать¹ с XVII в., когда на базе проекта философии Ф. Бэкона и Р. Декарта и научной картины мира И. Ньютона складываются взаимные селективные требования между наукой и обществом. Необходимость оформления науки в качестве социального института реализуется при появлении финансируемых европейскими странами научных организаций – Французской академии наук (1635), Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе (1660), Берлинской академии наук (1700), Петербургской академии наук (1724). В течение XVIII в. промышленная революция тесно связала науку с индустриальным вектором развития социума. В XIX в. расширение индустриализации, промышленные революции и распространение научного мировоззрения способствовали упрочению науки как социального института. Вплоть до первых десятилетий XX в., как отмечает Э. Мирский, наука как важнейший институт современного общества не превратилась в устойчивый предмет комплексного изучения [5].

В западных странах с начала 1960-х гг. появлялись дисциплины, изучающие функционирование и развитие науки (*Science of Science, Social Studies of Science* и др.). В отечественной научной политике результаты подобных исследований науки практически не учитывались [14]. Отечественная традиция рассмотрения философских проблем науки в целом и отдельных отраслей сложилась как вполне оригинальное направление философских исследований, ориентированное в большей степени на онтологические и методологические проблемы, чем на задачи критического рассмотрения социальных аспектов функционирования науки. «Философия науки – это результат соединения философской рефлексии над наукой и научной рефлексии над философией, причем обе рефлексии еще и отражаются одна в другой» [15, с. 8]. Однако, преобладание рефлексивной установки над социально-ориентированной ослабило, но не отменило внимания к складывающейся проблематике этики науки [16] и к концептуализации отношений между наукой и технологическим производством [17].

В философском обращении к науке в XXI в. особый акцент делается на ее институциональный характер, на взаимодействие науки с другими социальными институтами, т. е. наука предстает и как «великая система знания», и как «сложная система деятельности» [18, с. 51]. В качестве социального института наука развивается во взаимодействии внутренних и внешних факторов развития. Внутринаучная логика изменений требует обратиться к анализу соотношения фундаментального и прикладного знания, процессов дифференциации и интеграции знаний, методологических и мировоззренческих оснований научных исследований, динамике академических норм и традиций. Внешние факторы институционализации будут связаны с изменением роли науки в обществе, ее образа в глазах различных целевых аудиторий, будут касаться взаимосвязи института науки с социальными процессами и другими институтами.

Производным от понятия *социальный институт* является понятие *институционализация* (как синоним может использоваться понятие *институционализация*). Под институционализацией в данной работе понимается образование стабильных образцов социального взаимодействия на основе норм и ценностей, а также организационно-правовое закрепление социальных взаимодействий в виде структур. Иначе говоря, институционализация – процесс перехода регулярных и устойчивых социальных практик в социальный институт. Институционализация науки может быть рассмотрена как процесс образования стабильных образцов социального взаимодействия в сфере взаимодействия науки и технологий и их организационно-правового закрепления в виде структур, обусловленный как внутренними причинами, так и внешними по отношению к науке факторами [19].

¹ Хотя есть и расширенные трактовки истории становления науки как социального института, когда наука фактически отождествляется с любым процессом накопления и применения знаний, например [13].

3. Результаты

3.1. Институциональные аспекты современной технонауки

В начале XXI в. «есть все основания говорить о наступлении качественно новой стадии развития не только науки и технологий, но и их взаимодействия как между собой, так и с обществом в целом. Одним из выражений этого является становление нового типа взаимоотношения науки и технологий, который получил название "technoscience" – технонаука» [20]. Концепция технонауки, предложенная бельгийским философом Жильбером Оттуа в 70-х гг. XX в., имеет несколько важных компонентов. Во-первых, это утверждение о решающей роли технологий в развитии современной науки, во-вторых, представление об утверждении преобразовательного отношения человека к миру, в-третьих, оформление отношения к будущему как открытому и непрозрачному, в-четвертых, провозглашение технонауки как силы, которая неограниченно расширяет сферу трансформаций и манипуляций до и вне человеческих сил, без пространственных и временных ограничений [21; 22].

Термин и сама концепция трактовки современного этапа развития науки и технологий как технонауки получила в настоящее время развернутое обоснование в работах зарубежных и отечественных исследователей [23–28].

Основным отличием технонауки является утверждение принципиально нового революционного изменения научной деятельности как социальной практики, когда получение знаний неотделимо от материальных и организационных условий его обретения. Б. Г. Юдин отмечал, что при развитии технонауки, с одной стороны, человек погружается в мир, проектируемый и обустроиваемый для него наукой и технологией, с другой – сам человек становится в определенном смысле производением, продуктом технонауки, например в сфере биомедицины [20, с. 122].

Трансформационные изменения при переходе к технонауке осмысляются в рамках концепций постакадемической, постнормальной, предпринимательской науки, в идеях финализации науки, складывания режима производства знания-2 (*mode-2 research*) и др.

Выделим особенности технонауки, сделав акцент на институциональных аспектах ее складывания и функционирования, непосредственно связанных с коммерциализацией.

С эпистемической точки зрения технонаука отличается тем, что в ней объективность научного знания связывается не с адекватным отражением реальности, а с конструированием реальности, с возможностью предсказывать эффекты деятельностного вмешательства человека в природу и в самого себя, т. е. она коренится в технической эффективности создаваемых силой ума артефактов, которые становятся объектами исследования и одновременно преобразования. А. Нордманн, описывая различия между наукой и технонаукой, использовал образы «наука как теория»

и «наука как практика», отличающиеся по целям, которые преследует ученый, по фиксации полученных результатов, по демаркационным и интеграционным линиям отношений между наукой и обществом, наукой и техникой, по способам оценивания объективности полученных знаний². Технонаучное знание не может быть рассмотрено как гибридный конгломерат теоретических и прикладных положений, при вторичности технологического применения этих знаний. Трансформация границ между прикладными и фундаментальными исследованиями в рамках технонауки приводит к невозможности на практике вычлнить различия между ними в современных условиях.

Становление технонауки преобразует реальную деятельность ученых, встраивая деятельность по получению нового знания буквально внутрь создания и внедрения новых технологий [29]. Важно подчеркнуть изменения ранее имевшей место последовательности научных и технологических практик: переход от последовательности «получение знаний – технологическое применение» сначала к неразрывному соединению процесса получения знаний и их технологического применения и затем к погружению процесса познания буквально внутрь создания новых технологических объектов и процессов [30]. Пилотными направлениями этого процесса стали области, ориентированные на военно-промышленный комплекс [31].

Технонаука становится институционально оформленной в результате устойчивого спроса не собственно на знания, а на инновации, отражающие устремления не столько представителей этоса науки, сколько иных социальных групп, выступающих стейкхолдерами технологического развития. «Технонаука – это гибридный сплав научной технологии и технологизированной науки», – пишет Вольф Шефер [32]. То есть социальный спрос на определенные технологические новации детерминирует востребованность функций науки, связанных с получением практикоориентированного знания, не столько истинного, сколько результативного для применения, и порождает снижение внимания к объяснению мира природных объектов, к его целостному пониманию. Эффективность науки в рамках становления технонауки оценивается по технологическому прогрессу, именно на это направлены меры по организационно-финансовому обеспечению функционирования науки как социального института. Общественный запрос, влияющий на научную политику государства, отчетливо демонстрирует значимость практической эффективности познания в областях, которые связаны с повседневной жизнью подавляющего большинства потребителей. Это обуславливает возрастающую роль бизнес-интересов и бизнес-сообществ в определении исследовательских направлений, обеспечивающих появление товаров массового спроса. Научное знание ориентируется непосредственно на потребительские нужды, тем самым задачи извлечения коммерческой прибыли способствуют стиранию граней

² Nordmann A. Science vs Technoscience. 2011. Режим доступа: https://www.philosophie.tu-darmstadt.de/media/philosophie___goto/text_1/Primer_Science-Technoscience.pdf (дата обращения: 28.07.2018).

между производством и лабораторией. Информационные и коммуникационные технологии оказываются значимым фактором поддержания динамических взаимосвязей между структурными элементами технoнауки – лабораториями, производством, потребителями, предпринимателями, анализируя тем самым направления технологического развития.

3.2. Коммерциализация как фактор развития современной технoнауки

Наука в качестве существенного элемента социума не может остаться вне процессов коммерциализации и установления, если использовать стиль рассуждений Ж.-Ф. Лиотара, господства экономического жанра дискурса в современных обществах. По мнению А. Ф. Полякова, «коммерциализация науки – закономерное и вполне объяснимое явление, которое охватывает ее экономическую, политическую, социальную, психологическую и культурную составляющие, где основным действующим лицом выступает ученый в академическом смысле с присущими ему атрибутами образованности, нравственности, высокого уровня культуры, а также патриотизма, здоровых амбиций, карьерного роста» [33, с. 242].

Становление технoнауки приводит к оформлению специфической сферы товарного производства, где товаром является объект интеллектуальной собственности. Научные достижения и разработки получают и используют как хозяйствующие субъекты, так и государства, повышая тем самым свою конкурентоспособность. По мнению М. Портера, успех «продвинутых» экономик зависит во многом от умения компаний коммерциализировать продукты своей деятельности на глобальном рынке, применяя инновации быстрее, чем остальные участники рынка [34]. Таким образом, коммерциализацию технoнауки в данной работе мы будем понимать как процесс приобретения научными исследованиями статуса рыночного товара.

В контексте доминирующей социальной установки на инновационный характер развития сами инновации представляют результат труда ученых, но этот труд еще необходимо оформить в проект и внедрить, т. е. создать рыночный продукт. По мнению А. Б. Крутика и Л. В. Иьиной, научная инновация для обеспечения своей жизнеспособности должна с необходимостью привлекать финансовые средства и находить применение на практике, в противном случае она останется никому неизвестной. Единственный способ для сохранения инновации – ее вывод на рынок товаров и услуг [35, с. 51].

В процессе формирования инновационной модели экономики основным драйвером экономического роста становятся знания как ресурс. По мнению С. И. Степновой, «Ведущие государства мира соперничают за интеллектуальное лидерство» [36, с. 98]. Это явление уже давно получило название в литературе как переход к экономике знаний или инновационной экономике, главной отличительной особенностью которой становится использование знаний, умений, навыков и возможностей для создания эффективных производственных технологий и выпуска высококачественной продукции [37, с. 100]. Концепция

технoнауки требует анализировать процесс производства научного знания и инноваций как сложную систему, в которой взаимодействие ряда факторов приводит к рождению новых знаний и идей. Эти знания приводят к созданию новых продуктов, процессов, новых форм организации, открытию новых рынков, что, по Й. Шумпетеру, и является инновацией [38].

Отвечая на вызовы и тенденции современности, наука уже не может себе позволить ограничиться производством только нового так называемого чистого знания. В связи с этим к современным научным исследованиям предъявляется порой жесткое требование по наличию тесной связи с инновационными тенденциями развития экономики. Бизнес представляет возможности по коммерциализации и внедрению в массы эффективных и передовых решений, следовательно, рассуждает Р. А. Дуров, «научная среда должна стремиться к удовлетворению интересов бизнеса» [39].

С формированием технoнауки укрепляется трактовка знания как ресурса. М. М. Ведмедев подчеркивает, что выражение *знание-ресурс* имеет несколько толкований. С одной стороны, знания – это ресурс для когнитивной активности субъекта в конкретных интеллектуальных процессах (исследования, управление, изобретательство и т. д.). С другой – «допустимо использовать упомянутое выражение и для обозначения особого типа знания-продукта. Такие знания намеренно создаются именно с целью их последующего использования для разработки техники, технологии, подготовки управленческих решений и т. д. Производство таких интеллектуальных продуктов (и их конечные свойства) существенно отличаются от получения знаний, ориентированных на постижение сущности вещей. Если в первом случае важны такие свойства, как перформативность (заведомая востребованность), эффективность, практическая полезность, доступность для потребителя, то во втором случае значимы другие характеристики – истинность, полнота, проверяемость, системность и т. д.» [40, с. 214].

В технoнауке институциональные формы коммерциализации деятельности обусловлены сферой ее использования (например, фармацевтика, медицина) и частными интересами (извлечение коммерческой прибыли, достижение властных позиций, упрочение престижа и получение конкурентных преимуществ, вплоть до каприза бенефициара).

Коммерциализация результатов исследовательской деятельности научных групп и проектных разработок является одним из основных требований для осуществления технoнауки. Как выше отмечено, коммерциализация науки – это процесс, но такой процесс, который очень тесно связан с практическим использованием результатов технoнаучных разработок. Основной целью процесса коммерциализации является получение коммерческого эффекта за счет использования знаний-продуктов при выводе на рынок новых или улучшенных продуктов.

Инновационный продукт тем самым является технoнаучным синтезом научного знания и технологий. Но в процессе производства инновационного продукта или технологии, так или иначе, происходит прирост самого научного знания.

Особенно ярко это прослеживается в сферах нано- и биотехнологий, генетики, нейро- и кибертехнологий. Специфика этих сфер научной деятельности заключается в том, что в них невозможно получение нового знания без использования высокотехнологичного оборудования, т. е. говоря другими словами, получение нового знания, технологий и производства становится неразрывно связано в современной науке.

Важно подчеркнуть особенности развития инновационной сферы в нашей стране. Государство устанавливает перечень приоритетных направлений инновационного развития, о чем свидетельствует Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в РФ и перечня критических технологий РФ» (с изм. и доп.)³, а также разрабатывает стратегию развития приоритетных направлений (Национальная технологическая инициатива 2035) и осуществляет контроль за всеми участниками инновационного процесса.

Для ускорения процессов коммерциализации науки в России за последнее десятилетие создан ряд инструментов, призванных помочь в коммерциализации продуктов науки. Но следует разделять два различных процесса: с одной стороны, существует механизм привлечения финансирования (как правило, государственного) под научный проект, с другой – непосредственно коммерциализация продуктов научной деятельности. В первом случае мы имеем дело с научно-исследовательской работой (НИР), и привлечение финансирования связано исключительно с проведением этого вида научных работ, тогда как во втором случае коммерциализация научной работы подразумевает обязательное создание конечного инновационного продукта или технологии, получение лицензий и патентов, вывод на продажи.

Необходимо отметить, что процесс институционализации современной науки становится причиной сходных процессов в смежных областях, являясь важным фактором формирования инфраструктуры инновационной деятельности. Под инфраструктурой инновационной деятельности в научной литературе принято понимать комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур, обеспечивающих основу для решения инновационных проблем и условия функционирования инновационных организаций [41].

Отдельную задачу составляет типологизация институтов технауки, связанных с коммерциализацией. Институты технауки, в которых наука интегрирована с технологией и бизнесом с коммерческими задачами, могут быть классифицированы в зависимости от того, на какой базе они создаются, и в зависимости от этого – какую форму организации имеют. Так, на базе научных учреждений или высших учебных заведений могут быть организованы проектные кафедры или научно-исследовательские рабочие группы,

занимающиеся исследованиями (НИР и НИОКР), конкретизированными со стороны заказчика (государства или бизнеса) и осуществляющимися за счет последнего. В данном случае возможно говорить, что имеет место институциональное оформление процесса коммерциализации внутри самой науки.

Другой вектор коммерциализации связан с интеграцией науки в бизнес-институты. На базе многих компаний, в том числе российских, существуют так называемые R&D-подразделения (*Research & Development*). Они представляют собой научно-исследовательские и опытно-конструкторские подразделения компании, целью которых является получение новых знаний и их практическое применение для удовлетворения потребностей самой компании в повышении капитализации. В данном случае можно говорить об институциональном оформлении запроса на прикладные научные разработки со стороны бизнеса.

Следующим примером форм коммерциализации технауки могут быть институты, изначально синтезирующие задачи и формы деятельности научных учреждений и бизнеса, которые по сути являются новыми институтами, находящимися в сфере пересечения науки и бизнеса. Они в отличие от предыдущих форм не могут быть описаны как возникающие по инициативе какой-либо стороны интеграции. В данном случае можно говорить о коммерциализации как синтезе задач и форм инновационной деятельности, поскольку эти формы изначально наиболее полно соответствуют задачам, сопровождающим всякую инновационную деятельность. К таким формам мы можем отнести технопарки, инновационно-технологические центры, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и т. п. На портале «Национальный центр по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем» зарегистрированы 1192 организации инновационной инфраструктуры, 10 национальных информационно-аналитических центров, 44 академические организации, 832 организации – участника научно-технических и инновационных мероприятий, 453 высших учебных заведения⁴.

Совокупность перечисленных выше типов институций образует инфраструктуру инновационной деятельности. Организации инновационной инфраструктуры, по мнению Г. И. Тюлькова и А. Б. Пушкаренко, обеспечивают прохождение научно-технической разработки или технологии по цепочке инновационного процесса: идея – лабораторный макет – коммерческий образец – пробная серия – малая серия – серийное производство с модификацией продукции [42]. Важным дополнением к определению *инфраструктура инноваций* следует обозначить наличие взаимосвязей между субъектами инновационной деятельности и условиями благоприятной

³ Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в РФ и перечня критических технологий РФ. Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899 // Собрание законодательства РФ. 11.07.2011. № 28. Ст. 4168.

⁴ Национальный центр по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем. Режим доступа: <http://www.miiiris.ru/> (дата обращения: 10.05.2017).

среды развития инновационных процессов, включая систему нормативно-правового регулирования.

Сделаем вывод о том, что конечной целью процесса институционализации технонауки является формирование инфраструктуры инноваций. Важность организаций, ведущих научно-техническую инновационную деятельность и осуществляющих ее поддержку (государственные, коммерческие и некоммерческие организации и т. п.), заключается в том, что они действуют в интересах общества, развивая производство через структурную трансформацию. Государственные интересы развития инноваций связаны с приращением научно-технического потенциала, укреплением конкурентоспособности обновленной продукции как на внутреннем, так и на внешних рынках, развитием кадрового потенциала страны.

4. Заключение

Таким образом, в настоящее время происходит революционная трансформация взаимоотношений между наукой и технологией, а также их отношений с обществом в целом; в качестве проявления экономики знаний происходит формирование технонауки. Ее характерным отличием является тип научной деятельности, в котором получение знаний неотделимо от материальных и организационных условий его получения, а цели получения знания не могут быть рассмотрены как автоном-

ные, они буквально встроены внутрь создания и внедрения технологий. Технонаука институционально оформляется в результате спроса на инновации как форму коммерциализации знаний. Через процессы коммерциализации происходит формирование инфраструктуры инноваций, которые одновременно формируют и удовлетворяют социальные запросы. Коммерциализация как формирование знания-продукта технонауки – противоречивый процесс, который нуждается в философском осмыслении. Философская концептуализация этих процессов имеет как теоретическое, так и практическое значение. С одной стороны, получает развитие онтологическая и эпистемическая проблематика философии через анализ статуса объектов и предметов технонауки, нового типа отношения между теоретическим и прикладным знанием, между наукой как социальным институтом и экономикой. С другой стороны, понимание сущности и перспектив происходящих в технонауке изменений является фактором эффективного управления наукой, требует учета при формировании и реализации государственной политики в сфере инноваций, при выстраивании бизнес-процессов. Дальнейшие направления исследования могут быть связаны с анализом изменений норм и ценностей отношений между субъектами технонауки под влиянием процессов коммерциализации.

Литература

1. Розин В. М. Природа социальных институтов: культурно-исторический и методологический анализ // Культура культуры. 2014. № 3. Режим доступа: <http://cult-cult.ru/sociology-and-cultural-studies-semantic-and-conceptual-differences-and-intersect/> (дата обращения: 01.03.2019).
2. Глотов М. Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 13–19.
3. Комаров М. С. Введение в социологию. М.: Наука, 2004. 134 с.
4. Юсуфов М. М. Концептуализация понятия «Социальный институт» в современной социологии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4. С. 162–166.
5. Мирский Э. М. Наука как социальный институт // Высшее образование в России. 2004. № 8. С. 89–108.
6. Муртазина А. Р. Социальный институт как предмет социологического анализа // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 185–190.
7. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
8. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 336 с.
9. Hamilton W. Institution // Encyclopedia of social sciences. N. Y., 1932. Vol. 8. P. 84–89.
10. Бертельс Ж.-Л. Общая теория права / под. общ. ред. В. И. Даниленко. М.: Nota Bene, 2000. 576 с.
11. Московский А. Пределы институционализма // Экономист. 2005. № 6. С. 74–81.
12. Норт Д. С. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее постсоциалистических республик; пер. с англ. / под ред. Б. С. Пинскера; сост. Л. И. Пияшева, Дж. Дорн. М.: Catallaxy, 1993. С. 307–319.
13. Мушинский Н. И. Наука как социальный институт в исторической динамике процессов техногенеза // Вестник Белорусского национального технического университета. 2009. № 1. С. 83–89.
14. Мирская Е. З. Проблемы совершенствования организации науки // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 3. С. 10–16.
15. Касавин И. Т., Порус В. Н. Философия науки в России: от интеллектуальной истории к современной институционализации // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 48. № 2. С. 6–17.
16. Лазар М. Г. К истории развития этики науки в СССР – России // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 1. С. 32–39.
17. Глозман А. Б. Наука и производство в интерпретации отечественных философов 60–80-х гг. XX столетия // Философия и общество. 2013. № 3. С. 105–120.
18. Агацци Э. Переосмысление философии науки сегодня // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 40–53.

19. Куликова О. Б. Проблемы институционализации науки в России: история и современность // Вестник ИГЭУ. 2006. № 1. С. 103–107.
20. Юдин Б. Г. Наука в обществе знаний // Человек: выход за пределы / ред.-сост. Г. Б. Юдин. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 113–134
21. Hottois G. Techno-science and Ethics // Evandro Agazzi: Right, Wrong and Science / ed. Dilworth C. Amsterdam-N. Y., 2004. P. 261–265. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004333222_028
22. Hottois G. Defining bioethics: back to the sources // Medicine and society, new perspectives in continental philosophy. Philosophy and Medicine / ed. D. Meacham. Springer, Dordrecht, vol. 120. P. 15–38. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-9870-9_2
23. Мамчур Е. А. Феномен технонауки: эпистемологический аспект // Философия науки. 2011. Т. 16. № 1. С. 219–234.
24. Мамчур Е. А. Фундаментальная наука и современные технологии // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 80–89.
25. Брызгалина Е. В. Технонаука и перспективы улучшения человека: «Я уже вижу наш мир, который покрыт паутиной лабораторий» // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 48. № 2. С. 28–33.
26. Моисеева А. П., Баканова Е. А. Феномен технонауки // Вестник науки Сибири. 2017. № 2. С. 45–58.
27. Аргамасова А. А. Социогуманитарное измерение технонауки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 120–136. DOI: 10.5840/eps201752234
28. Черникова И. В., Черникова Д. В. Новая концепция производства знания в технонауке // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 48–58. DOI: 10.17223/1998863X/39/6
29. Barnes V. Elusive Memories of Techoscience // Perspectives on Science. 2005. Vol. 13. Iss. 2. P. 142–165. DOI: <https://doi.org/10.1162/106361405774270520>
30. Андреев А. Л. Технонаука // Философия науки. 2011. Т. 16. № 1. С. 200–218.
31. Ястреб Н. А. Технонаука как современный этап развития технического знания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 4. С. 33–37.
32. Schäfer W. Global Technoscience: The Dark Matter of Social Theory // University of Maryland Conference on Globalization: Cultural, Economic, Democratic. April 11, 2002. Режим доступа: <https://www.stonybrook.edu/globalhistory/GT.html> (дата обращения: 01.03.2019).
33. Поляков А. Ф. Коммерциализация науки: за и против // Символ науки. 2016. № 2-3. С. 242–245.
34. Porter M. E., Stern S. The Impact of Location on Global Innovation: Findings From The National Innovative Capacity Index // The Global Competitiveness Report. 2002–2003. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 227–251.
35. Крутик А. Б., Ильина Л. В. Коммерциализация как путь реализации инновационных разработок // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2013. Т. 7. № 1. С. 51–55.
36. Степнова С. И. О роли управления организационным развитием в формировании конкурентоспособной экономики, экономики знаний // Креативная экономика. 2012. № 10. С. 98–105.
37. Воробьева Е. В. Роль и значение сферы образования и науки для развития инновационной экономики // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. 2015. № 5. С. 100–102.
38. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / под ред. А. Г. Милейковского. М.: Прогресс, 1982. 456 с.
39. Дуров Р. А. Анализ развития экономики знаний и инновационной среды // Науковедение. 2013. № 1. С. 9.
40. Ведмедев М. М. Знание-ресурс и параметры состояния науки // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6. С. 213–217.
41. Экономика инноваций / под ред. В. Я. Горфинкеля. М.: Вуз. учебник, 2009. 416 с.
42. Тюльков Г. И., Пушкаренко А. Б. Инфраструктура инновационной сферы Томской области // Инновации. 2006. № 8. С. 75–82.

Commercialization as a Factor in the Development of Institutional Aspects of Technoscience

Elena V. Bryzgalina ^{a, @, ID}; Veniamin M. Zanfira ^a

^a Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

@ evbrz@yandex.ru

ID <https://publons.com/researcher/I-5379-2017>

Received 05.03.2019. Accepted 08.05.2019.

Abstract: The article features the institutionalization processes of modern technoscience, which occur under the influence of commercialization. These processes are described on the basis of the conceptual consideration of science as a social institution. Institutionalization is understood as the process of formation of stable patterns of social interaction between science, technology, and business and their organizational and legal consolidation. Commercialization of technoscience leads to the formulation of a specific sphere of commodity production, where the product becomes an object of intellectual property, and social relations are built to obtain knowledge as a product aimed at transforming the world. This product is distinguished by its performativity, availability, and practical utility. In technoscience, the institutional forms of commercialization of activities are determined by the scope of its use, e.g. pharmacy or medicine, as well as private interests (from commercial profit, achieving power positions, strengthening prestige and gaining competitive advantages, to the whim of the beneficiary). The present research proves that the institutions that arise in the process of commercialization form infrastructure of the innovation activity. Thus, the process of institutionalization of technoscience has one of the main objectives of the formation of innovation infrastructure. All in all, organizations of scientific, technical, innovative, and support structures (government, commercial and non-profit organizations, etc.) act in the public interest. That way, they ensure the continuous progressive development of society by overcoming production downturns, its restructuring, changing, and expanding the product line, enhancing its competitiveness and attractiveness for domestic and foreign markets, as well as creating new jobs and preserving scientific and technical potential. The present research belongs to leading scientific school of Moscow State University "Transformation of culture, society, and history: philosophical and theoretical understanding".

Keywords: science, philosophy of science, technoscience, science as a social institution, institutionalization

For citation: Bryzgalina E. V., Zanfira V. M. Commercialization as a Factor in the Development of Institutional Aspects of Technoscience. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 135–144. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-1-135-144>

References

1. Rozin V. M. Sociology and cultural studies: semantic and conceptual differences and intersections. *Culture of Culture*, 2014, (3). Available at: <http://cult-cult.ru/sociology-and-cultural-studies-semantic-and-conceptual-differences-and-intersect/> (accessed 01.03.2019). (In Russ.)
2. Glotov M. B. Social Institute: definition, structure, classification. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2003, (10): 13–19. (In Russ.)
3. Komarov M. S. *Introduction to sociology*. Moscow: Nauka, 2004, 134. (In Russ.)
4. Yusufov M. M. Conceptualization of the notion "Social Institute" in modern sociology. *Historical and social-educational ideas*, 2011, (4): 162–166. (In Russ.)
5. Mirsky E. M. Science as a social institution. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2004, (8): 89–108. (In Russ.)
6. Murtazina L. R. Social institute as a subject of the sociological analysis. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 2011, (1): 185–190.
7. Parsons T. *On the structure of social action*. Moscow: Akademicheskii Proect, 2000, 880. (In Russ.)
8. Veblen Th. *The theory of the leisure class. An economic study of institutions*. Moscow: Progress, 1984, 336. (In Russ.)
9. Hamilton W. Institution. *Encyclopedia of social sciences*. N. Y., 1932, vol. 8
10. Bergel J.-L. *General theory of law*, ed. Danilenko V. I. Moscow: Nota Bene, 2000, 576. (In Russ.)
11. Moskovsky A. The Limits of Institutionalism. *Ekonomist*, 2005, (6): 74–81. (In Russ.)
12. North D. C. Institutions, ideology and economic efficiency. *From plan to market: the future of the post-socialist republics*, ed. Pinsker B. S., comp. Piiasheva L. I., Dorn J. Moscow: Catallaxy, 1993, 307–319. (In Russ.)
13. Mushinskij N. I. Science as social institute in historical dynamics of techno-genesis processes. *Vestnik Belorusskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta*, 2009, (1): 83–89. (In Russ.)
14. Mirskaya E. Z. Problems of science organization improving. *Sociologija nauki i tekhnologij*, 2014, 5(3): 10–16. (In Russ.)
15. Kasavin I. T., Porus V. N. Philosophy of science in Russia: from intellectual history to institutional update. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2016, 48(2): 6–17. (In Russ.)

16. Lazar M. G. On the historical development of the ethics of science in the USSR – Russia. *Sociologija nauki i tehnologij*, 2010, 1(1): 32–39. (In Russ.)
17. Glozman A. B. Science and production as interpreted by the Russian philosophers of the 1960–1980s. *Filosofija i obshchestvo*, 2013, (3): 105–120. (In Russ.)
18. Agazzi E. Reconsideration of philosophy of a science today. *Voprosy filosofii*, 2009, (1): 40–53. (In Russ.)
19. Kulikova O. B. Problems of the institutionalization of science in Russia: history and modernity. *Vestnik IGEU*, 2006, (1): 103–107. (In Russ.)
20. Yudin B. G. Science in the knowledge society. *Man: going beyond*, ed. and comp. Yudin B. G. Moscow: Progress-Traditsiia, 2018, 113–134. (In Russ.)
21. Hottois G. Techno-science and Ethics. *Evandro Agazzi: Right, Wrong and Science*, ed. Dilworth C. Amsterdam-N. Y., 2004, 261–265. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004333222_028
22. Hottois G. Defining bioethics: back to the sources. Medicine and society, new perspectives in continental philosophy. *Philosophy and Medicine*, ed. Meacham D. Springer, Dordrecht, vol. 120, 15–38. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-9870-9_2
23. Mamchur E. A. Phenomenon of Technoscience: Epistemological Aspect. *Filosofija nauki*, 2011, 16(1): 219–234. (In Russ.)
24. Mamchur E. A. Fundamental science and modern technology. *Voprosy filosofii*, 2011, (3): 80–89. (In Russ.)
25. Bryzgalina E. V. Technoscience and prospects for improving the man: "I can see our world which is covered by a net of laboratories". *Epistemology and Philosophy of Science*, 2016, 48(2): 28–33. (In Russ.)
26. Moiseeva A. P., Bakanova E. A. Techno science phenomenon. *Vestnik nauki Sibiri*, 2017, (2): 45–58. (In Russ.)
27. Argamakova A. A. Social and humanitarian dimensions of technoscience. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2017, 52(2): 120–136. (In Russ.) DOI: 10.5840/eps201752234
28. Chernikova I. V., Chernikova D. V. The new concept of knowledge production in technoscience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2017, (39): 48–58. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/39/6
29. Barnes B. Elusive Memories of Techoscience. *Perspectives on Science*, 2005, 13(2): 142–165. DOI: <https://doi.org/10.1162/106361405774270520>
30. Andreev A. L. Technoscience. *Filosofija nauki*, 2011, 16(1): 200–218. (In Russ.)
31. Yastreb N. A. Technoscience as a present stage of the development of technical knowledge. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*, 2014, (4): 33–37. (In Russ.)
32. Schäfer W. Global Technoscience: The Dark Matter of Social Theory. *University of Maryland Conference on Globalization: Cultural, Economic, Democratic*. April 11, 2002. Available at: <https://www.stonybrook.edu/globalhistory/GT.html> (accessed 01.03.2019).
33. Polyakov A. F. Commercialization of science: pros and cons. *Simvol nauki*, 2016, (2-3): 242–245. (In Russ.)
34. Porter M. E., Stern S. The Impact of Location on Global Innovation: Findings From The National Innovative Capacity Index. *The Global Competitiveness Report*. 2002–2003. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 2003, 227–251.
35. Krutik A. B., Ilyina L. V. Commercialization as a way to implement innovations. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2013, 7(1): 51–55. (In Russ.)
36. Stepnova S. I. About role of organizational development management in forming of competitive economy, knowledge economy. *Kreativnaia ekonomika*, 2012, (10): 98–105. (In Russ.)
37. Vorobeva E. V. Role and importance education and science for the innovation economy. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskii universitet. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, 2015, (5): 100–102. (In Russ.)
38. Schumpeter J. *The Theory of Economic Development (Study of entrepreneurial profits, capital, credit, interest and business cycle)*, ed. Mileikovskii A. G. Moscow: Progress, 1982, 456. (In Russ.)
39. Durov R. A. Analysis of the development of knowledge economy and innovation environment. *Naukovedenie*, 2013, (1): 9. (In Russ.)
40. Vedmedev M. M. Knowledge-resource and parameters of the actual state of science. *Historical and Social-Educational Idea*, 2013, (6): 213–217. (In Russ.)
41. *Economics of innovation*, ed. Gorfinkel V. Ya. Moscow: Vuz. uchebnyk, 2009, 416. (In Russ.)
42. Tyul'kov G. I., Pushkarenko A. B. Infrastructure innovation sphere of the Tomsk region. *Innovatsii*, 2006, (8): 75–82. (In Russ.)

Формирование и раскрытие человеческого потенциала в российском социокультурном пространстве

Владимир М. Золотухин^{a, @}; Василий Н. Порхачев^b

^a Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28

^b Кемеровский государственный медицинский университет, 650029, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22а

@ zvm64@mail.ru

Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к печати 29.03.2019.

Аннотация: Статья посвящена анализу путей формирования и раскрытия человеческого потенциала в российском социокультурном пространстве. Подчеркивается, что эффективное применение образовательных технологий способствует раскрытию человеческого потенциала. Образование, в том числе высшее, выполняет функцию социализации человека и его адаптации в социальном организме. На современном этапе требуется его ориентированность на овладение профессиональными компетенциями. Акцентируется внимание на существующем противоречии между государственным заказом и требованиями современного технологического менеджмента, которое определяет круг проблем, связанных с формированием образа выпускника образовательного учреждения, удовлетворяющего как интересам государственных институтов, так и работодателей. На специфику применения образовательных технологий существенную роль оказывает национальная ментальность, отражающая степень воздействия на социальную, более того, социокультурную политику на государственном и региональном уровнях. Отмечается, что человеческий потенциал является отражением сформированных знаний, существует внутри сознания человека (индивида) и направлен на удовлетворение потребностей рынка труда. Проблема заключается в степени востребованности выпускников на рынке труда, компетенциях, актуальных современному состоянию развития технологий в различных сферах деятельности. Подчеркивается, что эффективность профессиональной подготовки в образовательном учреждении зависит от социально-экономических возможностей вуза, его инфраструктуры и возможностей раскрытия творческого потенциала выпускников. Чем выше степень реальной, а не формальной заинтересованности работодателей в подготовке конкретных специалистов, тем успешней и квалифицированней будет конечный продукт (специалист). Если программа (система компетенций) определяет границы, внутри которых вуз формирует образ будущего выпускника, то неизбежно встает тема поиска универсальной личности (выпускника) как конечного продукта конкретного вуза, обладающего конкурентными преимуществами (формирование уникального образа выпускника).

Ключевые слова: человеческий капитал, российская ментальность, образовательная среда, образовательные технологии, компетенции, образ

Для цитирования: Золотухин В. М., Порхачев В. Н. Формирование и раскрытие человеческого потенциала в российском социокультурном пространстве // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 145–150. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-145-150>

Введение

Образование и история развития образовательных технологий является частью социокультурного процесса, что способствует раскрытию человеческого потенциала, в том числе в рамках трансформации личностных стратегий в российской ментальности. Особенно это касается становления образовательных технологий для подготовки специалистов высшей квалификации. Высшее образование в России было частью имперского проекта, поэтому было несамостоятельно и вторично историческому социальному фону. На протяжении длительного времени высшее образование выполняло функцию социализации человека и его адаптации в социальном организме. В настоящее время от него потребовалось проявление самостоятельности, но с определенными ограничениями. Прежде всего, ограничения обусловлены наличием образовательных программ в рамках

государственных стандартов и наличием целого комплекса компетенций, формируемых не только этими стандартами, но и интересами работодателей. Существующее противоречие между государственным заказом и требованиями современного технологического менеджмента определяет круг проблем, связанных с формированием «образа» (модели) как «теоретической субъективации» [1, с. 71], воспринимаемой обществом в качестве объективной реальности в рамках российского социокультурного пространства.

Человеческий потенциал в социокультурном пространстве

Необходимо акцентировать внимание на том, что в российской ментальности наблюдается неблагоприятная ситуация с человеческим капиталом относительно благополучных в этом отношении групп различных специалистов. В связи

с чем Н. Е. Тихонова и А. В. Каравай подчеркивают: «численность лиц с высшим образованием, занятых в российской экономике, более чем в полтора раза превышает численность существующих рабочих мест специалистов, около четверти работающих на этих рабочих местах не имеют высшего образования, а свыше половины работают не только не по своей основной профессии, но и не по смежной с ней». Более того, «работодатели чаще всего не заинтересованы в человеческом капитале своих работников» [2, с. 87]. В то же время данные мирового рейтинга развития человеческого капитала показывают, что по уровню начального, среднего, среднего специального и высшего образования Россия находится в группе лидеров по всем возрастным группам: 4-е место в Европе в группе 55–64 лет, 8-е место в возрастной группе 25–34 лет. У России также неплохие позиции по доле квалифицированных кадров – 12-е место в Европе по доле высококвалифицированного населения¹.

В рамках исследования вопросов, связанных с раскрытием человеческого потенциала, использовалось понимание человеческого капитала как сформированный и накопленный в результате инвестиций запас знаний, умений и навыков (Т. Шульц, Г. Беккер). Раскрытию человеческого потенциала способствуют применяемые образовательные технологии в области образования, науки, здравоохранения и т. д., имеющие национальную специфику и отражающие глубокое воздействие на социокультурную политику как на государственном, так и региональном уровнях. Это позволило охватить наиболее значимые исследования в области раскрытия специфики человеческого потенциала в рамках трансформации образовательных технологий в российской ментальности и выявить методологические особенности, характерные для актуальных исследований в данной области. При описании трансформации образовательных технологий применялись методы рационально-логического анализа, структурно-функциональный подход, концептуального анализа, исторического и логического.

Как определенный продукт технологий образование является отражением сформированных знаний, существует внутри сознания человека (индивида) и направлено на удовлетворение потребностей рынка труда. Проблема заключается в том, насколько полученные знания, навыки и умения соответствуют степени их востребованности либо невостребованности рынком труда и отвечают компетенциям, актуализированным современным состоянием развития технологий в различных сферах деятельности человека в рамках дифференцирования «по экономическим, природно-климатическим, пространственным и другим критериям» [3, с. 68]. Прежде всего, нас интересуют проблемы, связанные с формированием человеческого потенциала в сфере подготовки педагогических и медицинских кадров в российском социокультурном пространстве, в котором проявляется потребность формирования культуры, в том числе правовой, и неоднозначность ее оценки и значения [4, с. 189].

Профессиональная подготовка выпускника, профиограммы

В области профессиональной подготовки выпускника педагогического вуза, по мнению С. А. Шмелёвой, существенное значение приобретает «деятельностно-организационная способность человека "расти" в профессии, умение анализировать свой профессиональный уровень, быстро создавать, "конструировать" четкие профессиональные навыки, обнаруживать и осваивать новые знания и профессиональные зоны в соответствии с меняющимися требованиями рыночной ситуации» [5, с. 16]. При формировании данной образовательной модели основной целью является подготовка выпускника педагогического вуза к адаптации в профессиональной среде, в том числе посредством реализации двух программ: общего высшего образования и базового высшего педагогического образования (бакалавриат). Существующие модели «профиограмм» включают «в себя образовательные, интеллектуальные, профессиональные, нравственные и психологические характеристики» будущих специалистов [6, с. 20]. Немаловажными являются вопросы, касающиеся подготовки студентов к самоконтролю [7, с. 49] как возможности к более эффективному освоению своих профессиональных компетенций не только в процессе трансляции своих знаний, но и практического их использования, не говоря уже о получении новых.

Профессиональная практическая подготовка в образовательном учреждении зависит от социально-экономических возможностей вуза, востребованности данного продукта со стороны работодателей, условий рынка труда не только на уровне государства, но и на региональном уровне. Степень существования и реализации заказа со стороны работодателей определяет возможный спектр формирования и реализации человеческого потенциала. Чем выше степень реальной, а не формальной заинтересованности работодателей в подготовке конкретных специалистов, тем успешней и квалифицированней будет конечный продукт (специалист). Использование при подготовке различных профиограмм способствует не только освоению и осмыслению знаний в профессиональной области, но позволяет нравственно и психологически адаптироваться к будущей деятельности. Исходя из этого среда образовательного учреждения, в частности вуза, должна быть нацелена на формирование образа специалиста. На различных уровнях подготовки (бакалавр, магистр, специалист) образовательные профиограммы должны иметь вариативные возможности сочетания, в том числе тактические импровизации обязательных и вариативных программ, основная цель которых – постоянная подстройка образа выпускника.

Самое очевидное – социальный заказ. В случае, если работодатель, для которых предназначены выпускники, начинают на уровне сетки численных показателей формировать то, что им необходимо и приемлемо, то начинают возникать

¹ Россия совершила скачок в мировом рейтинге развития человеческого капитала // Ведомости. 13.05.2015. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/05/13/the-human-capital-report-2015-po-urovnyu-razvitiya-chelovecheskogo-kapitala-rossiya-sovershila-skachok-v-verh-v-mirovom-reitinge> (дата обращения: 30.05.2018).

проблемы. Источником данных проблем является возникновение ситуаций, полных случайностей и неопределенностей. В настоящее время именно случайностями оправдывают чрезмерное наличие компетенций. Если программа (система компетенций) определяет границы, внутри которых вуз формирует образ будущего выпускника, то неизбежно встает тема поиска универсальной личности (выпускника) как конечного продукта конкретного вуза, обладающего конкурентными преимуществами (формирование уникального образа выпускника) по сравнению с себе подобными (педагогические – педагогическим, медицинские – медицинским и т. д.). Иными словами, подготовка, «увеличение вовлеченности в образование может произойти в первую очередь за счёт учащих из семей с высоким уровнем социального, культурного и экономического капитала» [8, с. 118]. Но проблема в том, что современный выпускник – не полуфабрикат, это всего лишь выпускник с дипломом и без профессионального знания.

Образ выпускника, удовлетворяющий интересам государства, работодателя, современных технологических процессов и общества в целом, должен учитывать существующие возможности (социально-экономические, политические, управленческие и т. д.) для раскрытия человеческого потенциала и условия социокультурного пространства («тотальности культуры» М. Шрётера) для его подготовки. «Благодаря тому, что культура выработала эффективные инструменты и практики достижения и сохранения определенных ценностей, она оказывается средой, в которой происходит последовательная подготовка личности в плане биологической адаптации фактически вплоть до совершеннолетия и даже позже» [9, с. 82]. Немаловажными являются вопросы социокультурной среды и социально-экономического потенциала, которыми обладают студенты и выпускники. От этого в дальнейшем зависят образовательные и профессиональные траектории. По мнению Ф. Ф. Филиппова, для детей, получивших образование выше того уровня, который имеют их родители, шансы на вертикальную мобильность не повышаются, а в большинстве случаев остаются на том же уровне, что и у представителей их социальных групп [10]. Может быть это является причиной того, что результаты существующих экспериментов 90-х г. XX в. и начала XXI в., которые проводились со специалистами, не принесли ожидаемых результатов. Одной из причин является отсутствие творческого духа, выражения креативности, без наличия которых невозможно освоить инновационные процессы. В рамках этого существует потребность формирования соответствующего уровня сознания и понимания взаимосвязи образовательных процессов с практикой раскрытия человеческого потенциала.

В зависимости от качества обучения образовательные учреждения нацелены на соответствующее раскрытие человеческого потенциала. Например, по мнению западных ученых, степень качества обучения зависит от возможностей привлечения школьников с более высоким культурным, социальным и экономическим капиталом [11]. Исходя из этого проблемы раскрытия человеческого потенциала будут выше у тех образовательных учреждений, которые «готовы» обучать представителей из «высших» социальных слоев, социокультурный и экономический уровень которых открывает более широкий

спектр профессиональных возможностей. Это происходит потому, что «доступ к качественному высшему образованию получают в первую очередь "сильные" группы, которые обладают большими ресурсами» [12].

По мнению Д. А. Константиновского и Е. С. Поповой, «множественность путей к получению высшего образования повышает его доступность для выходцев из "слабых" слоёв, и это особенно важно при отсутствии другой какой-либо поддержки» [13, с. 42]. Ориентированность высших учебных заведений на профессиональную подготовку представителей таких слоев позволяет им эффективно адаптироваться к условиям регионального рынка труда, способствовать технологическому развитию, позволяет сократить уровень молодежной безработицы, повысить эффективность переходов выпускников от образования к трудовой деятельности в реальном социокультурном пространстве. Объективно все образовательные учреждения не могут иметь одинаковый потенциал и одинаково развитую инфраструктуру, но все они обязаны готовить специалистов, необходимых и востребованных, прежде всего, на региональном уровне.

Формирование образа будущего выпускника вуза

В сложившихся условиях образовательному учреждению необходимо спроектировать образ будущего выпускника. Сложность данного процесса требует постоянного уточнения через процедуру: образ – модель – проект. В этом случае образ задает фундаментальную картину происходящего, смыкается с мифологией и ее возможностями. Он схож с «идеальным типом» Э. Шпрангера и «означает ценностную ориентацию переживания, которая отражается в социальных взаимосвязях, и отношении к другим людям» [14, с. 31]. Появляется возможность и / или способность задавать правила среды, внутри которой личность созревает и оттачивается. Образ и его интерпретация порождает другие подходы. Общество не только должно искать новый образ специалиста, но и готовиться к его появлению.

Это можно проиллюстрировать на примере формирования образа врача, в том числе на региональном уровне. В системе здравоохранения необходима система и четко описываемые на управленческом уровне желания, позволяющие исключить элементы хаоса и непредсказуемости. Проектируя систему, мы проектируем личность и общество. Для этого в обществе должна существовать проявленная и формально зафиксированная идеология, идеологическая парадигма, позволяющая координировать цели и задачи социальных и технологических процессов [15]. Общество (государство и работодатели) должно для себя решить и выстроить прозрачную шкалу успешности и неуспешности будущего врача. При формировании образа врача необходимо учитывать не только факторы позитивного влияния на мотивацию (размер заработной платы, удовлетворенность врачебной деятельностью и т. д.), но и негативного, связанного в настоящее время с сокращением персонала (оптимизацией), следствием которого стало ухудшение социального самочувствия врачей, снижение оценок отношения к труду и готовности работать лучше.

Врач при современной системе подготовки стал объектом с идеальными характеристиками, не связанными с реальными ситуациями, сталкиваясь с которыми, выпускник пасует. Попытки привлечь специалиста с помощью кредитов и квартир существуют, но не являются системными. Ситуация усугубляется тем, что, как подчеркивает А. Филипенко, «выборочный аудит крупнейшего за последние годы инвестиционного проекта – региональных программ модернизации здравоохранения – выявил множественные случаи длительного (более 100 дней) простоя дорогостоящего оборудования, вызванные ошибками планирования или реализации закупок (отсутствием подходящих помещений, специалистов необходимой квалификации или пациентов, нуждающихся в соответствующей медицинской помощи; приобретением оборудования, не соответствующего требованиям к качеству и безопасности услуг»².

Заключение

Реализация человеческого потенциала в социокультурном пространстве зависит от образовательных траекторий, которые обеспечивают сохранение и накопление человеческого капитала. В результате государственного и социального (работодатель, гражданское общество и т. д.) инвестирования происходит эффективная адаптация человека к изменяющимся условиям, умение в процессе своей профессиональной карьеры быстро и эффективно реагировать на новые вызовы. Важнейшим показателем эффективности образовательного учреждения становится востребованность образования со стороны тех, кто занят активным развитием своей карьеры. Интенсивное развитие технологий позволяет сделать образование более доступным и профессионально ориентированным.

Литература

1. Порхачев В. Н., Порхачева Л. В. Образ как теоретический конструктор возможного социального проектирования // Философия социального сознания. Девятые Кузбасские философские чтения: мат. науч. конф. с междунар. участием. Кемерово, 2016. С. 70–72.
2. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84–98. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518050082>
3. Голофастова Н. Н., Михайлов В. Г., Середюк И. В. Трансформация эколого-экономической системы угледобывающего региона // Экономика и управление инновациями. 2017. № 1. С. 66–75. DOI: <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2017-1-66-75>
4. Золотухин В. М., Сулова С. В. Правовая культура и образование // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 2. С. 178–181.
5. Шмелёва С. А. Модель профессиональной подготовки выпускника педагогического вуза // Вестник ТГПУ. 2012. № 5. С. 16–22.
6. Курганский С. А. Структура человеческого капитала и его оценка на макроуровне // Известия ИГЭА. 2011. № 6. С. 15–22.
7. Золотухин В. М., Съедина Н. В. Готовность студентов к самоконтролю как процесс педагогического взаимодействия субъектов воспитательно-образовательного процесса // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 48–54.
8. Чиркина Т. А. Социально-экономическое положение и выбор образовательной траектории учащимися: теоретические подходы к изучению взаимосвязи // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 3. С. 109–125. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-3-109-125>
9. Бажанов В. А. Социум и мозг: биокультурный со-конструктивизм // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 78–89.
10. Филиппов Ф. Ф. Социологический анализ проблем образования // Франция глазами французских социологов. М.: Наука, 1990. С. 232–241.
11. Jerrim J., Chmielewski A. K., Parker P. Socioeconomic Inequality in Access to High-Status Colleges: A Cross-Country Comparison // Research in Social Stratification and Mobility. 2015. Vol. 42. P. 20–32.
12. Konstantinovskiy D. L. Expansion of higher education and consequences for social inequality (the case of Russia) // Higher Education. 2016. Vol. 74. № 2. P. 201–220. DOI: 10.1007/s10734-016-0043-7
13. Константиновский Д. А., Попова Е. С. Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 34–44. DOI: 10.7868/S0132162518030030
14. Михайловский А. В. Инженерная деятельность и техническая форма жизни // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 1. С. 29–42. DOI: 10.21146/2413-9084-2018-23-1-29-42
15. Zolotukhin V., Zolotukhina N., Yazevich M., Rodionov A., Kozyreva M. V. Ideological paradigms and their impact on environmental problems solutions in coal mining regions // E3S Web of Conferences: The Second Intern. Mining Symposium. 2017. DOI: 10.1051/e3sconf/20172104008

² Филипенко А. В. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности использования средств бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования, направленных в 2011–2013 годах на реализацию программ и мероприятий по модернизации здравоохранения (параллельно с Контрольно-счетной палатой Ярославской области, Счетной палатой Ямало-Ненецкого автономного округа по согласованию)» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2014. № 9. С. 200–280.

Personal Formation and Fulfillment in the Russian Socio-Cultural Environment

Vladimir M. Zolotukhin ^{a,*}; Vasily N. Porhachev ^b

^a T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 28, Vesenniyaya St., Kemerovo, Russia, 650000

^b Kemerovo State Medical University, 22a, Voroshilova St., Kemerovo, Russia, 650029

* zvm64@mail.ru

Received 20.02.2019. Accepted 29.03.2019.

Abstract: The research features ways of personal formation and fulfillment in the Russian socio-cultural space. An effective use of educational technologies contributes to personal fulfillment. Higher education helps students to socialize and adapt. Modern society requires professional competencies. However, there is a contradiction between the state demand and the requirements of modern technological management, which determines the range of problems associated with the image of a graduate that would satisfy both the state and the employers. The specifics of the use of educational technologies are significantly affected by the national mentality, which reflects the degree of impact on social and cultural policy at state and regional levels. Human potential is a reflection of the formed knowledge; it is individual and market-oriented. The problem lies in the degree of the demand for graduates on the labor market and the competencies that should be adapted to the current state of technology development in various fields of activity. The effectiveness of professional training depends on the socio-economic opportunities of the institution, its infrastructure, and opportunities to reveal the creative potential of its graduates. The higher the degree of real demand for specific specialists, the more successful and qualified will be the future specialist. If the system of competencies defines the boundaries within which the university forms the image of the future graduate, a universal graduate should possess competitive advantages, which results in the problem of a unique image of the graduate.

Keywords: human capital, Russian mentality, educational environment, educational technologies, competences, image

For citation: Zolotukhin V. M., Porhachev V. N. Personal Formation and Fulfillment in the Russian Socio-Cultural Environment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2019, 3(2): 145–150. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-1-145-150>

References

1. Porhachev V. N., Porhacheva L. V. The Image as a theoretical construct of possible social design. Philosophy of social consciousness. *The Ninth Kuzbass philosophical readings: Proc. Sci. Conf. with Intern. participation*. Kemerovo, 2016, 70–72. (In Russ.)
2. Tikhonova N. E., Karavay A. V. Dynamics of some indicators Russians' general human capital in 2010–2015. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2018, (5): 84–98. (In Russ.) DOI: 10.7868/S0132162518050082
3. Golofastova N. N., Mikhailov V. G., Seredyuk I. V. Transformation of ecological-economic system of coal mining region. *Economics and innovations management*, 2017, (1): 66–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2017-1-66-75>
4. Zolotukhin V. M., Suslova S. V. Legal culture and education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (2): 178–181. (In Russ.)
5. Shmeleva S. A. Professional training model of pedagogical university graduate. *Vestnik TSPU*, 2012, (5): 16–22. (In Russ.)
6. Kurgansky S. A. Structure of human capital and its assessment on macro level. *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2011, (6): 15–22. (In Russ.)
7. Zolotukhin V. M., Sjedina N. V. Students' readiness to self-control as the process of pedagogical interaction between the subjects of educational process. *Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, 2015, (3): 48–54. (In Russ.)
8. Chirkina T. A. Review of theoretical approaches to the study of the relationship between students' socioeconomic status and educational choice. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2018, 19(3): 109–125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-3-109-125>
9. Bazhanov V. A. Socium and the Brain: Biocultural Co-Constructivism. *Voprosy filosofii*, 2018, (2): 78–89. (In Russ.)
10. Filippov F. F. Sociological analysis of problems of education. *France through the eyes of French sociologists*. Moscow: Nauka, 1990, 232–241. (In Russ.)
11. Jerrim J., Chmielewski A. K., Parker P. Socioeconomic Inequality in Access to High-Status Colleges: A Cross-Country Comparison. *Research in Social Stratification and Mobility*, 2015, 42: 20–32.
12. Konstantinovskiy D. L. Expansion of higher education and consequences for social inequality (the case of Russia). *Higher Education*, 2016, 74(2): 201–220. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-016-0043-7>

13. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. Russian secondary professional education: demand and specificity of choice. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2018, (3): 34–44. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030030>
14. Mikhailovsky A. V. Engineering activity and technical "form of life". *Philosophy of science and technology*, 2018, 23(1): 29–42. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2018-23-1-29-42>
15. Zolotukhin V., Zolotukhina N., Yazevich M., Rodionov A., Kozyreva M. V. Ideological paradigms and their impact on environmental problems solutions in coal mining regions. *E3S Web of Conferences: The Second Intern. Mining Symposium*, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20172104008>

Соотношение ценностного и коммуникативного аспектов в изучении социокультурной традиции

Григорий А. Илларионов^{a, @, ID}

^a Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79

@bromov1917@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-1676-3796>

Поступила в редакцию 21.02.2019. Принята к печати 08.05.2019.

Аннотация: Рассматривается проблема соотношения двух подходов к феномену традиции. Ценностный подход изучает и оценивает традицию как устойчивый, передаваемый объект. Коммуникативный подход рассматривает традицию как конструкт, отражающий восприятие прошлого в настоящем. Цель исследования состоит в анализе причин формирования позиций и их соотношения. Путем феноменологического анализа мы приходим к выводу, что разделение и противопоставление обоих подходов структурно обусловлено. Процесс передачи традиции подразумевает операции деконструирования традиции, т. е. выделения ее содержательного ядра из контекста прошлого для воспроизведения в контексте настоящего, реконструкции. Передача обусловлена способами коммуникации, которые, развиваясь от бесписьменных к цифровым, обуславливали увеличение «разрыва» в контекстах передающего и реципиента. Вследствие этого традиция в большей степени деконструируется, ее ядро оказывается в большей степени подвержено изменению. Ценностный и коммуникативный компоненты традиции отражают взгляды на разные ее части – реконструкцию и деконструкцию соответственно. Ценностный подход предполагает взгляд «со стороны» реконструкции, воспроизводства ядра традиции, это подход «изнутри» традиции, отрицающий деконструктивный аспект. Коммуникативный подход есть взгляд «со стороны» деконструкции, стремящийся к объективизации традиции. Коммуникативный подход деконструирует ядро традиции, вынося субъект за границы ценности, «вовне» традиции. Делается вывод о необходимости применения принципа дополнительности при рассмотрении традиции как в конкретных ее формах, так и в концептуальном аспекте.

Ключевые слова: воспроизводство культуры, социальное наследование, структура традиции, ядро традиции, контекст традиции, деконструкция традиции, реконструкция традиции

Для цитирования: Илларионов Г. А. Соотношение ценностного и коммуникативного аспектов в изучении социокультурной традиции // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 151–158. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-151-158>

Введение

В дискурсах современности понятие традиции используется весьма релятивно. Как отмечает исследователь С. Броннер в своей статье «Американский концепт традиции: фольклор в дискурсе традиционных ценностей» [1], обыденное и научное понимания традиции принципиально различны. При помощи анализа современного американского фольклора С. Броннер показывает, что в обыденном понимании американцев традиция представляет собой неизменное, передаваемое через поколения содержание, ей соответствуют устойчивые традиционные ценности, она не предполагает рефлексии, слепо ориентирована в прошлое, консервативна. Обыденный американский дискурс ценностно ориентирован и направлен на преодоление традиции, связывая ее с неэффективностью и отсталостью, или на ее охранение, защиту. В науке, рассматривающей традицию как основание культуры, напротив, изучается адаптивность традиции, ее функции приспособления общества к изменяющимся условиям. Научное понимание традиции стремится понять, как традиция воспроизводит

культуру и каким образом она может способствовать решению частных проблем и общему прогрессу.

Сам С. Броннер делает вывод о том, что данный разрыв в понимании может служить основанием для общественных конфликтов. Существует и иная, когнитивная неопределенность. Само использование слова *традиция* отсылает нас к прошлому, к унаследованности той или иной формы социального бытия. Но откуда мы знаем, что в многочисленных, часто противоположных контекстах использования понятия традиции мы всегда говорим об одном и том же? Всегда ли слово отсылает к тому же явлению? И если понятию всегда соответствует один и тот же феномен, то почему его атрибуты в разных пониманиях прямо противоположны?

Предметом нашего исследования будет выступать взаимосвязь между понятием *традиция* и соответствующим этому понятию феноменом. В этом смысле мы будем в равной степени обращаться к понятийной и феноменальной сторонам традиции. Это обусловлено обозначенной выше двойственностью подходов к традиции, заставляющей нас ставить вопрос о том, насколько понятие традиции

соответствует одному феномену или нескольким, и каково соотношение феноменов с понятием и друг с другом.

Проблема состоит в том, что понятие *традиция* относится как к структуре воспроизводства культуры, так и к ценностному к ней отношению. Когнитивное и ценностное отношение к традиции кардинально различаются. Встает вопрос – идет ли в действительности речь о разных подходах к одному предмету или о разных предметах?

Таким образом, проблему, которой посвящена данная работа, мы можем сформулировать следующим образом: является ли традиция как способ воспроизводства культуры и традиция как ценностная ориентация одним и тем же, и какова взаимосвязь между этими формами существования концепта *традиция*?

Методы и материалы

В исследованиях традиции релятивизм ее определения проявляется так же ярко, как и в культуре в целом. Это вызвано тем, что науке и философии до наших дней не удалось сформировать консенсус относительно вопроса, какие качества считать определяющими в традиции и как провести демаркацию с другими, смежными понятиями, например понятием *культура*. Как замечает исследователь Д. Бен-Амос, «такого синтеза, в котором бы учитывались противоречащие друг другу взгляды и аналитические потребности, моменты стабильности и изменчивости в традиции, смысловые аспекты, пришедшие из научной терминологии и порожденные повседневному сознанием и живой культурой, прошлое и проекция прошлого в будущее, применительно к понятию традиции, уже имеющему собственную историю, достигнуть невозможно» [2, с. 99; цит. по: 3].

Все подходы к определению традиции можно разбить на две основные группы.

1. Классический способ определения через присущие ему свойства позволяет нам и многим до нас определять традицию как форму корреляции между социальным прошлым и настоящим. С этим согласны большинство подходов, кроме, может быть, примордиального традиционализма Р. Генона [4] и близких ему мыслителей-мистиков, утверждающих, что традиция изначальна и метафизична. Возьмем в качестве примеров ряд русскоязычных определений, данных авторитетными учеными. Например, А. И. Кравченко трактует традицию как «элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени» [5, с. 577]. В. М. Каиров определяет традицию как «устойчивые и повторяющиеся, прочные и общепринятые нормы и способы жизнедеятельности, исторически сложившиеся в рамках конкретной социальной общности» [6, с. 17]. К. В. Чистов рассматривает традицию как «механизм аккумуляции, передачи (трансмиссии) и актуализации связей настоящего с прошлым» [7, с. 108].

2. Однако определения атрибутов традиции представляет собой в истории науки пространство антиномий. С одной стороны, традиция представляется в виде передаваемого во времени объекта, как ее рассматривал М. Вебер [8, с. 628].

С другой – традиция представляет собой имманентный конструкт восприятия субъектом прошлого, как его рассматривает, например, Г. Гласси [9]. В подходе М. Вебера традиция неизменна, однако в большинстве современных научных подходов к ней подчеркивается ее адаптивный, изменчивый характер. Традиция «исчезает» в концепции Х. Арндт [10], традиция «изобретается», т. е. симулируется, с точки зрения Э. Хобсбаума [11], и «фрагментируется» с точки зрения Э. Гидденса [12]. Традиция как форма воспроизводства способов социального бытия обнаруживается даже за пределами человеческого общества, у животных, что изложено в исследовании А. Хоппер, А. Спитери, С. Ламберт, С. Шапиро, В. Хорнер, А. Уитена «Экспериментальные исследования традиции и базовые процессы передачи опыта у шимпанзе» [13]. В условиях такого релятивизма подходов остается только согласиться с утверждением Д. Бен-Амоса о невозможности в данный исторический момент сформировать синтетический подход, отвечающий концептуальным потребностям каждой дисциплины и исследователя.

Можно определять традицию через множественность ее проявлений, при помощи контекста его использования. Это ведет к отказу от строгости определения, делает его более инструментальным, пригодным для использования в специализированных научных дисциплинах. Так, американский исследователь С. Броннер выделяет 8 различных определений традиции в зависимости от дискурса использования: политического, лингвистического, религиозного, фольклорного и т. д. [1] Через многообразие определяет традицию и израильский исследователь Я. Ядгар, предлагающий рассматривать традицию в трех основных формах – как язык, как нарратив и как «горизонт» культуры, границу культурного пространства [14].

Фактически наука признала, что определить понятие традиции четко невозможно. К такому выводу приходят уже упомянутый выше Д. Бен-Амос, И. Н. Полонская [3], Н. Р. Хупения [15]. С нашей точки зрения, обойти эти проблемы возможно, только если феноменологически рассмотреть понятие традиции вне его конкретно-исторических форм понимания, обойдя все бесконечные узлы разночтений сложившихся подходов.

Результаты

В качестве рабочего определения традиции мы примем позицию К. В. Чистова, рассматривающего традицию как «механизм аккумуляции, передачи (трансмиссии) и актуализации связей настоящего с прошлым» [7, с. 108]. Это определение удобно, прежде всего, тем, что позволяет отразить в себе как объектную, передаваемую часть традиции, так и процессуальную, заключающуюся в процессе коммуникации между прошлым и настоящим.

Традиция всегда представляет собой процесс традирования, т. е. форму коммуникации, заключающуюся в трансляции и воспроизводстве элементов культуры прошлого. Разумеется, мы можем предположить наличие некоего изначального объекта, являющегося некой традицией, не зависящей от коммуникации людей, но тогда она будет для нас

трансцендентна, не доступна иначе как интуитивно или мистически. Следовательно, в доступном нам виде традиция всегда есть отношения между субъектами.

Традиция подразумевает, что коммуникация осуществляется во времени. Когда нечто идентифицируется как традиционное, подразумевается, что это нечто, воспроизводящее себя или аналогичное нечто, существовавшее в прошлом. Фраза *традиционные методы* будет означать, что такой же метод использовали в прошлом, или *традиционная религия* означает, что эта та же религия, что была в прошлом. Традиционное значит соответствующее традиции, т. е. непрерывной с определенного момента передаче чего-то через поколения.

Что является объектом традиции? Мы не можем сказать, что традицией может быть какая-либо вещь. Мы можем говорить о вещи, что она относится к традиции, некоторым образом «традиционна», но традиционность – это атрибут вещи, но не она сама. Традиция есть некоторая информация о вещи, приписанная ей. Она выражается в способе действий с вещами, отношения к вещам, отношения людей относительно какой-либо вещи. Традиционность означает, что информация о вещи, которая явлена нам в настоящем, соответствует информации, переданной нам об этой вещи из прошлого. Помимо вещи, это будет верно и для явления, процесса, знака. Объектом традиции всегда является информация о чем-либо, какое-либо понимание, корреляция человека с вещами. Традиционность означает, что в настоящем я соотношусь с чем-либо так же, как соотносился с этим люди до меня.

Традиция нуждается в двух субъектах. Первого мы можем обозначить как транслирующего информацию, передающего традицию. Вторым является реципиентом, принимающим традицию. Роль субъектов могут исполнять на различных уровнях традиции индивиды, социальные группы, поколения и т. д. Таким образом, мы имеем структуру, состоящую из субъекта, передающего традицию из прошлого (транслирующего), субъекта принимающего (реципиента) и объекта передачи (информации, составляющую традицию).

Возникает вопрос: каким образом происходит передача информации из прошлого? В данном случае мы будем опираться на концепцию культурной коммуникации У. Онга, разделявшего коммуникацию – письменную и устную [16, с. 5].

Наиболее ранней как для социума, так и для отдельного индивида является непосредственная коммуникация. Она основана на повторении одним действием другого. Источником информации служит опыт, получаемый в познании другого, ролевой модели. В качестве примера можно привести ребенка, подражающего старшим и через это постепенно включающегося в их социальные практики. Основной формой непосредственно передаваемой традиции является ритуал. Реципиент, принимающий традицию, непосредственно воспроизводя действия транслирующего, не знает контекста действий. Так, ребенок, подражающий взрослому, или религиозный неопит, или молодой ученый – все они не вполне понимают основания и контекст совершаемых действий в тот момент, когда включаются в ту или

иную социальную практику, контекст может быть понят в дальнейшем или остаться неизвестным.

В качестве примера приведем гипотетический случай зарождения некоего обычая, ставшего в дальнейшем объектом передачи. Предположим, что некто на основе собственного опыта создал рецепт блюда, который счел оптимальным, а затем обучил своему рецепту своих детей, те в свою очередь передали ставшее семейной традицией блюдо следующим поколениям. Передаваемый объект – рецепт. Но одинаково ли отношение к нему у каждого из реципиентов, ставших в дальнейшем трансляторами? Для изобретателя рецепта он является результатом его опыта, он использует его, потому что считает лучшим. Его сын вполне может делать это из уважения к родителю, внук – из ностальгии по детскому опыту, семейной солидарности. Каждый раз переданный объект, традиция, остаются теми же, но отношение к передаче со стороны каждого последующего получающего может быть иным, и это не препятствует передаче. Таким образом, структура объекта передачи может быть разделена на изменчивый контекст и устойчивое ядро. Контекст меняется в зависимости от условий передачи. Схожую структуру традиции предлагал Э. Шилз, говоря о традиции, состоящей из устойчивого ядра и периферии [17].

Контекст внутренне присущ каждому из субъектов передачи и не присущ ядру. Мы можем сказать, что контекст, определяющий отношения транслирующего и реципиента к традиции, всегда различен настолько, насколько различны их положение по отношению друг к другу и общественные и природные условия. Совпасть они не могут как минимум из-за разрыва во времени – транслирующий всегда предшествует реципиенту, обладает объектом раньше него.

Ядро, т. е. передаваемое, ставящееся в контекст, первично исходит от опыта. Для первого транслятора – человека или группы – традиция еще не является таковой, представляя собой только опыт, заслуживающий передачи. Но как может быть опыт передан? Реципиенту опыт транслятора недоступен, он передаваем только через язык. Любой переданный опыт проходит через интерпретацию, т. е. ядро оказывается выделено из контекста опыта транслирующего и помещено посредством интерпретации в контекст реципиента. Принимающая сторона не может получить традицию иначе, как путем трактовки, интерпретации ядра, которое оказывается усвоено. В свою очередь, когда реципиент сам выступает в роли транслятора, он передает ядро, уже усвоенное в контекст путем трактовки, затем выделенное и переданное для интерпретации следующему реципиенту. В этом смысле можно сказать, что процесс воспроизводства традиции есть перманентная деконструкция и реконструкция традиции.

Однако мы можем сказать, что соотношение ядра традиции и контекста неодинаково на различных исторических этапах коммуникации, которую мы понимаем как традицию. Ядро традиции – передаваемый объект – обладает некоторой сопротивляемостью трактовке ее принимающим субъектом, деконструкции. В ритуализированной непосредственной передаче роль трактовки субъекта снижена

самой логикой воспроизведения ритуала. Когда ритуал воспроизводится через время, частью этого воспроизводства является непосредственный контроль транслирующего над точностью воспроизводства реципиентом. Контекст, в который каждый из субъектов помещает ядро, неважен, поскольку как бы они не относились к передаваемому ритуалу, они воспроизводят его так точно, как могут. Например, в земледельческих культах древности, привязанных к природным циклам, не имеет значения отношение субъектов к ритуалу, важно лишь его воспроизведение, контроль за которым ведется трансляторами опять же независимо от их отношения. Ритуал препятствует деконструкции самого себя, когда интерпретация сводится к минимуму непосредственностью самой коммуникации. Понимать ритуал необязательно, его необходимо воспроизводить.

Примечательно, что ценностный подход к традиции оказывается невозможен при непосредственной передаче. Это связано с тем, что ритуализованная социальность предстает перед субъектом «естественной», «объективной», не зависящей от отношения к ней. Подобную мысль высказывал исследователь Я. Ассман, когда говорил, что непосредственная устная передача приводит к формированию «естественного отношения к происходящему» [18, с. 368].

Таким образом, несмотря на то, что сам процесс передачи традиции предполагает трактовку реципиентом помещения ядра традиции в новый контекст, сама трактовка не осознаваема. Его ценностное отношение к переданной традиции воспринимается им как естественная передача опыта взаимодействия со столь же естественной реальностью.

В некотором смысле мы можем сказать, что ценностное отношение к традиции невозможно в обществе, где она бесписьменно, непосредственно передается. Потому как традиция не оценивается, традиции нет, есть только естественный порядок вещей.

Чем менее непосредственна передача традиции, тем в большей степени ядро традиции подвержено деконструкции. Оно изменяется тем сильнее, чем дальше оно уходит в пространстве и времени от своей основы, от опыта, его породившего. Контроль за воспроизведением, неизменность ритуальности ослабевает, поскольку непосредственный контроль становится невозможен. Реципиенты вполне могут не осознавать, как их трактовка все в большей степени деконструирует передаваемое ядро, внося в него изменения по мере того, как первоначальный смысл той или иной традиции оказывается все дальше от новых реципиентов.

Ценностное отношение к традиции возникает там, где возникает письменная, текстовая коммуникация. Если в непосредственной коммуникации ядро традиции не могло существовать независимо, оно, будучи выделено из контекста транслирующего, оказывалось усвоено реципиентом, то в тексте ядро получает некоторую самостоятельность, объект передачи получает возможность существования вне контекстов обоих субъектов.

В тексте ядро традиции, информация о чем-либо получает самостоятельность. Ядро выделяется передающим субъектом и трансформируется в текст. Транслирующий

становится автором, реципиент – читателем. Тексты неравнозначны, и наиболее значимые из них образуют канон, становящийся основой традиции.

Разрыв между автором и читателем кардинальнее, чем в случае бесписьменной передачи традиции. Автор не способен к какому-либо ритуальному контролю над реципиентом-читателем, который оставлен один на один с ядром, которое он усваивает. Контексты автора и читателя еще более различны, читатель удален от автора. Происходит принципиальная деконструкция написанного: когда читатель интерпретирует текст, извлеченное им из текста ядро передаваемого может значительно отличаться от того, что было дано в опыте и контексте автора.

Естественность непосредственной передачи уходит, поскольку передача требует от реципиента восприятия текста. Текст не естественен, сказанное в нем – ядро традиции – нуждается в реконструкции. И чем более удалены друг от друга – пространственно или темпорально – транслирующий и реципиент, тем больше требуется процедура трактовки-реконструкции, помещения в контекст. В тексте традиция деконструируется, вырывается из контекста автора. Читатель вынужден реконструировать ее, причем тем более четко, чем в большей степени сам читатель в дальнейшем становится автором, поскольку ему требуется традиция в той степени ее рефлексивного понимания, которая позволит ему поместить ее в текст самому. Но реконструированная информация, содержащаяся в ядре традиции, не может уже просто воспроизводить себя, реконструкция, в отличие от ритуала, опирается на трактовку, а не на воспроизведение. Это приводит к нарастанию с каждой передачей темпов изменения содержания ядра, вплоть до полной его перемены. Но для реципиентов полученное все равно остается воспринимается как традиционное, поскольку они получают его тем же путем реконструкции, и оригинальные значения и опыт авторов недоступны им.

Именно в письменной коммуникации становится возможным ценностное отношение к традиции. Текст, в отличие от непосредственной передачи, не передает ядро традиции сам по себе. Он должен быть воспринимается реципиентом как нечто важное, переданное из прошлого, как ценность.

Чем более текстовой становится коммуникация, чем в большей степени текст становится основой передачи традиции, тем более изменчивой она становится, не теряя при этом своей традиционности, поскольку субъект по-прежнему считывает переданное из прошлого. Для реципиента все предшествующие *выделения ядра*, т. е. деконструкции, и *усвоения* их в контекст, т. е. реконструкции, остаются недоступными, реципиенту канон предстает в завершенном виде.

Именно на этом этапе происходит расхождение двух подходов, взглядов на традицию, тождественность и соотношения которых мы стремимся определить в данной работе – ценностного, состоящего в отношении к традиции, и коммуникативного, заключающегося в процессе воспроизведения культуры.

Чем больше в коммуникации текста, тем более изменчивым становится традиция в любых ее формах, тем

далее друг от друга транслирующий и реципиент, тем сильнее контекст влияет на степень деконструкции ядра, вплоть до полной его деконструкции. Иными словами, на определенном этапе от той информации, которая закладывалась в ядре традиции далеко отстоящими во времени и пространстве авторами, может не остаться ничего, контекст полностью поглотит его, и на каждом этапе коммуникации ядро традиции будет все более отличаться. Но это останется неизвестно реципиентам, поскольку им представлен лишь канон, который они реконструируют. Потому их ценностное отношение к традиции не претерпит тех же трансформаций, которые претерпело ядро.

Мы приходим к мысли о том, что воспроизводство культуры и ценностное к ней отношение – это взгляд на традицию с разных позиций. Ценностно традицию видит тот, кто внутри нее, тот, кто реконструирует прошлое непосредственно или посредством текста. Структуру воспроизводства культуры в целом видит ученый, познающий как бы извне традиции. Неслучайно социолог Э. Гидденс отмечал, что говорить о традиции когнитивно в полной мере можно только не будучи частью традиции, отделившись от нее [19, с. 57].

Почему два этих подхода оказываются противопоставлены? Что заставляет ученого извне традиции видеть в традиции адаптацию и изменение, т. е. деконструкцию, а человека изнутри традиции – неизменность и воспроизведение, т. е. реконструкцию? Ведь по сути речь идет о двух сторонах одного и того же процесса воспроизведения культуры, опыта человечества.

Ученый, для того чтобы взглянуть на традицию в целом, вне его ценностного компонента, т. е. не только реконструируемого, но и деконструируемого компонентов, должен оказаться вне традиции. Исследователь должен целиком деконструировать ядро традиции, дойти до наименее рефлекслируемого ее основания, реконструировать традицию вне ценности, когнитивно. Увидев традицию вне ее кажущейся неизменности, исследователь обнаруживает в ней изменчивость, способность адаптировать опыт к изменяющимся условиям. Неслучайно одними из первых в западной науке о пользе традиции для обновления общества, модернизации, заговорили в 60-х гг. XX в. востоковеды, например индологи Л. и С. Рудольфы [20]. Однако когда ядро традиции оказывается целиком деконструировано, его уже нельзя реконструировать так, словно оно в традиции оставалось. Для ученого традиция, которая им исследована, деконструирована, уже не может быть той устойчивой ценностью, которой она является для того, кто ценностно ее реконструировал. Ученый может понимать, как та или иная традиция изменялась по мере смены исторического контекста, но ценностно воспринять ее уже не может, она никогда не будет для него устойчивой, вечной ценностью.

Исследователь традиции, деконструируя ее ядро, приходит к пониманию, что традиционность как таковая невозможна, ни одно общество не «традиционно» в силу изменчивости. Что прямо противоположно взгляду реципиента

традиции, который ценностно ее воспринимает, реконструирует ее на основе неизменного для него ядра. С позиции реципиента полная деконструкция традиции есть ее уничтожение, своего рода десакрализация. Поэтому для обывателя, всегда прибывающего в той или иной традиции, и для ученого, оказавшегося вне исследуемой традиции, подходы друг друга будут неприемлемы, что породит социальный конфликт.

Возникает также вывод о том, что модернистский подход к традиции, сформулированный М. Вебером и предусматривающий рационализацию традиции как способа ее преодоления, оказывается в действительности ценностным подходом, подходом изнутри традиции. Само по себе ценностное отношение, выраженное в стремлении к объективности, является атрибутом научной традиции, формой традиции, которые позднее исследовались в рамках постпозитивизма Т. Куном и др. Стремление к объективности есть деконструкция одной традиции через призму научной традиции.

Что это означает в методологическом отношении, какие выводы мы можем сделать относительно методологии исследования традиции? Это означает, что исследующий ее должен либо оставаться традиционен как минимум научно, т. е. не деконструировать то ядро традиции, что является основанием его собственного исследования, либо, деконструировав его полностью, оказаться в пространстве полного методологического релятивизма.

Тот, кто познает в рамках традиции, научной, или религиозной, или иной другой, будет познавать, прежде всего, реконструкцию традиции, то, каким образом из ядра возникает тот габитус общества, который в последующем сам станет основанием для дальнейшей реконструкции. Для науки традиция будет тем, что определенным образом реконструируется, а характер и результат деконструкции изменяется в зависимости от контекста. Фактически исследовать традицию научно значит исследовать воспроизводящиеся структуры – экономические, психические, семантические и пр. Традиция должна быть редуцирована до ядра той традиции, в рамках которой ведется исследование.

Но при всех очевидных преимуществах научного подхода, он не способен в рамках своей методологии вместить момент деконструкции традиции, тот холистический ее компонент. Редуцируется целостность восприятия традиции ее реципиентом, которая недоступна ученому, ведь им ядро уже деконструировано полностью, а реципиенту традиции в рамках ее передачи еще доступно, и он ценностно к нему относится. Ученый не может реконструировать традицию, она всегда будет для него деконструирована, поскольку ценностное отношение есть часть реконструкции, ее причина.

Так мы приходим к мысли о том, что разделение двух подходов к традиции обусловлено методологически. Традицию невозможно целостно исследовать научно, только деконструировать ее анализом, раскрыть ее объективную сторону. Однако реконструкция традиции останется в таком случае недоступна. Напротив, ценностно реконструированная традиция всегда ценностна, лишена научной

объективности, субъект-реципиент традиции не видит контекстов прошлого, для него традиция – наследие прошлого, передаваемое и устойчивое.

Исследование традиции, таким образом, требует применения принципа дополнительности, двух систем описания, адекватных и взаимоисключающих. Реконструкция и деконструкция – процессы, разделенные лишь посредством анализа, существующие в реальности всегда синхронно. Мы не сможем найти грани между ними, разделить их сколько-нибудь четко. Поэтому синтетически совместить анализ каждого из них невозможно, результаты анализа всегда будут противоречивы, видеть в каждом процессе либо передаваемую неизменную традицию, если изучать реконструкцию, либо адаптивный конструкт, если изучать деконструкцию. Оба подхода необходимы и при этом противоречат друг другу.

Именно этим обстоятельством и объясняется противоречие в восприятии традиции, с которого мы и начали наше рассуждение – для ученых традиция есть изменчивая, адаптивная форма воспроизводства культуры, для массового сознания – нечто устойчивое, передаваемое из прошлого и повторяемое.

Методологический вывод может заключаться в том, что для дальнейших исследований традиции как в виде общей категории, так и в ее конкретно-исторических формах мы должны исходить из дополнительности ценностного и объективного подхода к ней.

Традиция – это то, что деконструируется, то, что подвержено непрерывному включению в иной контекст, то, что не существует за пределами восприятия. Изучать традицию значит изучать семиотические, экономические, культурно-политические, этнические, антропологические и многие другие структуры изучаемых обществ, чтобы отследить динамику развития традиции, прагматически ее оценить.

Однако, традиция – это то, что реконструируется, является ценностью, служит основанием деятельности. Она объективна по отношению к субъекту, получающему и воспроизводящему ее. Она предшествует личному опыту, ее познание всегда будет представлять своеобразное трансцендирование, феноменологический взгляд на традицию изнутри традиции, рефлексия субъекта относительно оснований собственного мышления и поведения.

Применение принципа дополнительности способно не снять противоречие, но отчасти примирить враждующие взгляды на традицию, а также может способствовать созданию целостного, дополняющего ее изучения.

Заключение

1. Традиция как ценность и традиция как система воспроизводства культуры являются взаимосвязанными, но различными феноменами и предметами исследованиями.

2. Разделение и противопоставление обоих подходов обусловлено структурой традиции, включающей передающего субъекта, субъекта-реципиента и передаваемый объект. Будучи передаваемо, содержание традиции оказывается

выделено из контекста опыта передающего, деконструировано и усвоено в контекст опыта реципиента, реконструировано. Та часть содержания, которая остается неизменной в процессе деконструкции-реконструкции, обозначается нами как ядро традиции.

3. При непосредственной устной передаче традиции ядро, выраженное в тех или иных ритуализованных формах, доминирует над контекстом передающего и реципиента, их отношение к традиции второстепенно по отношению к поддержанию ритуала. Это создает естественность восприятия традиции, ценностное и коммуникативное в ней слабо дифференцированы. Радикальное изменение происходит с появлением письменной коммуникации, передачи традиции. Письменная передача создает разрыв в контекстах передающего и реципиента, что приводит к большому различию в их восприятии. Вследствие этого письменно опосредованная традиция в большей степени деконструируется, ее ядро сжимается, оказываясь в большей степени подвержено изменению. Реконструкция на основе письменной традиции более вариативна, обусловлена опытом и ценностной ориентацией реципиента.

4. Ценностный и коммуникативный компоненты традиции отдаляются друг от друга по причине увеличения разрыва между контекстами передающего и реципиента. Для реципиента степень деконструкции традиции остается неизвестной, для него традиция – неизменная ценность, принятая из прошлого и соотносимая им с собой. Для учебного, исследующего традицию извне, традиция изменчива, адаптивна, всегда существует в контексте.

5. Ценностный и коммуникативный подходы к традиции противоположны и дополнительны по отношению друг к другу. Ценностный подход изнутри традиции предполагает взгляд «со стороны» реконструкции, воспроизводства ядра традиции, это подход «изнутри» традиции, отрицающий и ограничивающий деконструктивный аспект. Коммуникативный подход есть взгляд «со стороны» деконструкции, стремящийся к объективизации традиции. Будучи научным, коммуникативный подход деконструирует ядро традиции, вынося субъект за границы ценности, «вовне» традиции. Объективность ликвидирует сам объект исследования – традицию и ее ядро, она перестает существовать для исследователя иначе, как уже деконструированной. С другой стороны, для ценностно воспринимающего традицию, ее ядро не предстает иначе, как реконструированным, воспроизведенным. Это делает принцип дополнительности методологической необходимостью при рассмотрении традиции как в конкретных ее формах, так и в концептуальном аспекте.

Можно предположить, что на социальном уровне расхождение во взглядах на традицию неизбежно и обусловлено самой структурой традиции как феномена, а также спецификой ее познания. С одной стороны, данное противоречие крайне конфликтогенно, поскольку может касаться вопросов сакральных, этических, идентичностных, когда позиция науки неприемлема для ценностей традиции. С другой – оба подхода полезны. Традиция, взятая

как ценность, выполняет множество фундаментальных общественных функций, адаптирует и воспроизводит культуру. Традиция, понимаемая как воспроизводство культуры, обладает большой концептуальной ценностью, позволяющей через ее исследования производить знания

во многих областях жизни, в пример можно привести знаменитую концепцию научных традиций и революций Т. Куна. Это делает принцип дополнительности в подходе к традиции ценным не только когнитивно, но и общественно, хотя его оформление еще далеко от завершенности.

Литература

1. Bronner S. J. Explaining Traditions: Folk Behavior in Modern Culture. Lexington: University Press of Kentucky, 2011. 520 p.
2. Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Varieties in its Meaning in American Folklore Studies // Journal of Folklore Research. 1984. Vol. 2. № 3. P. 97–131.
3. Полонская И. Н. Понятие традиции: проблема определения // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 2. С. 6–10.
4. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике / пер. с франц. В. Ю. Быстрова. СПб.: Азбука, 2000. 320 с.
5. Кравченко А. И. Культурология. М.: Академический Проект, Триеста, 2003. 496 с.
6. Каиров В. М. Традиции и исторический процесс. М.: Луч, 1994. 188 с.
7. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: Наука, 1986. 304 с.
8. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
9. Glassie H. Tradition // Journal of American Folklore. 1995. Vol. 108. № 430. P. 395–412.
10. Арндт Х. Традиции и современная эпоха // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 1992. № 1. С. 80–95.
11. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. N. Y.: Columbia University Press, 1993. 309 p.
12. Giddens A. Beyond Left and Right: The future of radical politics // Concepts and Transformation. 1997. Vol. 2. № 1. P. 107–118.
13. Hopper L. M., Spiteri A., Lambeth S. P., Schapiro S. J., Horner V., Whiten A. Experimental studies of traditions and underlying transmission processes in chimpanzees // Animal Behaviour. 2007. Vol. 73. № 6. P. 1021–1032.
14. Yadgar Y. Tradition // Human Studies. 2013. Vol. 36. Iss. 4. P. 451–470. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10746-013-9294-9>
15. Хупения Н. Р. Смысловое многообразие понятия традиция // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 12–27.
16. Ong W. J. Orality and Literacy: the Technologizing of the Word. London; N. Y.: Methuen, 1982. 256 p.
17. Shils E. Tradition and Liberty: Antinomy and Interdependence // Ethics. 1958. Vol. XLVIII. № 3. P. 153–165.
18. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
19. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 116 с.
20. Rudolph L. I., Rudolph S. H. The Modernity of Tradition: Political Development in India. University of Chicago Press, 1984. 316 p.

Axiological vs. Communicative Aspects in Socio-Cultural Tradition Studies

Grigory A. Illarionov^{a, @, ID}

^a Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041

@bromov1917@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-1676-3796>

Received 21.02.2019. Accepted 08.05.2019.

Abstract: The paper features the problem of correlation between two approaches to the phenomenon of tradition. The value approach sees tradition as a stable and transferable object. The communicative approach considers tradition as a construct that reflects the current perception of the past. The author analyzed the reasons for the formation of positions and their ratio. A phenomenological analysis proved that the separation and opposition of both approaches is structurally conditioned. The transfer of tradition involves its deconstruction, i.e. isolation of its substantial core from the context of the past to reconstruct it in the context of the present. Transfer depends on the type of communication, which, by developing from non-written to digital, increased the gap between the contexts of the transmitter and the recipient. As a result, the tradition is getting more deconstructed, while its core is becoming more susceptible to change. The value and communicative components of the tradition reflect the views on its different parts-reconstruction and deconstruction, respectively. The value approach assumes the point of view from the side of reconstruction, or reproduction of the core of tradition: this approach goes "from within" tradition and denies the deconstructive aspect. The communicative approach is a view from the side of deconstruction

while striving to objectify the tradition. The communicative approach demonstrates the core of the tradition, thus putting the subject beyond the frame of values, outside the tradition. Hence, the principle of complementarity should be applied when considering tradition, both in its specific forms and in the conceptual aspect.

Keywords: reproduction of culture, social inheritance, structure of tradition, the core of the tradition, the context of tradition, the deconstruction of traditions, the reconstruction of tradition

For citation: Illarionov G. A. Axiological vs. Communicative Aspects in Socio-Cultural Tradition Studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 151–158. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-1-151-158>

References

1. Bronner S. J. *Explaining Traditions: Folk Behavior in Modern Culture*. Lexington: University Press of Kentucky, 2011, 520.
2. Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Varieties in its Meaning in American Folklore Studies. *Journal of Folklore Research*, 1984, 2(3): 97–131.
3. Polonskaya I. N. The concept of tradition: the problem of definition. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki*, 2006, (2): 6–10. (In Russ.)
4. Guenon R. *Essays on tradition and metaphysics*, transl. Bystrov V. Yu. Saint-Petersburg: Azbuka, 2000, 320. (In Russ.)
5. Kravchenko A. I. *Culturology*. Moscow: Academicheskii proekt, Triksa, 2003, 496. (In Russ.)
6. Kairov V. M. *Tradition and historical process*. Moscow: Luch, 1994, 188. (In Russ.)
7. Chistov K. V. *Folk traditions and folklore. Essays theory*. Leningrad: Nauka, 1986, 304. (In Russ.)
8. Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress, 1990, 808. (In Russ.)
9. Glassie H. Tradition. *Journal of American Folklore*, 1995, 108(430): 395–412.
10. Arendt H. Tradition and the modern era. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7: Filosofiya*, 1992, (1): 80–95. (In Russ.)
11. Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. N. Y.: Columbia University Press, 1993, 309.
12. Giddens A. Beyond Left and Right: The future of radical politics. *Concepts and Transformation*, 1997, 2(1): 107–118.
13. Hopper L. M., Spiteri A., Lambeth S. P., Schapiro S. J., Horner V., Whiten A. Experimental studies of traditions and underlying transmission processes in chimpanzees. *Animal Behaviour*, 2007, 73(6): 1021–1032.
14. Yadgar Y. Tradition. *Human Studies*, 2013, 36(4): 451–470. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10746-013-9294-9>
15. Khupeniya N. R. The semantic diversity of the concept of tradition. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 2016, (2): 12–27. (In Russ.)
16. Ong W. J. *Orality and Literacy: the Technologizing of the Word*. London; N. Y.: Methuen, 1982, 256.
17. Shils E. Tradition and Liberty: Antinomy and Interdependence. *Ethics*, 1958, XLVIII(3): 153–165.
18. Asman Ya. *Cultural memory. Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 368. (In Russ.)
19. Giddens A. *A slipping world: how globalization is changing our lives*. Moscow: Ves' mir, 2004, 116. (In Russ.)
20. Rudolph L. I., Rudolph S. H. *The Modernity of Tradition: Political Development in India*. University of Chicago Press, 1984, 316.

Социокультурный и правовой аспекты социальной деятельности субъектов в банковской сфере

Марина В. Козырева^{a, @}; Александр Е. Криони^a; Николай В. Морозов^a

^a Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28

[@] mv_kozyreva@mail.ru

Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к печати 29.03.2019.

Аннотация: В статье рассматриваются социокультурный и правовой аспекты социальной деятельности различных субъектов кредитных отношений в Российской Федерации. Особое внимание уделено типам социальной активности субъектов банковской сферы. Аргументировано применение культурологического и деятельностного подходов для исследования типов и видов социальной активности различных субъектов кредитных отношений. В качестве типов социальной активности субъектов банковской деятельности анализируются правомерные и неправомерные действия кредитных организаций. Показана специфика административных правонарушений в данной сфере. Вместе с тем существенное значение отведено культуре предоставления кредитных займов, в особенности микрофинансовых организаций. Отмечено, что деятельность, направленная в первую очередь на извлечение выгоды, не обладает полезностью в контексте нравственности. Изучив поведенческие стереотипы заемщиков денежных средств и различные аспекты деятельности кредитных учреждений, были выявлены виды социальной активности субъектов кредитных отношений. Установлено, что высокий уровень социальной активности заемщиков направлен на удовлетворение физиологических потребностей и потребностей в безопасности. Реализация социальной активности кредитных учреждений главным образом заключается в соблюдении правовой нормативности и повышении уровня культуры предоставления займа. Социальная активность субъектов кредитных отношений, соответствующая культурной и правовой нормативности, способствует развитию национальной экономики.

Ключевые слова: кредитные отношения, заемщик, экономическое поведение, ответственность, культура экономического потребления, активность

Для цитирования: Козырева М. В., Криони А. Е., Морозов Н. В. Социокультурный и правовой аспекты социальной деятельности субъектов в банковской сфере // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 159–164. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-159-164>

Введение

Современные тенденции трансформации социально-экономических отношений в России оказывают влияние на культуру повседневного поведения граждан в банковской сфере, модель экономического человека [1] и формирование поведенческих стереотипов различных субъектов (государственные институты, банки, банковские сотрудники, заемщики и т. д.), так или иначе связанных с кредитными отношениями. Степень стабильности этих отношений определяется социокультурной средой, в которой они реализуются, уровнем взаимного доверия, стереотипами экономического поведения [2, с. 39] и т. д.

Основной деятельностью банка по размещению средств является кредитование. Термин *кредитование* неразрывно связан с понятием *кредитный риск*, в связи с чем основной задачей банка является оценка и минимизация кредитного риска, а основным принципом, которым обязана руководствоваться каждая кредитная организация, является получение максимальных доходов при минимизации кредитных рисков.

Социальная активность субъектов в банковской сфере

Деловая активность кредитных и банковских организаций связана с двумя аспектами возникновения кредитных рисков. С одной стороны, источником кредитных рисков является финансовая недееспособность физических и юридических лиц (заемщиков), а с другой – незаконная финансовая деятельность кредитных организаций.

Для исследования различных аспектов деятельности кредитных организаций и сформировавшихся моделей поведения заемщиков целесообразно применять культурологический и деятельностный подходы. Культурологический подход включает в себя исследование экономического поведения кредитных организаций и социальной активности заемщиков посредством «стандартизированных институциональных форм и их влиянием на социокультурную среду» [2, с. 38] в сфере кредитования. Деятельностный подход направлен на познание социальной активности участников кредитования. Основными параметрами данного подхода являются культура предоставления займа и культура экономического потребления, а также сложившаяся практика удовлетворения взаимных потребностей кредитора и заемщика, основанная

на социокультурной практике правоприменения в рамках российской [3].

Большой объем невозврата кредитов отрицательно влияет и на рейтинг банка, и на его финансовую устойчивость, и на репутацию кредитной организации. Поэтому банку необходимо тщательно оценивать кредитоспособность заемщиков, благодаря чему банк сможет снизить кредитный риск [4, с. 56]. Сегодня кредитоспособность оценивается с помощью информационных инструментов – кредитной истории и индивидуального кредитного рейтинга¹. Такой метод оценки платежеспособности заемщика, как индивидуальный кредитный рейтинг, имеет ряд недостатков. Во-первых, наличие нескольких легализованных субъектов, рассчитывающих данный показатель (Национальное бюро кредитных историй, Объединенное кредитное бюро, «Эквифакс», а также крупные банки). Во-вторых, неоднозначная методика расчета индивидуального кредитного рейтинга различными бюро кредитной истории. Так, различные бюро кредитных историй применяют определенные параметры различных переменных. К таким параметрам относятся «наличие текущих и исторических просрочек платежей, уровень долговой нагрузки заемщика, количество запросов его кредитной истории, ее глубина». В модели Объединенного кредитного бюро, например, наибольший вес имеет параметр «наихудший показатель просрочки за последние 6 месяцев». По данным на январь 2019 г. в России низкий кредитный рейтинг имеют 9,8 млн человек².

Тем не менее, рассматривая культуру экономического потребления, стоит обратить внимание на такой момент, как деятельность микрофинансовых организаций. Такие организации, как правило, не нацелены на формирование собственного положительного имиджа деловой репутации. Они в основном преследуют извлечение выгоды от уровня деловой и социальной активности, не проявляя должной заинтересованности к проверке платежеспособности заемщиков. «С точки зрения аксиологического подхода в изучении духовно-нравственного аспекта жизнедеятельности человека и общества в целом деятельность, направленная на получение выгоды, не обладает полезностью в контексте специфики содержания нравственности» [5, с. 202-3]. Правовая и социокультурная реальность способствует многим микрофинансовым организациям предоставлять микрозаймы по повышенным процентным ставкам. При этом возврат предоставленных заемных средств зависит

от «эффективной» деятельности «черных» коллекторов, а не от возможности погашения их со стороны заемщика. Например, за 9 месяцев 2018 г. в Новосибирской области была оформлена одна пятая часть всех микрофинансовых займов, что составило 4,2 млн договоров из 21,22 млн, приходящихся на всю территорию РФ (по данным Сибирского главного управления Банка России). В сравнении с 2017 г. этот показатель увеличился в 2 раза³.

Существующий уровень правовой культуры, более того, ее отсутствие у потенциального заемщика, способствует расширению противоправной деятельности кредитных организаций. Прежде всего, это вызвано возможностью совершения заранее недействительных сделок и фиктивных операций с ними, что определяет социокультурный и правовой аспекты их деятельности в целом. В качестве примера можно привести следующие ситуации⁴.

- Банк России отозвал лицензию у ВостСибтранскомбанка (г. Иркутск). Пойти на такие меры Банку России пришлось из-за того, что банк длительное время проводил непрозрачные сделки, фиктивные операции для сокрытия значительной недостачи денег в кассе. Руководство кредитной организации вывело более 130 млн руб. высоколиквидных активов с ущербом для кредиторов и вкладчиков.
- В начале октября 2018 г. Банк России отозвал лицензии у волгоградского банка «КОР» и московского банка «Флора-Москва». По данным Центрального Банка РФ обе кредитные организации причинили вред общественным отношениям, а именно непосредственным объектом административного правонарушения стало содержание требований ст. 15.27 Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) «Неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁵.

На основании имеющихся данных о «Прекращении деятельности кредитных организаций»⁶ за последние 5 лет (2015 г. – октябрь 2018 г.) в РФ закрылось 475 кредитных организаций. Пик отзыва лицензий у кредитных организаций наблюдался в 2016 г. Именно в этом году зафиксировано наибольшее количество прекративших существование кредитных организаций – 112.

¹ О кредитных историях. ФЗ от 30.12.2004 № 218-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 03.01.2005. № 1 (ч. 1). Ст. 44.

² Кривошапко Ю. Заемщикам раздадут баллы // Российская газета. 30.01.2019. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/01/30/rossiianam-budut-prisvaivat-personalnye-kreditnye-rejtingi.html> (дата обращения: 27.09.2018).

³ Решетникова Н. До одного процента // Российская газета. 31.01.2019. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/01/31/reg-sibfo/kak-izmenitsia-spros-na-mikrozajmy-v-sibiri.html> (дата обращения: 27.09.2018).

⁴ ЦБ отозвал лицензии у банков // Российская Газета. 19.10.2018. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/10/19/reg-cfo/cb-otozval-licenzii-u-dvuh-bankov.html> (дата обращения: 27.09.2018).

⁵ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁶ Прекратившие существование кредитные организации // Банки.ру. Режим доступа: <http://www.banki.ru/banks/memory/> (дата обращения: 27.09.2018).

В 2017 г. по сравнению с 2016 г. количество прекративших существование кредитных организаций сократилось вдвое, что, безусловно, является положительной тенденцией, т. к. банки стали более серьезно подходить к осуществляемой деятельности. Причинами развития этой тенденции являются создание действенных механизмов государственного регулирования этой деятельности и повышение уровня как экономической ответственности самих заемщиков, так и формирование культуры кредитных отношений.

Также можно заметить, что в период с января по октябрь 2018 г. уже было закрыто 60 кредитных организаций, и это не предел. Основываясь на данных, представленных на сайте Банки.ру и учитывая, что в среднем ежемесячно закрывается примерно 5 кредитных организаций, можно сделать прогноз о том, что, предположительно, за 2018 г. было закрыто около 70 организаций⁷.

Проведенный анализ оснований отзыва лицензий на осуществление банковских операций в период с ноября 2015 г. по ноябрь 2018 г. позволил выделить следующее:

1) неисполнение кредитными организациями требований федерального законодательства, регулирующего банковскую деятельность (например, ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»);

2) снижение размера собственных средств (капитала) ниже минимального значения уставного капитала, установленного на дату государственной регистрации кредитных организаций;

3) использование крайне рискованной бизнес-модели, результатом которой становится образование на балансе значительного объема задолженности компаний, обладающих признаками отсутствия реальной хозяйственной деятельности;

4) в структуре баланса кредитных организаций более половины пассивов приходится на привлеченные денежные средства населения, которые кредитные организации размещают в низкокачественные активы (порядка 70 % кредитного портфеля сформированы сомнительной и безнадёжной ссудной задолженностью)⁸.

Тяжбы о подобных правонарушениях вызывают сложность в судебной практике, потому что нормы о банках и банковской деятельности содержатся в различных федеральных законах, что вызывает значимые противоречия при определении должной меры ответственности. Так, меры административного принуждения кредитных организаций за нарушение банковского законодательства предусмотрены ФЗ от 10.02.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»,

ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», ФЗ от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма», а также различными подзаконными актами, в частности инструкциями Банка России [6, с. 97].

Положения ст. 15.26 КоАП РФ, прежде всего, содержат санкции за нарушения требований к организации банковской деятельности. При этом положения п. 3 ст. 15.26 КоАП РФ свидетельствуют о возможности регулирования и моральной компенсации причинения вреда интересам кредиторов и вкладчиков (в п. 2 ст. 15.26 КоАП РФ преимущественно идет речь о степени общественной опасности)⁹.

Примеров неправомерной деятельности в банковской сфере немало, как и число организаций, совершавших административные нарушения и экономические преступления.

От неправомерного поведения данных организаций зависят многие факторы, имеющие национальный масштаб:

- 1) устойчивость валютной системы государства;
- 2) соблюдение финансово-кредитной дисциплины;
- 3) надежность вкладов физических и юридических лиц [7];
- 4) культура финансового потребления.

Банк России при осуществлении контроля над деятельностью кредитных организаций очень часто сталкивается с правонарушениями норм и требований банковской деятельности, которые в 90 % случаев влекут за собой причинение ущерба интересам кредиторов и вкладчиков. В связи с этим существенно расширилась судебная практика, например, в судах различных инстанций в 2015 г. было рассмотрено 200 тыс. дел об административных правонарушениях в области банковской сферы, а в 2016 г. – уже 240 тыс. таких же дел. Стоит отметить, что, к сожалению, данная цифра с каждым годом неуклонно увеличивается. И последствия данного роста – тысячи обманутых вкладчиков, которым впоследствии не возмещаются в полном размере причиненные убытки [7].

Совсем недавними примерами административной ответственности в банковской сфере стали привлечения Центральным банком РФ к административной ответственности руководителей сразу трех московских банков (должностных лиц, выступающих единоличным исполнительным органом) – «Инбанка», «Профессионал Банка» и банка «ЦентроКредит»¹⁰ – за неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма.

⁷ Там же.

⁸ Инсайдерская информация Банка России // Центральный банк Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.cbr.ru/analytics/insideinfo/> (дата обращения: 17.11.2018).

⁹ Кодекс Российской Федерации...

¹⁰ Банк России привлёк к административной ответственности главу НКО «Финчер» // Банки.ру. Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=9586524> (дата обращения: 17.09.2018).

Количество административных правонарушений и судебных исков в банковской сфере свидетельствует о крайне низком уровне правосознания субъектов кредитных организаций (в т. ч. должностных лиц кредитных организаций). Несмотря на широкое правоприменение норм административного законодательства и регулирования данной сферы нормативными актами иных отраслей права, до сих пор сохраняется тенденция нанесения вреда национальной экономике. Речь идет о переплетении правовых и культурных норм, создающих предпосылки для формирования поведенческих стереотипов участников кредитных отношений. Правовые инструменты, регулирующие деловую и социальную активность участников данного рынка, определяют не только уровень владения профессиональными компетенциями и правосознания кредитных организаций, но и уровень правовой культуры и культуры потребления заемщиков в сфере кредитования. В связи с этим, с нашей точки зрения, следует различать следующие виды активности в банковской сфере: деловую активность кредитных организаций, а также социальную активность кредитных организаций и заемщиков.

Социальная активность заемщиков предопределяет направленно-волевую адаптацию лиц к социальным условиям и социокультурной среде. В свою очередь, социальная адаптация требует сформированности представления о культурных компетенциях, т. е. определенных состояниях индивидов в зависимости от преобладающих в обществе иерархий ценностей [8, с. 112]. Принимая во внимание уровень закрепованности населения и его финансовой недееспособности, на сегодняшний день в обществе преобладает модель поведения, характеризующая процесс удовлетворения потребностей и интересов за счет средств кредитных организаций. Причем значительный объем заемных средств (преимущественно предоставленных микрофинансовыми организациями) направлен на удовлетворение физиологических потребностей и потребностей в безопасности (в стабильности, защите, законности, правомерном образе жизни, необходимых, индуцированных ограничениях и т. д.). «Данный уровень потребностей формирует поведенческие установки, ориентирующие индивида в системе нормативно-поведенческих характеристик, и прогнозирует его образ жизни. Существенное воздействие на актуализацию данного вида потребностей оказывают процесс воспитания и характерная для индивидуума социокультурная среда» [9, с. 71]. То есть социальная активность заемщика – волевое действие лица, направленное на привлечение денежных средств в целях удовлетворения ряда потребностей, отвечающих требованиям социальной реальности.

Деловая активность кредитных организаций характеризуется не только деятельностью, направленной на кредитование заемщиков, но и деятельностью по совершению банковских операций и иных действий, предусмотренных отраслевым

законодательством. Деловая активность кредитной организации соотносится с требованиями экономического поведения. «Экономическое поведение в рамках российской ментальности является отражением социального поведения и обладает такими признаками, как достижение социально-экономических целей, рациональность экономической деятельности, удовлетворение экономических интересов» [2, с. 38]. Деятельностный и культурологический подходы к анализу деловой активности кредитных учреждений в данном случае обращают внимание на ценностное содержание самой деятельности. Это касается, прежде всего, культуры предоставления денежных займов, т. е. степень внимательности к кредитной истории и кредитному рейтингу заемщика, а также к оценке его платежеспособности. Однако, деловая активность наравне с рациональностью, характерной для экономического поведения, обращает внимание на культуру предоставления займов. Реализация социальной активности кредитных организаций обеспечивается главным образом соблюдением стандартов, предусмотренных законодательством относительно предоставления денежных займов в зависимости от экономического имиджа заемщика. Кредитные организации должны внимательно подходить к изучению кредитного рейтинга заемщика, что предопределяет уровень социальной активности заемщика в сфере кредитования.

Заключение

Случаи привлечения к административной ответственности банковских организаций ежегодно растут высокими темпами. На наш взгляд, данная проблема достаточно актуальна и должна незамедлительно решаться путем ужесточения мер ответственности руководителей банковских организаций вплоть до уголовной ответственности. Кроме того, необходимо привлечение органов местного самоуправления, поскольку такие проблемы должны выноситься на общественные обсуждения. И самое главное, необходимо повышать финансовую грамотность и культуру финансового потребления населения, особенно людей пенсионного возраста, поскольку зачастую именно они оказываются жертвами ненадежных вложений в сомнительные финансовые организации.

Противоправная деятельность кредитных и банковских организаций в конечном счете наносит экономический ущерб, формирует негативное отношение к банковским организациям в повседневной социокультурной практике. Тем самым формируются негативные поведенческие стереотипы, связанные с причинением ущерба субъектам различного уровня. Речь идет как об институциональных субъектах (РФ, субъекты РФ, муниципальные образования), так и об индивидуальных (кредитные и банковские организации, кредиторы и вкладчики).

Литература

1. Козлова В. И. К вопросу о применении термина «свобода» в модели экономического человека в современной экономической науке // Финансовая экономика. 2018. № 3. С. 43–45.
2. Золотухин В. М. Социально-философский и культурологические аспекты экономического поведения в российской ментальности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 43. С. 36–41.
3. Zolotukhin V., Zolotukhina N., Yazevich M., Rodionov A., Kozyreva M. Ideological Paradigms and Their Impact on Environmental Problems Solutions in Coal Mining Regions // E3S Web Conf. IInd International Innovative Mining Symposium (Devoted to Russian Federation Year of Environment). 2017. Vol. 21. DOI: 10.1051/e3sconf/20172104008
4. Николова А. А. Регулирование кредитных рисков банка // Финансовая экономика. 2018. № 3. С. 56–57.
5. Бельков А. В., Козырева М. В., Тарасенко А. А. Влияние аксиосферы культуры и правоприменения на формирование эколого-экономического мышления в промышленно развитых регионах // Экологические проблемы промышленно развитых и ресурсодобывающих регионов: пути решения: сб. тр. II Всерос. молодежной науч.-практ. конф., 21–22 декабря 2017 г. Кемерово, 2017. С. 202-1–202-6.
6. Степанова В. В. Административная ответственность за нарушения законодательства о банках и банковской деятельности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 97–100.
7. Астафьев В. Б. Административная ответственность за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 216 с.
8. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000. 496 с.
9. Золотухин В. М., Козырева М. В. Социокультурные основания реализации и регламентации потребностей в контексте исследования качества жизни // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 37-1. С. 68–75.

Sociocultural and Legal Aspects of Social Activity of Subjects in the Banking Sector

Marina V. Kozyreva^{a, @}; Alexander E. Krioni^a; Nikolay V. Morozov^a

^a T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 28, Vesenniyaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ mv_kozyreva@mail.ru

Received 20.02.2019. Accepted 29.03.2019.

Abstract: The paper features some sociocultural and legal aspects of social activity executed by various subjects of the credit relations in the Russian Federation. The focus is made on the banking sector. The authors use culturological and activity approaches to legal and illegal actions of credit institutions and demonstrate some specific traits of administrative offenses in this sector. The paper also describes the culture of credit loans, in particular, that of microfinance institutions. The authors believe that this kind of activity is aimed at gaining and can be characterized as immoral. They studied behavioral stereotypes of borrowers and credit institutions to classify the social activities of the credit relations subjects. A high level of social activity of borrowers is directed to satisfaction of physiological requirements and security needs. The social activity of credit institutions is mostly limited by its respect for legal standards and improving the level of culture of loan granting. Hence, if the social activity of credit relations subjects that meets cultural and legal standards, it contributes to the development of national economy.

Keywords: credit relations, borrower, economic behavior, responsibility, culture of economic consumption, activity

For citation: Kozyreva M. V., Krioni A. E., Morozov N. V. Sociocultural and Legal Aspects of Social Activity of Subjects in the Banking Sector. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 159–164. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-159-164>

References

1. Kozlova V. I. To a question of application of the term "freedom" in model of the economic person in modern economic science. *Financial Economy*, 2018, (3): 43–45. (In Russ.)
2. Zolotukhin V. M. Socio-philosophical and culturological aspects of economic behaviour in the Russian mentality. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2018, (43): 36–41. (In Russ.)
3. Zolotukhin V., Zolotukhina N., Yazevich M., Rodionov A., Kozyreva M. Ideological Paradigms and Their Impact on Environmental Problems Solutions in Coal Mining Regions. *E3S Web Conf. IInd International Innovative Mining Symposium (Devoted to Russian Federation Year of Environment)*, 2017, vol. 21. DOI: 10.1051/e3sconf/20172104008

4. Nikolova A. A. Management of credit risks of bank. *Financial Economy*, 2018, (3): 56–57. (In Russ.)
5. Bel'kov A. V., Kozyreva M. V., Tarasenko A. A. Influence axiosphere of culture and law enforcement on formation of ecological-economic thinking in industrially developed regions. *Environmental problems of industrially developed and resource-extraction regions: solutions*: Proc. II All-Russian youth Sci.-Prac. Conf., December 21–22, 2017. Kemerovo, 2017, 202-1–202-6. (In Russ.)
6. Stepanova V. V. Administrative responsibility for violation of legislation on banks and banking activities. *Vektor nauki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iuridicheskie nauki*, 2014, (4): 97–100. (In Russ.)
7. Astafiev V. B. *Administrative responsibility for violations of the law about banks and bank activity*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2009, 216. (In Russ.)
8. Flier A. Ia. *Science of culture for a cultural scientist*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000, 496. (In Russ.)
9. Zolotukhin V. M., Kozyreva M. V. Sociocultural bases of realization and regulation of needs for the context of research of sociocultural aspect of life quality. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2016, (37-1): 68–75. (In Russ.)

Профессиональное представительство в гражданском процессе в свете судебной реформы

Юлия Ф. Дружинина^а; Егор С. Трезубов^{б, @, ID}

^а Арбитражный суд Кемеровской области, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 8

^б Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ egortrezubov@mail.ru

ID <https://publons.com/researcher/N-9078-2017>

Поступила в редакцию 12.04.2019. Принята к печати 16.05.2019.

Аннотация: Статья посвящена проблеме вводимого в Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный РФ образовательного ценза представителей. Отмечается, что действующее законодательство, регулирующее отношения в сфере высшего образования, допускает широкое толкование понятия лица, имеющего высшее образование. В связи с этим не каждое лицо, которое может считаться имеющим высшее юридическое образование, будет способно обеспечить качественное представление интересов доверителя в суде, а значит, проблематичным становится и решение поставленной авторами законопроекта задачи – обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь, и повышение качества такой помощи. Авторы настоящей статьи критически оценивают исключение из окончательного текста закона процессуальной фигуры поверенного, а также невозможность совместного представления интересов доверителя несколькими лицами, в том числе и не имеющими высшего юридического образования, при условии наличия необходимого образования хотя бы у одного из них. Отмечаются отдельные процессуальные проблемы, связанные с неоднообразным установлением на нормативном уровне требований к образованию представителя в зависимости от инстанции, в которой рассматривается дело. В наибольшей степени данные проблемы обнаруживаются при реализации другого введенного Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ института – передачи дела по подведомственности.

Ключевые слова: процессуальная революция, образовательный ценз представителя, высшее юридическое образование, судебное представительство, доступность правосудия, профессиональный процесс

Для цитирования: Дружинина Ю. Ф., Трезубов Е. С. Профессиональное представительство в гражданском процессе в свете судебной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 165–172. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-165-172>

Введение

Идея введения института профессионального представительства не является новой. Можно вспомнить и первоначальную редакцию ч. 5 ст. 59 действующего Арбитражного процессуального кодекса РФ, закреплявшую возможность быть представителем организации в арбитражном суде исключительно сотрудникам и руководителям этого юридического лица, а также адвокатам, и позицию Конституционного Суда РФ о признании данной нормы противоречащей Основному закону страны¹. Затем идея профессионального представительства получила свое отражение в Кодексе административного судопроизводства, согласно ст. 55 которого представителями в суде могут быть адвокаты и иные дееспособные лица, имеющие высшее юридическое образование. Такое требование, как разъяснено

в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 36 от 27.09.2016², не распространяется на представительство корпоративное или в силу закона касается лишь представителя, действующего на основании доверенности или ходатайства доверителя. КАС РФ в действующей редакции не допускает участия представителей, хотя и состоящих в трудовых или служебных отношениях с лицом, участвующим в деле, но не имеющих высшего юридического образования.

В сентябре 2017 г. рядом депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ был предложен законопроект о внесении изменений в ГПК РФ и АПК РФ, предполагающий вслед за КАС РФ введение в гражданском процессе обязательного квалификационного требования к представителю в виде наличия высшего юридического

¹ По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 59 АПК РФ в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 15-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6.

² О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11.

образования, полученного в вузе, имеющем государственную аккредитацию³. Затем ВС РФ 07.02.2018 (на основании Постановления Пленума № 30 от 03.10.2017) был внесен законопроект № 383208-7, предполагающий более детальную регламентацию изменений, нежели депутатская инициатива. Одновременно в стране существует и модернизируется разработанная Минюстом России «Концепция развития рынка профессиональной юридической помощи»⁴ и государственная программа «Юстиция»⁵, конечным результатом реализации которых предполагается установление в основной массе случаев так называемой адвокатской монополии на договорное представительство.

Теме профессионального представительства в ключе того или иного статуса представителя в последние годы в прессе уделено достаточно внимания [1–5], и высказываемые мнения далеки от единообразия. Возможно, и Министерство юстиции само не до конца уверено в перспективах внедрения адвокатской монополии, поэтому Концепция предусматривает переходный период для оценки перспектив реализации идеи, сохранение служебного представительства, а также возможность представления интересов доверителей лицами, не являющимися юристами, по отдельным категориям дел.

Отмечая концептуальное несогласие с идеей профессиональной монополии в представительстве в цивилистическом процессе и не уходя в сторону обсуждения Концепции Минюста России и программы Правительства РФ, постараемся сформулировать свое отношение к вводимому Федеральным законом № 451-ФЗ образовательному цензу для представителей в гражданском и арбитражном процессе.

Дифференциация требований к уровню образования представителей в гражданском процессе

Правила ст. 49 ГПК РФ и 59 АПК РФ в редакции ФЗ № 451-ФЗ закрепляют общие требования о наличии статуса адвоката или высшего юридического образования, или ученой степени по юридической специальности для всех представителей. Данное требование не распространяется на производство по гражданским делам у мировых судей и в районных (городских) судах, а также на патентных поверенных по спорам, связанным с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, арбитражных управляющих при исполнении возложенных на них обязанностей в деле о банкротстве, профессиональные союзы, их организации, объединения, представляющие в суде интересы лиц, являющихся членами

профессиональных союзов, по спорам, связанным с нарушением или оспариванием прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, а также на иных лиц, указанных в федеральном законе. Также образовательный ценз не будет применяться к статусу законного представителя или исполнительного органа юридического лица.

Представляется, что законодатель преследовал цель улучшения качества оказания правовой помощи при рассмотрении гражданских и административных дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Между тем при применении образовательного ценза не все так очевидно.

Во-первых, отступление от общих требований об уровне образования представителя при производстве по рассмотрению гражданских дел у мировых судей и в районных судах, вероятнее всего, продиктовано сохранением гарантий доступности правосудия. Мировые судьи и районные (городские) суды рассматривают абсолютное большинство всех гражданских и административных дел, относящихся к компетенции судов общей юрисдикции (за первую половину 2018 г. в суды общей юрисдикции поступило всего 9846106 гражданских и административных дел, из них к мировым судьям – 8110108, а в районные суды – 1704443, т. е. на суды субъектов федерации, военные суды и ВС РФ пришлось 0,32 % всех дел)⁶, а значит, никакого качественного прорыва при рассмотрении дел судами общей юрисдикции случиться не может.

Формулировки нормы ст. 49 ГПК РФ в редакции ФЗ № 451-ФЗ таковы, что неясно, распространяется ли отсутствие требований об образовании на дела, подсудные мировым судьям и районным судам в принципе, может ли представитель без необходимого образования участвовать при производстве в суде апелляционной, кассационной, надзорной инстанции по этому делу, или на проверочных стадиях лицо, участвующее в деле, должно будет привлечь уже представителя, отвечающего соответствующим требованиям. Исходя из буквального содержания приведенной нормы, речь идет о делах, рассматриваемых мировыми судьями и районными (городскими) судами. Таким образом, при пересмотре судебных актов в судах вышестоящих инстанций стороне придется сменить представителя, если он не имел должного образования, или отказаться от услуг представителя. Такой эффект (отсутствия цензов в низших судах и введения ограничений на проверочных стадиях) уже продолжительное время существует в Великобритании,

³ Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.09.2017). Проект ФЗ 273154-7 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи (по состоянию на 24.10.2017) (подготовлен Минюстом России). Проект Распоряжения Правительства РФ. Режим доступа: https://minjust.ru/sites/default/files/proekt_koncepcii.docx (дата обращения: 21.02.2019).

⁵ Об утверждении государственной программы РФ «Юстиция». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2158.

⁶ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2018 года. Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Oper_otchetnost_1-2018_g.xls (дата обращения: 21.02.2019).

Франции, Германии, ряде иных стран, но назвать такое решение безупречным невозможно. Кроме того, если посмотреть внимательно на эволюцию правил адвокатской монополии в названных государствах, то для них совершенно естественным является профессиональное представительство по гражданским делам, правосудие в разы дороже, а средний срок рассмотрения дела значительно больше отечественного. Несмотря на существенно более высокий уровень жизни населения, страны Старого Света отступают от правил адвокатской монополии в пользу общей доступности судебной защиты для населения, закрепляют параллельно правила социального процесса, в котором роль суда в установлении фактических обстоятельств по делу усиливается.

В России в отсутствие устойчивой традиции профессионального представительства и в сочетании с огромным количеством судебных споров и общей неразвитостью альтернативных способов их урегулирования введение любых дополнительных требований к статусу представителя неизбежно плачевным образом скажется на доступности правосудия.

Конечно, не стоит забывать, что основная масса (около трех четвертых) из приведенного выше числа гражданских и административных дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, – это дела приказного производства, где в условиях отсутствия судебного разбирательства не столь выражена безусловная необходимость участия представителя, а обжалование судебного приказа в ординарном порядке пока не осуществляется. Кроме того, статистика показывает, что процент обжалования судебных актов в апелляционном порядке для судов общей юрисдикции не столь высок – 90300 постановлений, вынесенных мировыми судьями, и 370387 актов по делам, рассмотренных федеральными судами (из них 365758 актов районных (городских) судов), были предметом апелляционного пересмотра в первом полугодии 2018 г.⁷

Дифференцированные требования к образованию представителя могут быть обусловлены степенью интенсивности проверки обжалуемых актов, поскольку при производстве в апелляционном, кассационном и тем более надзорном порядке лицам, участвующим в деле, требуется обосновывать в первую очередь незаконность судебного акта нижестоящего суда. Апеллировать к праву, а не факту, очевидно, должен представитель, его знающий. Однако такое обоснование видится в недостаточной степени убедительным.

Несмотря на то, что в целом по стране в инстанционном порядке обжалуется не более 20 % итоговых судебных актов

судов общей юрисдикции, вынесенных при рассмотрении дела в порядке искового или особого производства, недопустимо ограничивать права лиц, участвующих в деле, на выбор представителя в зависимости от той стадии процесса, на которой они желают реализовать право на судебную защиту. Кроме того, инстанционные ограничения выглядят непоследовательно, если взять в расчет правила КАС РФ, не ставящие образовательный ценз представителя в зависимость от уровня суда, рассматривающего дело.

Полагаем, что требования о наличии у представителя высшего юридического образования (или иные квалификационные требования) должны быть распространены на все инстанции и виды производства в гражданском процессе, что позволит обеспечить равенство участников процесса, или не должны устанавливаться вовсе. Возможен и третий вариант – установить соответствие образовательного ценза представителя правилам родовой подсудности, т. е. применять ограничения не при рассмотрении дела судом конкретного уровня, а при производстве по делу, относящемуся по правилам родовой подсудности к компетенции областного или приравненного к нему суда, военного суда (гарнизонного или окружного (флотского) суда), ВС РФ. Теоретически такое ранжирование можно даже обосновать в ключе конституционно-правового смысла ст. 55 и ч. 5 ст. 208 КАС РФ, выявленного в Определении КС РФ от 27.09.2016 № 1782-О⁸ – с учетом особой сложности и значимости соответствующих категорий дел. Но все же такое обоснование применительно к процедурам рассмотрения частно-правовых споров больше будет походить на подведение теоретической базы под желаемый результат.

Помимо указанного, очевидная проблема лежит в определении статуса лица, имеющего высшее юридическое образование, и лица, имеющего ученую степень по юридической специальности.

Проблема определения статуса лица, имеющего высшее юридическое образование

Согласно ч. 5 ст. 10 ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁹ в России устанавливаются три уровня высшего образования: 1) бакалавриат, 2) специалитет, магистратура, 3) подготовка кадров высшей квалификации (аспирантура).

Приказом Минобрнауки России от 12.09.2013 № 1061¹⁰ утвержден перечень специальностей и направлений подготовки по всем уровням высшего образования. В укрупненную группу специальностей и направлений подготовки входят следующие направления: 40.03.01 Юриспруденция

⁷ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции...

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы уполномоченного по правам человека в РФ на нарушение конституционных прав гражданина Гурмана Юрия Альбертовича ч. 1 ст. 55 и ч. 9 ст. 208 КАС РФ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 1782-О // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Об образовании в РФ. ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

¹⁰ Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования. Приказ Минобрнауки России от 12.09.2013 № 1061 // Российская газета. 2013. № 247.

(уровень бакалавриата, квалификация – юрист), 40.04.01 Юриспруденция (уровень магистратуры, квалификация – юрист), 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета, квалификация – юрист), 40.05.02 Правоохранительная деятельность (уровень специалитета, квалификация – юрист), 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета, квалификация – судебный эксперт), 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность (уровень специалитета, квалификация – юрист), 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации, квалификация – исследователь, преподаватель-исследователь).

Как показывает практика применения ст. 4 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»¹¹, вопрос о том, что же такое высшее юридическое образование, не является столь уж очевидным¹². В частности, непонятно, будет ли свидетельствовать о получении высшего юридического образования окончание специалитета по направлению подготовки Судебная экспертиза, если такому выпускнику присваивается квалификация Судебный эксперт? Должен ли суд допустить выпускника аспирантуры по направлению Юриспруденция, если в дипломе у него будет указана квалификация Исследователь, преподаватель-исследователь? Формально запретов быть не может, и все лица, входящие в образовательную группу специалитета по направлению Юриспруденция, должны признаваться лицами, имеющими высшее юридическое образование [6].

Еще больше вопросов могут вызвать ситуации получения образования за рубежом. Общие правила признания образования или квалификации, полученных в иностранном государстве, определены в ст. 107 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и предполагают автоматическое признание в случае наличия международных соглашений или включения образовательной организации, в которой претендентом получено образование, в перечень Минобрнауки¹³ либо рассмотрение заявления о признании образования территориальными органами Росособнадзора. Однако вопрос о квалификации признанного иностранного высшего образования как полученного по юридическим специальностям является открытым. Ни международные соглашения, ни ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ни иные нормативные акты не разрешают вопрос о квалификации иностранного высшего образования как юридического. Законопроект № 273154-7, внесенный в Государственную Думу РФ 27.09.2017, но не рассмотренный в качестве

отдельной законодательной инициативы, предполагал общественную аккредитацию, осуществленную общественной организацией, определяемой Правительством РФ [7]. Данный проект помимо требований о юридическом образовании иностранного представителя содержал правило о сдаче им квалификационного экзамена для представительства в российских судах, в чем виделся способ преодоления обозначенного пробела.

Очевидно, что в абсолютном большинстве случаев наличие высшего юридического образования, полученного за рубежом, едва ли позволит такому специалисту разобраться в тонкостях любого национального права, ведь юридическое образование заканчивается там, где заканчивается действие соответствующей юрисдикции. В этой связи само по себе признание иностранного диплома о высшем юридическом образовании с точки зрения задач, для решения которых вводится требование о его наличии, ничего не дает. Здесь целесообразно решение, закрепленное в ст. 2 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹⁴, позволяющее иностранным адвокатам практиковать на территории РФ, но лишь по вопросам иностранного права, что, по-видимому, должно исключать таких лиц из числа имеющих право быть представителями в суде.

Наличие многоуровневого высшего образования также имеет специфические последствия. В настоящее время обучаться в магистратуре по направлению Юриспруденция может лицо, имеющее высшее, в том числе неюридическое образование (к освоению программ магистратуры допускаются лица, имеющие высшее образование любого направления).

Поскольку уровень подготовки в данном случае подразумевает формирование профессиональных компетенций применительно к направленности (профилю) конкретной программы подготовки, разработанной конкретным образовательным учреждением, такая программа может вообще не формировать никаких навыков судебного представительства (что для уровня подготовки магистратуры вполне возможно и допустимо), то и в этом случае достижение поставленных целей становится сомнительным.

Еще более острой проблема становится на уровне подготовки кадров высшей квалификации. Применительно к действующим федеральным государственным образовательным стандартам необходимо обратить внимание, что для поступления и, соответственно, окончания аспирантуры по направлению 40.06.01 Юриспруденция¹⁵ (по окончании

¹¹ О статусе судей в РФ. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

¹² См. например: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.02.2018 № 57-АПГ17-8 // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Об утверждении перечня иностранных образовательных организаций, которые выдают документы об образовании и (или) о квалификации, признаваемых в РФ. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2015 № 2777-р // СЗ РФ. 2016. № 2 (ч. II). Ст. 459.

¹⁴ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ. ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.

¹⁵ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации) (Зарегистрировано в Минюсте России 25.12.2014 № 35395). Приказ Минобрнауки России от 05.12.2014 № 1538 (ред. от 30.04.2015) // Российская газета. 2015. № 21.

которой присваивается квалификации *Исследователь, преподаватель-исследователь*), требование о наличии высшего юридического образования уровня магистратуры, специалитета или даже бакалавриата отсутствует.

В условиях малого количества состоявшихся защит диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук (по всем специальностям с защитой диссертации аспирантуру в 2018 г. окончило 18,74 %¹⁶, а по юридическим специальностям эффективность традиционно ниже [8, с. 37]), а также учитывая специфику образовательного стандарта аспирантуры, который не предполагает формирование общеправовых компетенций и тем более практических навыков, говорить о том, что лицо, окончившее аспирантуру, при этом так и не защитив (а чаще вовсе не написав) свою диссертацию, может считаться профессиональным юристом, нельзя. При обучении в аспирантуре образовательные организации действительно обеспечивают проведение занятий по юридическим дисциплинам, но все эти курсы направлены на формирование навыков исследователя по узким вопросам и дисциплинам, включенным в номенклатуру научных специальностей. Таким образом, разницы между лицом, окончившим аспирантуру в отсутствие базового юридического образования, и просто лицом, не имеющим юридического образования, фактически нет. А значит, диплом о высшем юридическом образовании уровня подготовки кадров высшей квалификации в аспекте качественной правовой помощи не гарантирует ровным счетом ничего.

Что касается диплома кандидата или доктора юридических наук, то и здесь не все очевидно. Длительное время, до принятия действующего Положения о порядке присуждения ученых степеней 2013 г.¹⁷ допускалась защита диссертации по юридическим специальностям вне зависимости от наличия высшего юридического образования, и в профессиональной научной среде известны случаи таких защит. На текущий момент после принятия решения ВС РФ от 21.04.2014 № АКПИ14-115¹⁸ данная практика также восстановлена. В определении от 28.08.2014¹⁹ Апелляционная коллегия ВС РФ особо обратила внимание, что обязательное совпадение направления полученного соискателем высшего образования и отрасли, по которой им проводятся научные исследования, закон не оговаривает. В этой связи на текущий момент ни в п. 3, ни в п. 4 Положения о порядке присуждения ученых степеней нет указания на связанность направления подготовки в специалитете или магистратуре и научной специальности, по которой соискателем защищается диссертация.

Естественно, кандидатов, а уж тем более докторов юридических наук, не имеющих высшего юридического

образования, очень мало, и едва ли уместно говорить об их недостаточной квалификации, но и в данном случае формирование профессионального навыка именно представления интересов доверителя в суде крайне маловероятно и будет скорее исключением (и такие случаи известны), но никак не правилом.

Отдельные процессуальные проблемы введения образовательного ценза

Вне зависимости от обозначенных проблем, к сожалению, и наличие высшего юридического образования зачастую не гарантирует качества оказываемой юридической помощи. Даже если абстрагироваться от рассуждений о качестве образовательного процесса, нужно понимать, что по многим категориям дел, рассматриваемых как в порядке административного судопроизводства судами общей юрисдикции, так и дел, относимых к компетенции арбитражных судов, чрезвычайно важно как минимум наряду с представителем-юристом выслушать объяснения аудитора, технического специалиста, инженера и т. д.

Со вступлением в силу ФЗ № 451-ФЗ статус этих лиц становится проблемным. Законопроект, внесенный Пленумом ВС РФ в Постановлении № 30 от 03.10.2017, предполагал введение процессуальной фигуры поверенного, на которого не распространялись бы требования о наличии высшего юридического образования, что, вероятно, позволило бы решить обозначенный вопрос.

Сейчас суд не вправе допрашивать таких лиц как свидетелей, поскольку речь не идет о получении доказательств из первоисточника. Крайне сомнительна возможность присвоения данным лицам статуса специалиста, ведь они чаще всего будут находиться в служебной зависимости от лица, участвующего в деле. А с момента вступления в силу ФЗ № 451-ФЗ нельзя будет заслушать объяснения таких лиц и как представителей.

Для целого ряда категорий дел такая ситуация неразумна, ведь в споре, связанном с нарушением требований норм промышленной безопасности зачастую целесообразно заслушать лицо, проводившее проверку, а в споре, связанном с качеством оказания медицинских услуг – врача. С введением образовательного ценза для представителей следовало закрепить по меньшей мере правило о допустимости участия наряду с представителем, имеющим высшее юридическое образование, иных лиц, что позволило бы заслушать компетентное в вопросах фактических обстоятельств дела лицо, связанное служебным или иным положением с лицом, участвующим в деле.

¹⁶ Основные показатели деятельности аспирантуры и докторантуры. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/asp-1.xls (дата обращения: 07.04.2019).

¹⁷ О порядке присуждения ученых степеней. Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 // СЗ РФ. 07.10.2013. № 40 (ч. III). Ст. 5074.

¹⁸ Решение Верховного Суда РФ от 21.04.2014 № АКПИ14-115 // Официальные документы в образовании. 2014. № 30.

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 28.08.2014 № АПЛ14-337 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 6.

Интересно также, что изменения не вносятся в ст. 25.5 КоАП РФ. Защитником или представителем по делам об административных правонарушениях, рассматриваемых должностными лицами, органами исполнительной власти и местного самоуправления, судами общей юрисдикции, все так же может быть адвокат или иное лицо. Причина этого на фоне общего реформирования института представительства остается неясной. Кроме того, поскольку при рассмотрении дел об административных правонарушениях арбитражные суды руководствуются не КоАП РФ, а АПК РФ, то при рассмотрении такого дела в суде общей юрисдикции наличие юридического образования требовать по-прежнему не будет, а вот для рассмотрения таких дел арбитражным судом будет работать общее правило.

Представляется, что арбитражный процесс в принципе не нуждается в законодательных ограничениях статуса представителя, поскольку арбитражные суды рассматривают в большинстве своем споры, возникающие из предпринимательской и иной экономической деятельности, а участниками этих споров чаще являются коммерсанты, т. е. лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность. Данные лица априори отличаются от субъектов гражданского процесса уровнем своей профессиональной квалификации и вовлечением в деятельность, в основе которой лежит категория предпринимательского риска. Поэтому в арбитражном процессе необходимо учитывать, что лица, участвующие в деле, в большей степени понимают возможные последствия привлечения неквалифицированного представителя. Диплом о высшем юридическом образовании, очевидно, не первое, на что будет обращать внимание предприниматель при выборе представителя.

Кроме того, нельзя не согласиться с мнением В. В. Яркова, что переизбыток (или по меньшей мере достаток) юристов – удел крупных городов. В сельской местности и небольших отдаленных населенных пунктах найти квалифицированного юриста сложно, что также будет препятствовать доступу к правосудию [9] и породит самозащиту прав граждан в судах или существенно увеличит расходы на рассмотрение дела в связи с привлечением юриста из районного или областного центра.

Введение образовательного ценза также предполагает, что с даты вступления в силу изменений, внесенных ФЗ № 451-ФЗ, суды должны будут убеждаться в соответствии представителя данным требованиям. Фактически диплом о высшем юридическом образовании будет одним из обязательных документов, подтверждающих статус представителя наряду с ходатайством доверителя или доверенностью (указанное не распространяется на адвокатов, исполнительные органы и законных представителей).

В настоящее время порядок проверки достоверности диплома о высшем образовании отсутствует, на суд, рассматривающий дело, не возложена обязанность проверки действительности соответствующего документа, в том числе и при помощи открытых ресурсов Рособрнадзора²⁰.

В связи с этим возникает вопрос о правовых последствиях установления судом вышестоящей инстанции факта отсутствия у представителя лица, участвующего в деле, необходимого юридического образования. Очевидно, что данное обстоятельство будет свидетельствовать о допущении при рассмотрении дела нарушений процессуального закона, но едва ли его стоит признавать существенным настолько, что сам по себе факт допуска представителя (при условии надлежащим образом выраженной воли доверителя) привел к принятию неправильного решения. Излишне формальный подход в решении данного вопроса будет нарушать стандарты *res judicata* и по своей сути был бы неправильным.

В связи с изменяющимися требованиями к представителям возникает и ряд сопутствующих процессуальных вопросов. В соответствии с новой редакцией нормы ст. 129 АПК РФ арбитражный суд обязан будет возвращать поступившее исковое заявление, если оно не подписано или подписано и подано в суд лицом, не имеющим полномочий на его подписание и (или) подачу в суд. Содержание ч. 6 ст. 129 АПК РФ при этом механическим образом воспроизводит положения ст. 135 ГПК РФ и ст. 129 КАС РФ. Однако не учтено, что в ст. 62 АПК РФ, устанавливающей объем общих и специальных полномочий, в отличие от ст. 64 ГПК РФ, отдельно не выделено право на предъявление иска в суд, в доверенности должно быть только специально предусмотрено право на подписание иска. Поэтому при буквальном применении ст. 129 АПК РФ в редакции ФЗ № 451-ФЗ курьер, который передает исковое заявление в канцелярию арбитражного суда, непременно должен иметь высшее юридическое образование, но само заявление может быть подписано совершенно иным лицом, чьи полномочия подтверждаются приложенными к иску документами. Впрочем, эта же проблема выявляется при анализе норм ст. 56 КАС РФ (полномочия представителя) и ст. 129 этого же кодекса (возвращение административного искового заявления).

При разрешении вопроса о принятии заявления к производству в случае подписания поступившего заявления представителем арбитражному суду будет необходимо убедиться не только в наличии соответствующей доверенности или иного документа, подтверждающего полномочия, но и в наличии приложенного диплома о высшем юридическом образовании или его копии. При применении действующей редакции АПК РФ арбитражные суды, установив, что поступившее заявление не подписано или подписано неуполномоченным лицом, руководствуясь

²⁰ Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении. Режим доступа: <http://frdocheck.obrnadzor.gov.ru/> (дата обращения: 07.04.2019)

ст. 128 АПК РФ, оставляли заявление без движения²¹, а если данные обстоятельства установлены после принятия заявления к производству, руководствуясь ст. 148 АПК РФ, оставляли заявление без рассмотрения.

Однако при передаче дела из суда общей юрисдикции в арбитражный суд в случае установления отсутствия собственной компетенции по рассмотрению требования применение данного правила станет проблематичным. Поскольку ГПК РФ в редакции ФЗ № 451-ФЗ не закрепляет обязательного образовательного ценза для представителей при рассмотрении дела у мирового судьи и в районном (городском) суде, более чем вероятны ситуации, в которых представителем истца, не имеющим высшего юридического образования, но чьи полномочия подтверждаются надлежащим образом оформленной доверенностью, подписано исковое заявление, принятое к производству судом общей юрисдикции. В случае передачи дела по правилам компетенции в арбитражный суд последний вынужден назначать предварительное судебное заседание и рассматривать дело, хотя исковое заявление подписано применительно к правилам АПК РФ неуполномоченным лицом (отсутствие полномочий, впрочем, может касаться не только несоответствия образовательному цензу представителя, но и наличием в деле доверенности представителя, удостоверенной в порядке, не предусмотренном АПК РФ, например, по месту работы или по месту учебы доверителя). В подобных ситуациях нет оснований для возвращения поступивших материалов или оставления их без движений, поскольку производство

по делу возбуждено судом общей юрисдикции, нет оснований и применительно к правилам ст. 148 АПК РФ для оставления заявления без рассмотрения. Между тем арбитражный суд не должен будет допускать к участию в деле в качестве представителя лицо, которое к судебному заседанию не сможет представить документы, подтверждающие свои полномочия в порядке, предусмотренном АПК РФ.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать определенную недоработанность вводимого требования о наличии у представителя в ряде случаев высшего юридического образования с точки зрения его практической реализации. Традиционно используемая в законодательстве фраза «высшее юридическое образование», к сожалению, давно не соответствует тому смыслу, который вкладывается в нее специальным законодательством об образовании и требует уточнений, аналогичных тем, которые были сделаны в ст. 4 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации».

Сложно согласиться с тем, что ограничения статуса вводятся в гражданском процессе лишь применительно к производству в военных судах, областных и приравненных к ним судах, а также в ВС РФ. Явным недостатком принятого закона является и отсутствие возможности привлекать для представления интересов наряду с представителем-юристом иных лиц, обладающих квалификацией, необходимой для качественной защиты прав и законных интересов доверителя.

Литература

1. Новак Д. В. Задача концепции – создать стимулы для объединения участников рынка профессиональной юридической помощи // Закон. 2017. № 11. С. 6–19.
2. Тай Ю. В. Реформа рынка юридических услуг. Принять неизбежное // Закон. 2017. № 11. С. 38–54.
3. Козлова Е. Б. Современные законодательные инициативы в сфере профессионального представительства в гражданском процессе в свете принципа беспрепятственного доступа к правосудию // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 24–30.
4. Попова Д. Г. Профессиональное судебное представительство: состояние и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 84–91.
5. Момотов В. В. Совершенствование судебного представительства: современный взгляд // Евразийская адвокатура. 2018. № 3. С. 29–37.
6. Соловьев А. А. Высшее юридическое образование как обязательное квалификационное требование к судебным представителям // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 3. С. 98–105.
7. Малов А. А. Требования к высшему юридическому образованию представителей в арбитражном процессе. Необходимость или соответствие тенденции современного судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 19–21.
8. Осипов Г. В., Савинков В. И. Динамика аспирантуры и перспективы до 2030 года: статистический и социологический анализ. М.: ЦСП и М, 2014. 152 с.
9. Ярков В. В. Проект процессуальной реформы: quo vadis? // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 10–14.

²¹ См. например: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 07.05.2009 № А19-7364/08-Ф02-1816/09 по делу № А19-7364/08; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23.09.2016 № Ф03-4695/2016 по делу № А51-4734/2016 // СПС КонсультантПлюс.

Professional Representation in the Civil Court under the Judicial Reform

Yulia F. Druzhinina^a; Egor S. Trezubov^{b, @, ID}

^a Commercial Court of the Kemerovo Region, 8, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

^b Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@egortrezubov@mail.ru

^{ID} <https://publons.com/researcher/N-9078-2017/>

Received 12.04.2019. Accepted 16.05.2019.

Abstract: The paper features the problem of the qualification standard for court representatives introduced into the Civil Procedure Code and the Arbitration Procedure of the Russian Federation. The current legislation that regulates relations in the field of higher education allows for a broader interpretation of the concept of “person with higher education”. In this regard, not every person with a higher legal education will be able to provide a qualitative representation in court. It may interfere with the right to qualified legal assistance and does not improve the quality of such assistance. The authors do not approve of the fact that the figure of attorney was excluded from the final text of the law, as well as the impossibility of joint representation of the party’s interests by several persons, including those without higher legal education, provided that at least one of them has the necessary education. The authors highlight various separate procedural problems associated with the non-uniform character of the requirements for representatives depending on the type of court. These problems are also found in the implementation of another institute introduced by the Federal Law of November 28, 2018, No. 451-FZ – namely, reference of jurisdiction.

Keywords: procedural revolution, educational qualification of a representative, higher legal education, legal representation, accessibility of justice, professional legal proceedings

For citation: Druzhinina Yu. F., Trezubov E. S. Professional Representation in the Civil Court under the Judicial Reform. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 165–172. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-165-172>

References

1. Novak D. V. The task of the concept is to create incentives for the unification of professional legal aid market participants. *Zakon*, 2017, (11): 6–19. (In Russ.)
2. Tay Yu. V. Accepting the inevitable: legal services market reform. *Zakon*, 2017, (11): 38–54. (In Russ.)
3. Kozlova E. B. Modern legislative initiatives in the field of professional representation in the civil process in the light of the principle of unhindered access to justice. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2018, (8): 24–30. (In Russ.)
4. Popova D. G. Professional judicial representation: current situation and prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, (4): 84–91. (In Russ.)
5. Momotov V. V. Improving of judicial representation: modern view. *Eurasian advocacy*, 2018, (3): 29–37. (In Russ.)
6. Soloviev A. A. Higher legal education as a mandatory qualification requirement for legal representatives. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, 2015, (3): 98–105. (In Russ.)
7. Malov A. A. Requirements to higher legal education of representatives in an arbitral procedure. Necessity or following the modern proceedings tendency. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2017, (12): 19–21. (In Russ.)
8. Osipov G. V., Savinkov V. I. *Dynamics of postgraduate studies and prospects until 2030: statistical and sociological analysis*. Moscow: CSP i M, 2014, 152. (In Russ.)
9. Yarkov V. V. Procedural reform project: quo vadis? *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2017, (12): 10–14. (In Russ.)

Момент вступления трудового договора в силу

Сергей В. Кичигин^{а, @}

^а Региональный центр спортивной подготовки по боксу, 650070, Россия, г. Кемерово, ул. Тухачевского, 19

[@] 76-42-50@mail.ru

Поступила в редакцию 21.02.2019. Принята к печати 29.05.2019.

Аннотация: Определение момента вступления трудового договора в силу имеет выраженную практическую ценность. Именно с момента вступления трудового договора в силу у сторон возникают взаимные права и обязанности. Момент вступления трудового договора в силу является отправной точкой отсчета для учета физического лица как работника при расчете среднесписочной численности, включения его в таблицу учета рабочего времени, исчисления стажа работы, дающего право на оплачиваемый отпуск и др. В тексте Трудового кодекса РФ отсутствует определение понятия *вступление трудового договора в силу*, однако из имеющихся вариантов определения интересующего нас момента можно вывести единое для всех случаев правило – трудовой договор вступает в силу с момента возникновения между работником и работодателем трудовых отношений, которые возникают, когда работник с ведома или по поручению работодателя приступил к работе. Для вступления в силу заключенного трудового договора необходимы конклюдентные действия сторон, направленные на реализацию трудового договора. Заключение договора может совпасть по времени с днем начала работы или же они могут быть разделены во времени. Во втором случае, при отсутствии факта начала выполнения работником трудовой функции, определенной в договоре, при условии его допуска к работе работодателем или уполномоченным на это представителем работодателя трудовой договор остается нереализованным.

Ключевые слова: заключение трудового договора, день начала работы, возникновение трудовых отношений, аннулирование трудового договора

Для цитирования: Кичигин С. В. Момент вступления трудового договора в силу // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 173–180. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-173-180>

1. Введение

В настоящее время в юридической литературе вопрос определения момента вступления в силу трудового договора является слабо разработанным и не нашедшим в полной мере своего исследователя. Непосредственно в тексте Трудового кодекса РФ отсутствуют легальные определения понятий *заключение трудового договора* и *вступление трудового договора в силу*, что приводит к тому, что исследователи, касающиеся в своих работах этих тем, смешивают данные термины. Например, анализируя положения ст. 61 ТК РФ о вступлении трудового договора в силу, Э. Н. Бондаренко заявляет, что названная статья дает «повод говорить не о способе, а о способах заключения трудового договора» [1], а в другой своей работе – о том, что «статья 61 ТК РФ предусматривает два способа заключения трудового договора» [2], в то время как в ст. 61 ТК РФ говорится не о заключении трудового договора, а о вступлении его в силу. При этом названным автором в первом случае под способами заключения трудового договора понимаются разные варианты определения момента вступления трудового договора в силу, а во втором случае – понятия заключения и вступления в силу просто поменялись местами. Это не единичный случай, когда понятия заключения договора и вступления его в силу смешиваются [3; 4].

Полагаем, что будет правильным в самом начале работы договориться о том, что мы понимаем под названными терминами. Несмотря на то, что заключению трудового договора ТК уделяет довольно много внимания (этому посвящена целая 11 глава кодекса), момент заключения трудового договора в тексте закона прямо не определен. Заключенным мы будем называть трудовой договор, который подписан сторонами независимо от наличия в его тексте всех необходимых сведений и условий. Содержание трудового договора определяется требованиями ст. 57 ТК РФ, однако и в случае несоблюдения требований договор тем не менее будет заключенным. Косвенным образом такое понимание следует из ч. 1 ст. 61 ТК РФ, которая говорит о времени вступления в силу подписанного трудового договора. Некоторое несоответствие сказанного положениям ч. 2 ст. 67 ТК РФ не должно в данном случае смущать, т. к. законодатель в данной норме в целях защиты прав работника постановляет считать заключенным неоформленный надлежащим образом трудовой договор, которого в материальном виде еще не существует (он отсутствует как документ, подписанный сторонами, как зафиксированная договоренность сторон об условиях работы). То есть за исключением случая фактического допуска работника к работе до оформления с ним трудового договора заключение договора происходит в момент подписания его как документа.

Под вступлением трудового договора в силу мы будем понимать момент, начиная с которого между сторонами трудового договора возникают трудовые отношения в полном объеме. С этого момента стороны договора приобретают права и обязанности, предусмотренные ст. 21 и ст. 22 ТК РФ и непосредственно самим трудовым договором [5].

В качестве тезиса, который мы будем обосновывать в настоящей работе, заявим следующее: момент вступления трудового договора в силу во всех без исключения случаях определяется фактом начала выполнения работником своей трудовой функции при допуске работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя.

2. Теоретические основы

2.1. Понятие и значение трудового договора

Понятие трудового договора даётся в ст. 56 ТК РФ. Трудовой договор согласно названной норме закона – это соглашение между работодателем и работником. Под соглашением здесь следует понимать договор-сделку и договор-документ, эту сделку оформляющий, т. к. трудовой договор предполагает письменную форму, поскольку, как было сказано выше, требует подписания, причем составляется в двух экземплярах (ч. 1 ст. 67 ТК РФ). Согласно заключаемой сторонами сделке стороны принимают на себя все обязательства, закрепленные ст. 21 и ст. 22 ТК РФ и самим трудовым договором, с момента вступления договора в силу.

До момента вступления трудового договора в силу (начала его фактической реализации) работник не может требовать от работодателя заработной платы, предоставления ему отпуска и др., а работодатель не вправе осуществлять свои распорядительные полномочия в отношении работника, т. к. между ними отсутствуют трудовые отношения.

Заключенный трудовой договор, безусловно, порождает права и обязанности для заключивших его сторон, однако в отрыве от исполнения его сторонами он не порождает трудовых отношений. Само по себе заключение трудового договора – это фиксация на бумаге договоренностей сторон об условиях будущей работы, а не факт, порождающий трудовые отношения. Только с момента вступления трудового договора в силу и у работника, и у работодателя возникают и начинают реализовываться их права и корреспондирующие права обязанности.

2.2. Понятие и признаки трудовых отношений

Определение понятия трудовых отношений закреплено в тексте ст. 15 ТК РФ. Центральным и принципиально значимым для нас в этом определении будет то, что само понятие отношений согласно словарям С. И. Ожегова¹ и Д. Н. Ушакова² предполагает взаимное общение, деловую связь, в нашем случае возникающую в процессе выполнения работы. Основой этих отношений выступает соглашение между работником и работодателем. Исходя из того, что трудовые отношения могут возникать и существовать в т. ч. в отсутствие оформленного трудового договора (ч. 3 ст. 16, ч. 2 ст. 67 ТК РФ), соглашение в данном случае следует понимать как взаимное согласие, договоренность сторон по поводу существенных условий предстоящих трудовых отношений.

Признаками существования трудовых отношений, т. е. их атрибутами, исходя из положений ст. 15, 56 ТК РФ, можно назвать:

- выполнение работником работы в соответствии с указаниями работодателя;
- интегрированность работника в организационную структуру работодателя;
- признание работодателем таких прав работника, как еженедельные выходные дни и ежегодный отпуск;
- оплата работодателем расходов, связанных с поездками работника в целях выполнения работы;
- осуществление периодических выплат работнику, которые являются для него единственным и (или) основным источником доходов³;
- предоставление инструментов, материалов и механизмов работодателем⁴.

Обобщая, можно сказать, что трудовые отношения – это деловая связь сторон по поводу и в процессе реализации положений трудового договора, и возникает эта связь с момента начала фактического исполнения договора, детерминируя своим возникновением момент вступления трудового договора в силу.

3. Способы определения момента вступления трудового договора в силу

Теперь подробно рассмотрим, что о моменте вступления трудового договора в силу говорит ст. 61 ТК РФ. В названной статье говорится о столь важном понятии, как *вступление трудового договора в силу*, но странным образом буквально с первых строк размывается это понятие – дается целый список способов определения момента вступления трудового договора в силу. При этом названная статья не дает

¹ Толковый словарь С. И. Ожегова. Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).

² Толковый словарь Д. Н. Ушакова. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).

³ О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.05.2018 № 15. Режим доступа: <http://www.supcourt.ru/documents/own/26841/> (дата обращения: 10.01.2019).

⁴ О трудовом правоотношении. Рекомендация № 198 Международной организации труда. Принята в г. Женеве 15.06.2006 на 95-й сессии Генеральной конференции МОТ. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/499076405> (дата обращения: 10.01.2019).

прямо и недвусмысленно понять, что именно определяет тот момент, когда трудовой договор вступает в силу.

Как правило, выделяют четыре способа определения момента, с которого трудовой договор вступает в силу:

- со дня подписания договора работником и работодателем;
- со дня, указанного непосредственно в тексте трудового договора;
- со дня, определяемого в порядке, установленном федеральными законами, иными нормативными правовыми актами РФ;
- со дня фактического допуска работника к работе с ведома или по поручению стороны работодателя [6].

Однако хотелось бы подойти к этому вопросу более основательно. Ст. 61 ТК РФ в ч. 1 и 3 определяет день вступления трудового договора в силу следующим многовариантным образом.

1. По общему правилу трудовой договор вступает в силу со дня его подписания сторонами (ч. 1 ст. 61 ТК РФ), т. е. законом в качестве общего правила определен следующий порядок: работник, явившись на работу в первый день, до начала работы предоставляет работодателю все необходимые документы, как правило, пишет заявление о приеме на работу, далее знакомится с должностной инструкцией, действующими у работодателя локальными нормативными актами, подписывает трудовой договор, ознакомливается под роспись с приказом о приеме его на работу, после чего в этот же день приступает к работе. В данном случае день возникновения трудовых отношений, заключения трудового договора и вступления его в силу совпадает с первым рабочим днем.

Начнем с того, что приведенное выше общее правило достаточно условно. В сложившейся практике работы моменты подписания (заключения) и вступления трудового договора в силу формально действительно чаще всего совпадают. Однако нужно понимать, что такая картина складывается скорее потому, что действительное подгоняется под желаемое. То есть работник в свой первый рабочий день, зайдя с утра в отдел кадров и предъявив все документы, положенные по ст. 65 ТК РФ, написав заявление о приеме на работу, идет на свое рабочее место и приступает к работе. Документальное же оформление трудовых отношений (подписание трудового договора, ознакомление с приказом о приеме на работу, проставление подписей в личной карточке работника) в действительности происходит позже дня, когда работник приступил к работе, но и подписание договора, и ознакомление с приказом о приеме на работу датируются днем начала работы. В действительности общим правилом как наиболее распространенным случаем следует признать вступление

договора в силу и признание его заключенным в связи с фактическим допуском работника к работе с ведома или по поручению работодателя.

Кроме того, можно предположить, что согласно положениям ст. 57 ТК РФ в трудовом договоре должен быть указан день начала работы, т. к. при его отсутствии днем начала работы будет не день заключения договора, а ближайший за ним рабочий день, т. е. договор вступит в силу в порядке, определенном ч. 3, а не ч. 1 ст. 61 ТК РФ. Но если день начала работы сторонами определен и зафиксирован в тексте заключаемого договора, то выходит, что договор вступает в силу со дня, определенного сторонами в трудовом договоре.

Для целей настоящей работы это противоречие несущественно. Пока мы просто констатируем, что в рассматриваемом случае день вступления трудового договора в силу, как минимум формально, совпадает с днем, когда работник приступил к работе.

2. Трудовой договор вступает в силу в день заключения или позже в случае, когда это установлено специальными нормами ТК РФ (ч. 1 ст. 61 ТК РФ).

Например, ст. 327.3 ТК РФ гласит, что трудовой договор с иностранцем или лицом без гражданства вступает в силу не ранее дня получения им разрешения на работу. Означает ли это запрет на заключение с иностранцем трудового договора до момента получения им разрешения на работу? Полагаем, что нет. Приказ МВД России от 10.01.2018 № 11 устанавливает трехдневный срок для подачи работодателем уведомления о заключении или расторжении трудового договора с иностранцем, который исчисляется со следующего дня с даты заключения (расторжения) соответствующего договора, что вносит смущение в умы сотрудников кадровых служб, т. к. они ориентируются именно на этот документ⁵. Здесь в полной мере проявляет себя неопределенность терминов заключения и вступления в силу трудового договора не только кадровыми специалистами, но и сотрудниками МВД, которые не разделяют моменты заключения договора и его реализации (вступления в силу). Ч. 4 ст. 13 ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» говорит о праве работодателя на «привлечение» и «использование» иностранных работников, а также о праве последних «осуществлять» трудовую деятельность при наличии разрешения на работу или патента⁶. Следует обратить внимание ещё и на разъяснение, данное в п. 20 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 11, в котором говорится, что поскольку в ст. 61 ТК РФ различаются день заключения договора и день, когда работник обязан приступить к выполнению своих трудовых обязанностей, само по себе заключение трудового договора с иностранцем не является

⁵ О формах и порядке уведомления МВД РФ или его территориального органа об осуществлении иностранными гражданами (лицами без гражданства) трудовой деятельности на территории РФ. Приказ МВД России от 10.01.2018 № 11. Зарегистрирован в Минюсте России 05.04.2018 № 50662.

⁶ О правовом положении иностранных граждан в РФ. ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. 19.07.2018) // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3032.

привлечением его к трудовой деятельности и не образует состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 18.15 КоАП РФ. Противоправным является именно привлечение к трудовой деятельности, осуществляемое в виде фактического допуска конкретного иностранного гражданина к выполнению работ в отсутствие соответствующего разрешения [7; 8]. То есть противоправность появляется в момент возникновения между сторонами трудовых отношений, если эти отношения возникли до получения иностранцем разрешения на работу⁷.

Что произойдет, если в текст трудового договора, заключаемого до получения разрешения на работу, стороны включают потестативное условие о том, что работник должен приступить к работе спустя *n* дней с момента получения им разрешения на работу? Возникнут ли трудовые отношения по факту подписания такого трудового договора, будут ли эти действия противоправными? Нет, в отсутствие исполнения по договору трудовые отношения не возникнут, противоправности в действиях не наблюдается.

А вступит ли в силу трудовой договор с иностранцем и возникнут ли трудовые отношения в случае, если в договоре с ним не была определена дата начала работы (т. е. когда ч. 3 ст. 61 ТК РФ прямо говорит о вступлении договора в силу в ближайший ко дню заключения рабочих дней)? Нет, трудовой договор не вступит в силу, а трудовые отношения не возникнут с силу преимущества специальной нормы ч. 2 ст. 327.3 ТК РФ над общей. Работодатель после получения работником разрешения на работу просто дополнит текст договора недостающими сведениями в порядке ч. 3 ст. 57 ТК РФ, как это и предполагает ч. 2 ст. 327.3 ТК РФ, указав день вступления договора в силу.

Даже указание в тексте договора конкретного дня вступления его в силу, выпадающего на дату, когда разрешение на работу ещё не получено, при отсутствии фактического допуска работника к работе, не будет нарушением, не породит трудовых отношений между сторонами, а трудовой договор не вступит в силу.

3. Трудовой договор вступает в силу в день заключения или позже в случае, когда это установлено федеральными законами (ч. 1 ст. 61 ТК РФ).

Трудовые отношения с данными категориями работников регулируются отдельными федеральными законами. Вступление трудового договора в силу в этом случае предполагает необходимость наличия, кроме трудового договора (в данном случае именуемого служебным контрактом) и начала выполнения работы, еще и распорядительного акта работодателя.

В качестве примеров можно назвать назначение на должность сотрудников федеральной противопожарной службы, органов внутренних дел, учреждений уголовно-исполнительной системы. Трудовой договор вступает в силу со дня, определенного в распоряжении работодателя⁸. В приведенных примерах для вступления служебного контракта в силу недостаточно простого подписания его сторонами даже вкуче с фактически состоявшимся допуском работника к работе. Приходится констатировать, что данный случай выпадает из правила о том, что трудовой договор вступает в силу с момента начала исполнения его сторонами.

4. Трудовой договор вступает в силу в день заключения или позже в случае, когда это установлено иными нормативными правовыми актами РФ (ч. 1 ст. 61 ТК РФ).

Например, Постановление Правительства РФ от 28.10.2009 № 848 определяет, что трудовые договоры с военнослужащими, направленными не на воинские должности в организации, осуществляющие деятельность в интересах обороны страны и безопасности государства, и федеральные государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования, вступают в силу со дня исключения военнослужащих из списков личного состава воинской части.

Не вполне ясно, почему названное постановление правительства определяет момент вступления трудового договора в силу именно днем исключения из списков воинской части, а не днем, следующим за ним. Согласно п. 23, 24 ст. 34 (Положение о порядке прохождения военной службы)⁹ военная служба оканчивается в день исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части в связи с увольнением, при этом уволенный с военной службы должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы. Данное положение по смыслу повторяет норму ст. 84.1 ТК РФ, гласящую, что днем прекращения трудового договора во всех случаях является последний день работы работника.

Однако нам данный случай интересен в первую очередь тем, что дата вступления трудового договора в силу определяется в отрыве от его исполнения. Но поскольку отношения работника и работодателя на новом месте определяются нормами ТК, а не специальных федеральных законов, то и вступление в силу заключенного трудового договора должно опираться на реальное начало исполнения договора. Если в рассматриваемом примере работник не приступил к работе в день начала работы, работодатель вправе аннулировать с ним трудовой договор. В то время как вопрос возможности аннулирования трудового

⁷ О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 11. Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/34200.html (дата обращения: 05.02.2019).

⁸ О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.2011. № 49. Ч. I. Ст. 7020; О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 23.05.2016 № 141-ФЗ // СЗ РФ. 30.05.2016. № 22. Ст. 3089; О службе в уголовно-исполнительной системе РФ и о внесении изменений в Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». ФЗ от 19.07.2018 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 23.07.2018. № 30. Ст. 4532.

⁹ Вопросы прохождения военной службы. Указ Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 // СЗ РФ. 20.09.1999. № 38. Ст. 4534.

договора для категорий лиц, трудовые отношения с которыми регулируются специальными федеральными законами, является дискуссионным.

5. Трудовой договор вступает в силу позже дня заключения в случае, когда это установлено самим трудовым договором (ч. 1 ст. 61 ТК РФ).

Тут законодатель дает сторонам договора свободу самим прийти к соглашению о дате вступления трудового договора в силу, понимая под этим определение сторонами даты начала работы, не совпадающей с датой заключения договора¹⁰. Стороны вправе указать любую удобную для них дату начала работы (вступления договора в силу) позже дня заключения ими трудового договора, когда работник будет обязан приступить к исполнению своих трудовых обязанностей. Именно с этой даты при условии фактического начала работы трудовой договор вступит в силу.

6. Трудовой договор вступает в силу со дня фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного представителя (ч. 1 ст. 61 ТК РФ). Это очень интересное основание для вступления трудового договора в силу, предполагающее два случая его применения.

Случай первый. Трудовой договор вступает в силу (ч. 1 ст. 61 ТК РФ) и считается заключенным (ч. 2 ст. 67 ТК РФ) со дня, когда работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя, т. е. с момента возникновения между сторонами трудовых отношений (ч. 3 ст. 16 ТК РФ). В этом случае происходит разделение во времени даты оформления договора как более поздней и даты допуска к работе, заключения и вступления в силу трудового договора. При этом в день фактического допуска работника к работе, с которого трудовой договор считается заключенным и вступившим в силу, трудовой договор как документ отсутствует. Ч. 2 ст. 67 ТК РФ требует оформить трудовой договор надлежащим образом в течение 3-х рабочих дней со дня фактического допущения работника к работе, либо со дня признания этих отношений трудовыми в судебном порядке [9–11].

Любопытно, что судами при составлении мотивировочной части решений по делам об установлении факта трудовых отношений данная норма упускается из виду. В мотивировочной части решений применяется устоявшаяся формула «ч. 3 ст. 16 ТК РФ + ч. 2 ст. 67 ТК РФ», т. е. на основании факта допуска работника к работе с ведома и по поручению работодателя трудовые отношения между сторонами считаются возникшими, а трудовой договор заключенным, в т. ч. без надлежащего его оформления в письменной форме. В этой формуле никак не обозначен момент вступления договора в силу, который по времени совпадает с моментом, с которого договор считается заклю-

ченным, а трудовые отношения – возникшими. По всей видимости, суд полагает при доказанности факта допуска работника к работе с ведома работодателя определенным факт возникновения трудовых отношений и уже не находит необходимости говорить о вступлении в силу трудового договора, который считается в этом случае заключенным и исполняемым. Однако, коль скоро законодатель отдельно выделяет момент вступления трудового договора в силу, полагаем, было бы правильным дополнить приведенную выше формулу ч. 1 ст. 61 ТК РФ.

Случай второй. Ч. 4 ст. 61 ТК РФ определяет, что если работник не приступил к работе в день начала работы (день, так или иначе указанный в качестве такового в самом договоре, или день, следующий за днем заключения договора в случае, если день начала работы в тексте не определен), то работодатель имеет право своим односторонним решением аннулировать трудовой договор. Важно отметить, что данное право работодателя не может быть поставлено в зависимость от иных юридически значимых фактов, кроме самого факта невыхода работника на работу в свой первый рабочий день¹¹ (исключением будет только наличие препятствий со стороны работодателя). Названная норма по сути предоставляет работодателю выбор: аннулировать трудовой договор или принять исполнение от работника в другой день. Этот вывод следует из того, что неаннулированный, но и не вступивший в силу договор в случае, когда работник не приступил к работе в назначенный день, остается тем не менее заключенным, и определенные в нем сторонами условия – действительными. В этих условиях работодатель, не потерявший желания вступить с работником в трудовые отношения, вправе принять от последнего исполнение по договору позже той даты, которой стороны определили начало работы [12]. В этом случае трудовой договор также вступит в силу со дня фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя.

7. Трудовой договор вступает в силу в следующий рабочий день за днем заключения договора в том случае, когда в тексте договора не определен день начала работы (ч. 3 ст. 61 ТК РФ).

В законе эта норма выражена иначе: «если в трудовом договоре не определен день начала работы, то работник должен приступить к работе на следующий рабочий день после вступления договора в силу». Если не критически читать названную норму, то выходит, что этот случай выделяется из всех остальных ситуаций, когда вступление договора в силу определяется нормами ТК и происходит в момент начала исполнения договора. По нашему мнению, законодатель здесь вносит путаницу, смешивая понятия заключения договора и вступления его в силу. Очевидно, что в ч. 3 ст. 61 ТК РФ речь

¹⁰ Как отмечалось выше, определенная в договоре дата начала работы может совпадать с датой заключения договора, однако законодатель этот частный случай вынес в отдельное положение.

¹¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 24.08.2016 по делу № 33-14394/2016. Режим доступа: https://oblsud-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=11900014&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 07.02.2019)

идет о ситуации заключения договора, в тексте которого не был определен день, в который работник должен приступить к работе [13]. В этом случае трудовой договор вступает в силу со дня, следующего за днем заключения трудового договора, дня, когда работник должен приступить – и приступит – к работе в силу требований закона. Сама норма закона, вероятно, должна звучать так: «Если в трудовом договоре не определен день начала работы, то работник должен приступить к работе в ближайший рабочий день, следующий за днем заключения договора».

4. Результаты

В литературе можно встретить мнение о том, что «вступление договора в силу может быть разнесено по времени с моментом начала работы. В этом случае ряд прав и обязанностей сторон, возникновение которых связано с фактом начала реальной трудовой деятельности работника, на момент вступления трудового договора в силу остаются недействующими» [14]. Данный вывод делается на основании толкования отмеченной выше неудачной формулировки ч. 3 ст. 61 ТК РФ. Из приведенной цитаты не ясно, что, по мнению авторов работы, происходит в момент вступления договора в силу, которое не связано с моментом начала работником работы с ведома и по поручению работодателя? Чем вступивший в силу договор отличается от заключенного договора при отсутствии в обоих случаях факта начала работы с ведома или по поручению работодателя?

Взаимные обязанности и права работника и работодателя относительно друг друга (ст. 21, 22 ТК РФ) в полном объеме включаются только с момента, когда работник приступил к работе [15], а работодатель получил фактическую возможность распоряжения деятельностью работника в пределах рабочего времени.

Из рассмотренных выше положений ТК РФ можно уверенно сделать вывод о том, что момент вступления трудового договора в силу законодатель во всех случаях жестко увязывает с фактом начала работы (исполнения работником трудовой функции). В определенном смысле исключением из этого правила является только вступление в силу служебных контрактов в силу того, что в этом случае вступление договора (служебного контракта) в силу регулируется не ТК, а специальными нормами федеральных законов. Поэтому тезис о том, что под вступлением трудового договора в силу следует понимать возникновение между сторонами трудовых отношений на основании фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя, считаем доказанным. Наличие или отсутствие при этом трудового договора как документа не является значимым обстоятельством. Равно как и дата вступления договора в силу, определенная законом или самим договором, сама по себе не определяет момента вступления в силу трудового договора.

Важно понимать, что и до момента вступления договора в силу он является заключенным и действующим в части обязанности работника приступить к работе в день, определенный

законом или договором, а также обязанности работодателя принять работника на работу на условиях, определенных в договоре. То есть трудовой договор ограниченно действует с момента заключения, оставаясь при этом до начала исполнения или аннулирования в большей степени «меморандумом о намерениях». Здесь стоит привести правовую позицию ВС РФ, изложенную в Определении от 18.02.2010 № 4-В09-54: факт заключения трудового договора свидетельствует о возникновении между сторонами правоотношений по трудоустройству, предшествующих возникновению непосредственно трудовых отношений и заканчивающихся в момент, когда работник непосредственно приступил к осуществлению возложенной на него трудовым договором функции, а работодатель допустил работника к работе, что является правообразующим фактором, с которым у сторон такого договора возникают соответствующие трудовые права и обязанности. Это очень интересное определение, которое замечательно описывает состояние отношений сторон в период между заключением (подписанием) трудового договора и вступлением его в силу. В том же определении ВС РФ называет нереализованный трудовой договор, не перешедший в стадию исполнения, «соглашением о намерениях».

В период действия нереализованного трудового договора работодатель не вправе давать работнику обязательные к исполнению указания, контролировать процесс деятельности работника и вмешиваться в неё, не вправе налагать дисциплинарные взыскания, не вправе поощрять работника, требовать подчинения действующим на территории работодателя локальным нормативным актам, как и работник не вправе требовать предоставления ему отпуска, начисления и выплаты заработной платы и т. д. Всё это становится возможным, когда трудовой договор вступит в силу, т. е. со дня, когда работник приступит к исполнению своих трудовых обязанностей с ведома или по поручению работодателя.

Интересным в свете наших рассуждений представляется то, что законодатель включил в тело ст. 61 ТК РФ указание на то, что работник обязан приступить к исполнению трудовых обязанностей со дня, определенного трудовым договором (ч. 2 ст. 61 ТК РФ). Думается, что сделано это было неслучайно. Дело в том, что ч. 1 и 3 названной статьи (как и наименование статьи в целом) говорят о моменте вступления трудового договора в силу. А ч. 2 ст. 61 ТК РФ внезапно говорит нам об обязанности работника. Почему было не включить эту обязанность работника в ч. 2 ст. 21 ТК РФ, где ей, кажется, самое место? А потому, что именно исполнением этой обязанности работника в полной мере включается трудовой договор!

Положения ч. 1 и 3 ст. 61 ТК РФ говорят скорее о возможных вариантах определения дня начала работы, в который при условии исполнения сторонами достигнутых договоренностей трудовой договор вступит в силу.

5. Заключение

Хотя ст. 61 ТК РФ не содержит прямого указания на то, что именно является определяющим условием для вступления

трудового договора в силу, следует сделать однозначный вывод: договор вступает в силу исключительно с того момента, когда работник фактически приступил к выполнению работы, а работодателем было принято от работника исполнение по договору (работник приступил к работе с ведома и по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя).

Правильным было бы говорить о том, что нормами ч. 1 и 3 ст. 61 ТК РФ перечислены способы определения дня начала работы, в то время как вступление трудового договора в силу определяется фактом начала работы в первый рабочий день, определенный в соответствии с нормами ч. 1 и 3 ТК РФ.

Литература

1. Бондаренко Э. Н. О фактическом допущении к работе как правообразующем юридическом факте // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 21–23.
2. Бондаренко Э. Н. Динамика трудового правоотношения. М.: Норма, 2015. 192 с.
3. Шестакова Е. В. Сложные вопросы приема на работу и увольнения // СПС КонсультантПлюс. 2016.
4. Тихомиров М. Ю. Заключение трудового договора и оформление приема на работу. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2015. 78 с.
5. Орловский Ю. П., Коршунова Т. Ю., Чиканова Л. А., Нуртдинова А. Ф., Серегина Л., Гаврилина А., Бочарникова М., Виноградова З. Ю. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Ю. П. Орловского. 7-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Контракт-Кнорус, 2015. 1272 с.
6. Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Трудовой кодекс Российской Федерации. Раздел III. Трудовой договор: Постатейный научно-практический комментарий. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2013. Вып. VII–VIII. 720 с.
7. Иншин Н. Н., Иншина Р. С. Административная ответственность юридического лица за нарушение порядка привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности // СПС КонсультантПлюс. 2017.
8. Сизов И. Ю. Административная ответственность юридических лиц за нарушение миграционного законодательства // Административное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 455–459. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.5.14366
9. Мещерякова Т. Р. Административная ответственность за нарушение трудовых прав граждан // Административное и муниципальное право. 2015. № 12. С. 1249–1253. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.12.17112
10. Шестакова Е. В. Сложные вопросы изменений трудового законодательства в 2018 году // СПС КонсультантПлюс. 2018.
11. Серебрякова Е. А., Ситникова Е. Г. Трудовой договор с иностранцем: от заключения до прекращения. М.: Редакция «Российской газеты», 2017. Вып. 17. 176 с.
12. Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В., Серебрякова Е. А. Изменяем трудовой договор: права, обязанности, оформление. М.: Редакция «Российской газеты», 2017. Вып. 5. 176 с.
13. Кудряшова С. Н. Требования законодательства к содержанию трудового договора и практика их реализации // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 29–31.
14. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., пересмотр. / под ред. А. М. Куренного, С. П. Маврина, В. А. Сафонова, Е. Б. Хохлова. М.: Норма; ИНФРА-М, 2015. 848 с.
15. Орловский Ю. П., Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А., Белицкая И. Я. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (краткий, постатейный). 3-е изд. / под ред. Ю. П. Орловского. М.: КОНТРАКТ, 2017. 608 с.

Start of Employment Contract

Sergey V. Kichigin ^{a, @}

^aRegional Boxing Sports Training Center, 19, Tukhachevsky St., Kemerovo, Russia, 650070

[@]76-42-50@mail.ru

Received 21.02.2019. Accepted 29.05.2019.

Abstract: Determining the moment when an employment contract comes into force has a pronounced practical value as it marks the beginning of mutual rights and obligations. It allows the employer to record an individual as an employee when calculating the average staff number, calculating work experience, granting a paid leave, etc. In the text of the Labor Code of the Russian Federation there is no definition of the notion of "start of employment contract". However, it is possible to deduce a single rule for all cases: the employment contract takes effect from the moment of the labor relationship that arises between the employee and the employer when an employee begins work with the knowledge of the employer. For the labor contract to come into force, impartial actions of the parties are necessary that are aimed at the implementation of the employment contract. The conclusion of the contract may coincide in time with the abovementioned actions or may be separated in time. In the second case, in the absence of the fact that the employee began performing the labor function defined in the contract in the conditions when he or she was admitted to work by the employer or his authorized representative, the labor contract remains unfulfilled.

Keywords: the conclusion of the employment contract, the date of commencement of work, the emergence of labor relations, cancellation of an employment contract

For citation: Kichigin S. V. Start of Employment Contract. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 173–180. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-173-180>

References

1. Bondarenko E. N. On the actual permission to work as a right conferring legal fact. *Labor Law in Russia and Abroad*, 2018, (2): 21–23. (In Russ.)
2. Bondarenko E. N. *The dynamics of labor relations*. Moscow: Norma, 2015, 192. (In Russ.)
3. Shestakova E. V. Complex issues of recruitment and dismissal. *ATP ConsultantPlus*, 2016. (In Russ.)
4. Tikhomirov M. Yu. *The conclusion of an employment contract and registration of employment*, 2nd ed. Moscow: Izdvo Tikhomirova M. Iu., 2015, 78. (In Russ.)
5. Orlovsky Iu. P., Korshunova T. Iu., Chikanova L. A., Nurtdinova A. F., Seregina L., Gavrilina A., Bocharnikova M., Vinogradova Z. *Commentary on the Labor Code of the Russian Federation (itemized)*, 7th ed., ed. Orlovsky Yu. P. Moscow: Kontrakt-Knorus, 2015, 1272. (In Russ.)
6. Sitnikova E. G., Senatorova N. V. *Labor Code of the Russian Federation. Section III. Employment agreement: Article-by-item scientific and practical commentary*. Moscow: Bibliotekha "Rossiiskoi gazety", 2013, iss. VII–VIII, 720. (In Russ.)
7. Inshin N. N., Inshina R. S. Administrative responsibility of a legal entity for violation of the procedure for attracting foreign citizens to work. *ATP ConsultantPlus*, 2017. (In Russ.)
8. Sizov I. Yu. Administrative responsibility of legal entities for violating migration law. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2015, (5): 455–459. (In Russ.) DOI: 10.7256/1999-2807.2015.5.14366
9. Meshcheryakova T. R. Administrative responsibility for violation of labor rights of citizens. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2015, (12): 1249–1253. (In Russ.) DOI: 10.7256/1999-2807.2015.12.17112
10. Shestakova E. V. Difficult issues of labor law changes in 2018. *ATP ConsultantPlus*, 2018. (In Russ.)
11. Serebryakova E. A., Sitnikova E. G. *Labor contract with a foreigner: from conclusion to termination*. Moscow: Redaktsiia "Rossiiskoi gazety", 2017, iss. 17, 176. (In Russ.)
12. Sitnikova E. G., Senatorova N. V., Serebryakova E. A. *We change the employment contract: rights, obligations, execution*. Moscow: Redaktsiia "Rossiiskoi gazety", 2017, iss. 5, 176. (In Russ.)
13. Kudryashova S. N. Legislative requirements to labour to agreement content and practice of their implementation. *Labor Law in Russia and Abroad*, 2017, (4): 29–31. (In Russ.)
14. *Commentary on the Labor Code of the Russian Federation (itemized)*, 3rd ed., ed. Kurennoi A. M., Mavrin S. P., Safonov V. A., Khokhlov E. B. Moscow: Norma; INFRA-M, 2015, 848. (In Russ.)
15. Orlovsky Iu. P., Nurtdinova A. F., Chikanova L. A., Belitskaia I. Ia. *Commentary on the Labor Code of the Russian Federation (short, itemized)*, 3rd ed., ed. Orlovsky Yu. P. Moscow: KONTRAKT, 2017, 608. (In Russ.)

О соотношении механизма и метода правового регулирования предпринимательской деятельности

Наталья В. Рубцова^{a, b, @, ID}

^a Новосибирский государственный университет экономики и управления, 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56

^b Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, 630007, Россия, г. Новосибирск, ул. Советская, 7

@ rubtsova@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1621-8499>

Поступила в редакцию 31.03.2019. Принята к печати 20.06.2019.

Аннотация: Статья посвящена вопросу соотношения понятий механизма и метода правового регулирования в контексте осуществления предпринимательской деятельности. Целью работы является определение особенностей и перспектив развития механизма правового регулирования предпринимательской деятельности. Исследование построено на общенаучном диалектическом методе и основанных на нем частнонаучных методах, таких как сравнительный, исторический, логический, метод моделирования. Правовые средства рассматриваются как правовые инструменты, отдельные элементы механизма правового регулирования, которые призваны упорядочить определенные общественные отношения. Проанализированы позиции ученых-правоведов в отношении понимания механизма и метода правового регулирования. На основании проведенного исследования сделан *вывод* о том, что механизм и метод правового регулирования – нетождественные понятия. В отличие от метода правового регулирования, который означает совокупность приемов и способов, с помощью которых регулируются определенные общественные отношения, механизм правового регулирования отражает некую технологию правового регулирования и направлен на обеспечение функционирования как системы права в целом, так и ее отдельных отраслей и институтов. Данное исследование может послужить основой для последующего анализа механизма правового регулирования, определения его эффективности в отношении регулирования предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, метод правового регулирования, правовые средства, прием правового регулирования, способ правового регулирования, отраслевой метод правового регулирования

Для цитирования: Рубцова Н. В. О соотношении механизма и метода правового регулирования предпринимательской деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 181–186. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-181-186>

Введение

Механизм правового регулирования как юридическая категория является предметом пристального анализа ученых-юристов уже на протяжении нескольких десятилетий и характеризует инструментальный подход понимания сущности права. Подробно связь правового регулирования с определенным механизмом обосновал в своих трудах С. С. Алексеев [1]. Исследования, касающиеся терминологического дефинирования механизма правового регулирования, ведутся как в рамках общей теории права, так и на отраслевом уровне. Как справедливо отмечает А. В. Мильков, «необходимость изучения механизма правового регулирования обусловлена научной потребностью познать сущность действия права в качестве социального регулятора, оценить его потенциал в решении поставленных задач» [2, с. 147].

Методы и материалы. Философские методы (диалектический, детерминистский) охватили научное познание в целом, поскольку именно они формулируют основные требования к научным теориям и определению сущности

исследуемых явлений. Учитывая характер работы, автором в значительной степени использовались логические приемы классифицирования: иерархический и фасетный. Наряду с этим применялись частнонаучные методы, которые позволили получить конкретное знание: сравнительно-исторический, метод правового моделирования.

Механизм правового регулирования

Термин *механизм правового регулирования* широко используется как в общей теории права, так и применительно к отдельным отраслям права. Но в последние годы такое широкое использование термина нивелирует его специфику, порой отождествляя с общим понятием правового регулирования. Вместе с тем задачи юриспруденции заключаются в том числе и в познании сущности изучаемого предмета посредством обобщения его внешних проявлений и выведения на этом основании объективных закономерностей.

Как отмечает А. М. Васильев, «установление данной категории имело важное значение для развития правовой теории,

ибо она выразила общее в процессе правового регулирования, т. е. связи между всеми элементами механизма, вне которых эти элементы не могут существовать, и место каждого звена в данной системе» [3, с. 141]. По сути, механизму правового регулирования придается методологическое значение. При этом само понятие *механизм правового регулирования* относится к идеальным моделям, поскольку такого реально существующего объекта в природе не существует [4, с. 12]. По представлению А. Ф. Черданцева, правовое регулирование имеет идеально-психологический, сознательно-волевой характер. Его элементы выступают идеальными объектами, формами мысли [5, с. 8–9]. В своем основополагающем курсе «Проблемы теории права» С. С. Алексеев в качестве основной, сквозной идеи курса назвал положение о механизме правового регулирования: «Право, правоотношения и все другие правовые явления рассматриваются в курсе как звенья единого механизма, обеспечивающего юридическое воздействие на общественные отношения. Это не только позволяет объединить все правовые явления в единую, целостную картину, отражающую единство и целостность правовой части надстройки, но и выяснить те особые функции, которые выполняет каждое из звеньев механизма в процессе юридического воздействия» [6, с. 15].

Исходя из недостаточности терминологической определенности указанного термина, в юридической литературе *механизм* сравнивается, а зачастую и смешивается с другими понятиями. Так, механизм правового регулирования следует ограничивать от методов правового регулирования. Эти термины несут самостоятельную смысловую нагрузку. Поскольку основной функцией языка является передача информации, четкое обозначение терминов, в частности механизма и метода правового регулирования, позволит определить смысл содержания каждого из этих понятий и разграничить их, тем самым обеспечить адекватную смысловую референцию этих правовых явлений.

Метод правового регулирования

Часто механизм и метод правового регулирования определяют через систему общих элементов, тем самым смешивая их. Особенно многообразны дефиниции, определяющие метод правового регулирования. Широкое определение метода предлагает В. М. Сырых: метод есть «органически целостная, сложная система приемов, способов, используемых для познания предмета данной науки, раскрытия закономерностей функционирования и развития права во всей их полноте и всесторонности» [7, с. 365].

Особый вклад в определение метода правового регулирования внесли представители советской юридической науки. В. Д. Сорокин определяет метод как «совокупность юридических приемов, средств, способов воздействия социальных управляющих систем, входящих в государ-

ственный аппарат, на социально-правовую среду в целом и на составляющие ее элементы» [8, с. 84].

Из перечисленных определений можно заключить, что метод правового регулирования определяется через такие ключевые понятия, как приемы и способы регулирования. При этом данные термины применяются и к определению другого понятия – *механизма правового регулирования*. Так, А. Д. Корецкий определяет механизм договорного регулирования через совокупность средств, приемов и методов [9, с. 52]. С. С. Алексеев справедливо различает эти термины, определяя механизм правового регулирования через систему юридических средств, а метод правового регулирования – как способ воздействия, который складывается из совокупности приемов юридического опосредствования общественных отношений [6, с. 132].

Приемы, способы правового регулирования

Отличия в первую очередь касаются самих понятий способов и приемов (для характеристики метода) и средств (для механизма правового регулирования). Однако в этом случае возникает другая коллизия: часто сами эти понятия (приемы, способы и средства) также смешиваются. Так, Д. И. Степанов рассматривает приемы и способы как наиболее простейший, элементарный уровень методологии, при этом приемы и способы не могут, по мнению автора, самостоятельно выступать в качестве научного инструментария в деле познания права. Как более высокий уровень методологии Д. И. Степанов расценивает метод, который, соединяя приемы и способы, характеризуется особыми, уникальными свойствами. Наивысшим уровнем методологии согласно позиции указанного автора выступает подход: «на уровне подхода методология обретает свой человеческий облик» [10, с. 5–6].

М. Ю. Осипов определяет способы правового регулирования как «юридические средства 1-го порядка, метод и тип правового регулирования – юридические средства 2-го порядка, нормы права и договора – юридические средства 3-го порядка» [11, с. 15]. То есть в трактовке М. Ю. Осипова средства – более широкое понятие, которое в том числе включает и метод правового регулирования. Под способами правового регулирования указанный автор понимает «приемы юридического воздействия, регламентирующие правовое поведение субъектов общественных отношений» [11, с. 16], выделяет четыре элемента структуры способа правового регулирования, в числе которых основание использования данного способа, предписание, объект и субъект. Представляется, что автор в анализе структуры способов правового регулирования придает им значение правоотношения.

Вместе с тем в толковых словарях русского языка слова *прием* и *способ* понимаются как синонимы. Согласно словарному определению способ – это действие или система

действий, которые применяются при исполнении какой-либо работы¹; а прием – способ, образ действий при выполнении, осуществлении чего-либо².

Средства правового регулирования

Термин *средства* является наиболее общим и применяется к различным правовым понятиям. Однако лексическое значение слова *средство* подразумевает его как прием, способ действия для достижения чего-либо³. Значит, отличие этого понятия от вышеуказанных заключается только в обозначении цели, для чего применяются те или иные приемы и способы.

Чаще всего правовые средства рассматриваются как институционный элемент юридической техники, который и образует механизм регулирования. А. В. Малько и К. В. Шундинов в рамках инструментальной концепции позитивного права определяют юридические (правовые) средства как «совокупность правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей» [12, с. 67]. Такое узкое понимание правовых средств не соответствует лексическому значению этого слова. Как верно отмечает С. С. Алексеев, это «весь спектр правовых феноменов различных уровней с той лишь особенностью, что они вычленились и рассматриваются не с позиции одних лишь нужд юридической практики, а с позиции их функционального предназначения, тех черт, которые характеризуют их как инструменты правового регулирования» [13 с. 349].

Правовые средства определяют существо не только методов регулирования, но и других основополагающих понятий. В частности, такие правовые средства, как дозволение, разрешение и запрет, А. А. Иванов использует как принципы разграничения частного и публичного права. Он отмечает, что «критерий деления права на частное и публичное состоит в том, что частное право основано преимущественно на принципе дозволения (дозволено все, что прямо не запрещено), а публичное – преимущественно на принципе разрешения (разрешено только то, что прямо предусмотрено)» [14, с. 50].

На наш взгляд, наиболее полное понимание правовых средств предложено В. С. Белых, который рассматривает их как собирательное понятие и выделяет три уровня таких средств: «средства первого уровня (нормы права, индивидуальные правовые акты), второго уровня (договоры, меры имущественной ответственности) и третьего уровня (касаются реализации и применения права, например, повышенные требования к качеству поставляемой продукции)» [15, с. 26]. Все эти средства объединены их общим

назначением: они являются инструментами, с помощью которых осуществляется правовое регулирование.

Помимо инструментальной концепции правовых средств эти элементы правового регулирования могут рассматриваться через призму деятельности. Действительно, анализ правовых средств в структуре деятельности выводит исследование механизма правового регулирования на новые рубежи, придает такому исследованию непосредственно практическую направленность [16, с. 28]. В частности, деятельность рассматривается в качестве целеустремленного поведения в рамках праксиологической теории, которая широко используется в экономической теории и в социологии. Праксиологическое рассмотрение углубляет понимание факторов, определяющих нормативное закрепление и выбор правовых средств [16, с. 25].

Б. И. Пугинский подчеркивает важность изучения правовых средств через деятельность и понимает под средствами «сочетание юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов)» [17, с. 91]. Данная позиция, безусловно, указывает на то, что средства обеспечивают результативность, достижение целей правового регулирования, а значит и их эффективность, поскольку средства могут служить основой любой правомерной деятельности. Если под средствами понимать инструменты правового регулирования, то они будут основанием осуществления юридически значимых действий, а соответственно, сочетание таких средств (норм, индивидуальных актов, договоров и т. п.) и будет направлено на достижение определенного правового результата. В связи с этим следует критически отнестись к позиции О. А. Герасимова, который понимает под отдельными средствами определенные действия на уровне правовых режимов и на уровне оперативного регулирования [18, с. 98–99]. Такие действия характеризуют не отдельные средства как элементы механизма правового регулирования, а описывают правовой режим.

На наш взгляд, юридические средства можно определить как правовые инструменты, отдельные элементы механизма правового регулирования, которые призваны упорядочить определенные общественные отношения.

Отраслевые методы правового регулирования

Наряду с обозначением метода правового регулирования как общеправового понятия в науке принято выделять и отраслевые методы, что, в свою очередь, является дискуссионным вопросом. В. Д. Сорокин определяет принадлежность метода всей системе права как целостному социальному явлению [8, с. 89]. В. М. Сырых предлагает использовать общенаучные методы, в числе которых выделять частнопроводные: формально-логический и метод сравнительного анализа, которые связаны «не столько с фактом их применения в познании

¹ Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Норинт, 2006. С. 1704.

² Там же, с. 1426.

³ Там же, с. 1708.

права, сколько со степенью модификации, приспособления тех или иных методов применительно к специфике правовых исследований» [7, с. 367].

На формирование метода правового регулирования предпринимательской деятельности договор оказывает существенное влияние через его понимание как сделки (разновидности юридического факта) и правоотношения, содержанием которого выступают права и обязанности сторон по договору. В случае правового регулирования предпринимательской деятельности совокупность таких юридических приемов дает основание сделать вывод о выделении особого отраслевого метода правового регулирования предпринимательских отношений – метода предпринимательского права.

При характеристике отраслевого метода учитываются также принципы правового регулирования отдельной отрасли. В. В. Груздев, исследуя гражданско-правовой метод правового регулирования, видит его особенности в «проистекающих из юридических принципов приемах ограничения гражданским правом свободы воли участников регулируемых данной отраслью общественных отношений. В числе таких приемов автор называет координацию, правонаделение, общее дозволение, конкретное дозволение» [19, с. 193]. По словам М. И. Байтина и Д. Е. Петрова, «отраслевые принципы представляют собой один из критериев соответ-

ствия юридических норм методу регулирования отрасли, служат предупреждению и разрешению возможных коллизий между ними, обеспечению стабильного и гармоничного функционирования отрасли» [20, с. 94]. Действительно, именно принципы, будучи основополагающими началами регулируемых правом конкретных правоотношений, отражают сущность метода правового регулирования, поскольку являются тем вектором, под воздействием которого и формируется метод правового регулирования. Так, принцип юридического равенства субъектов и автономии их воли обуславливает использование диспозитивного метода и, как следствие, применение приемов координации и дозволения (как общего, так и специального).

Заключение

Метод правового регулирования нельзя отождествлять с механизмом правового регулирования. Метод представляет собой совокупность приемов и способов, с помощью которых регулируются определенные общественные отношения. Механизм же правового регулирования является совокупностью определенных средств, инструментов, отражает некую технологию правового регулирования и направлен на обеспечение функционирования как системы права в целом, так и ее отдельных отраслей и институтов.

Литература

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 188 с.
2. Мильков А. В. К вопросу о механизме правового регулирования // Закон. 2012. № 3. С. 147–151.
3. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.
4. Тарасов Н. Н. К вопросу о предмете общей теории права и теоретических понятиях // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 9–21.
5. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 320 с.
6. Алексеев С. С. Собрание сочинений. Т. 3. Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.
7. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2001. 528 с.
8. Сорокин В. Д. Метод правового регулирования: теоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1976. 142 с.
9. Корецкий А. Д. Механизм договорного регулирования: понятие, структура и соотношение с методом гражданско-правового регулирования // Юрист-Правоведь. 2007. № 3. С. 51–55.
10. Степанов Д. И. Вопросы методологии цивилистической доктрины // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. О. Ю. Шиохвоста. М.: Норма, 2003. Вып. 6. С. 3–32.
11. Осипов М. Ю. Понятие и особенности целей и способов правового регулирования // Современное право. 2008. № 11. С. 14–17.
12. Малько А. В., Шундииков К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2003. 296 с.
13. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 710 с.
14. Иванов А. А. Проблемы публичного права России: взгляд со стороны // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2. С. 46–59.
15. Бельх В. С. К вопросу о сущности права: теоретические проблемы правопонимания // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 25–36.
16. Сапун В. А., Шундииков К. В. Инструментальная теория права и человеческая деятельность // Правоведение. 2013. № 1. С. 14–32.
17. Пугинский Б. И. Избранные труды. Сборник к 75-летию юбилею. М.: Юрайт, 2016. 522 с.
18. Герасимов О. А. Правовые средства обеспечения предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики // Власть Закона. 2017. № 1. С. 90–100.

19. Груздев В. В. О методе гражданского права // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 191–194.
20. Байтин М. И., Петров Д. Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 84–95.

On the Relationship between the Mechanism and the Method of Legal Regulation of Businesses

Natalia V. Rubtsova^{a, b, @, ID}

^a Novosibirsk State University of Economy and Management, 56, Kamenskaya St., Novosibirsk, Russia, 630099

^b Novosibirsk Law Institute (branch) of Tomsk State University, 7, Sovetskaya St., Novosibirsk, Russia, 630007

@ rubtsova@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1621-8499>

Received 31.03.2019. Accepted 20.06.2019.

Abstract: The paper features the correlation between the concepts of mechanism and method of legal regulation in the context of entrepreneurial activity. The research objective was to determine the features and prospects of the development of the mechanism of legal regulation in business sphere. The research was based on the General scientific dialectical method and such private scientific methods as comparative, historical, logical, and modeling. The paper describes separate elements of the mechanism of legal regulation that structure certain public relations. The authors analyzed opinions of legal scholars on the mechanism and method of legal regulation. The mechanism and the method of legal regulation proved to be non-identical concepts. In contrast to the method of legal regulation, which means a set of techniques and methods by which certain social relations are regulated, the mechanism of legal regulation reflects a certain technology of legal regulation. In addition, it ensures the functioning of both the system of law as a whole and its individual branches and institutions. This study can serve as a basis for a further analysis of the mechanism of legal regulation to determine its effectiveness in relation to business regulation.

Keywords: mechanism of legal regulation, method of legal regulation, legal means, techniques of legal regulation, methods of legal regulation, sectoral method of legal regulation

For citation: Rubtsova N. V. On the Relationship between the Mechanism and the Method of Legal Regulation of Businesses. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 181–186. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-1-181-186>

References

1. Alekseev S. S. *The mechanism of legal regulation in the socialist state*. Moscow: Iurid. lit., 1966, 188. (In Russ.)
2. Milkov A. V. On the issue of the mechanism of legal regulation. *Zakon*, 2012, (3): 147–151. (In Russ.)
3. Vasil'ev A. M. *Legal category. Methodological aspects of the development of the system of categories of the theory of law*. Moscow: Iurid. lit., 1976, 264. (In Russ.)
4. Tarasov N. N. On the subject of general theory of law and theoretical concepts. *Russian Juridical Journal*, 2015, (6): 9–21. (In Russ.)
5. Cherdantsev A. F. *Logical-linguistic phenomena in the law*. Moscow: Norma: Infra-M, 2012, 320. (In Russ.)
6. Alekseev S. S. *Collected works. Vol. 3. Problems of the theory of law: Lectures*. Moscow: Statut, 2010, 781. (In Russ.)
7. Syrykh V. M. *Logical foundations of the General theory of law. Vol. 1. Elemental composition*. Moscow: Yusticinform, 2001, 528. (In Russ.)
8. Sorokin V. D. *Method of legal regulation: theoretical problems*. Moscow: Iurid. lit., 1976, 142. (In Russ.)
9. Koretsky A. D. Mechanism of contractual regulation: concept, structure and relationship with the method of civil regulation. *Yurist-Pravoved*, 2007, (3): 51–55. (In Russ.)
10. Stepanov D. I. Questions of methodology of civil doctrine. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava*, ed. Shilokhvost O. Yu. Moscow: Norma, 2003, iss. 6, 3–32. (In Russ.)
11. Osipov M. Yu. Concept and features of the purposes and methods of legal regulation. *Sovremennoe parvo*, 2008, (11): 14–17. (In Russ.)
12. Malko A. V., Shundikov K. V. *Aims and means in law and legal policy*. Saratov: Saratovskaia gos. akademiia prava, 2003, 296. (In Russ.)

13. Alekseev S. S. *Right. ABC. Theory. Philosophy: The Experience of Integrated Research*. Moscow: Statut, 1999, 710. (In Russ.)
14. Ivanov A. A. Problems of Russian public law: a view from the outside. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii*, 2017, (2): 46–59. (In Russ.)
15. Belyh V. S. On the question of the nature of law: theoretical problems of law understanding. *Russian Juridical Journal*, 2012, (3): 25–36. (In Russ.)
16. Sapun V. A., Shundikov K. V. Instrumental theory of law and human activity. *Pravovedenie*, 2013, (1): 14–32. (In Russ.)
17. Puginsky B. I. *Selected works. Collection for the 75th anniversary*. Moscow: Iurait, 2016, 522. (In Russ.)
18. Gerasimov O. A. Legal means of providing business activity in the real sector of the economy. *Vlast' Zakona*, 2017, (1): 90–100. (In Russ.)
19. Gruzdev V. V. On the method of civil law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (417): 191–194. (In Russ.)
20. Baitin M. I., Petrov D. E. Method of regulation in the system of law: types and structure. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2006, (2): 84–95. (In Russ.)

«Процессуальная революция». Обзор изменений в гражданские процессуальные кодексы

Егор С. Трезубов^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ egortrezubov@mail.ru

ID <https://publons.com/researcher/N-9078-2017>

Поступила в редакцию 12.04.2019. Принята к печати 16.05.2019.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются отдельные, наиболее существенные, по мнению автора, изменения, внесенные Федеральным законом от 28.01.2018 № 451-ФЗ в Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ. Пул поправок, названный в СМИ «процессуальной революцией», затронул одновременно многие институты, способствуя, с одной стороны, унификации гражданского процесса, внося правовую определенность по многим вопросам, а с другой – упрощая некоторые отдельные процедуры. Отдельные изменения закрепляют правила, сформировавшиеся в судебной практике, другие являются по существу переходными и предполагают необходимость последующей доработки. Исследуются следующие новеллы: модернизация института компетенции судов в контексте доступности судебной защиты, упрощение и унификация процедуры рассмотрения отвода состава суда, расширение сферы упрощенных процедур рассмотрения требований, закрепление правил сплошной кассации в гражданском и административном судопроизводстве и др. Данная статья по своей сути является обзорной и призвана ознакомить читателей с предстоящими изменениями, а также с мнением автора относительно реализуемой процессуальной реформы. В процессе исследования отдельным рассматриваемым изменением дается позитивная характеристика, обосновывается необходимость реформирования. Между тем ряд нововведений не выдерживает критики, поскольку они приведут к ограничению прав участников процессуальных отношений. Также в статье обосновывается, что новеллы «процессуальной революции» не способны привести к желаемому результату – оптимизации нагрузки деятельности судов.

Ключевые слова: судебная реформа, унификация гражданского процесса, компетенция судов, передача дела по правилам компетенции, упрощенное производство, сплошная кассация, пересмотр судебных актов

Для цитирования: Трезубов Е. С. «Процессуальная революция». Обзор изменений в гражданские процессуальные кодексы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 187–198. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-187-198>

Введение

Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ № 451-ФЗ) внесено значительное количество поправок в отечественные нормативные акты, в первую очередь, регулирующие процессуальные правоотношения. Данный закон продолжает тенденцию унификации трех гражданских процессуальных кодексов, причем по степени охвата является уникальным, по масштабу изменений может соперничать с поправками, внесенными в свете создания единого Верховного Суда РФ в 2014 г. Как следует из текста пояснительной записки к законопроекту², ключевы-

ми целями реформы является создание условий функционирования подсистем судов общей юрисдикции и арбитражных судов в рамках единой судебной системы, а также в повышении эффективности судебных разбирательств и экономии денежных средств [1, с. 21]. Вносимые ФЗ № 451-ФЗ изменения вступят в законную силу одновременно с даты начала деятельности самостоятельных федеральных кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции³, т. е. не позднее 01.10.2019. Как ни странно, рассматриваемые поправки посвящены не только регулированию деятельности новых судов проверочных инстанций, многие изменения направлены на оптимизацию нагрузки судов первой инстанции.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ // СЗ РФ. 03.12.2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523.

² О внесении изменений в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и отдельные законодательные акты РФ. Проект ФЗ № 383208-7 // СПС КонсультантПлюс.

³ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 30.07.2018. № 31. Ст. 4811.

Кроме того, итоговая редакция ФЗ № 451-ФЗ существенно отличается от первоначального текста проекта № 383208-7, внесенного на основании Постановления Пленума ВС РФ № 30 от 03.10.2017⁴ (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 30). В отдельных вопросах в настоящей статье мы будем обращаться как к первоначальному тексту законопроекта, так и к ФЗ № 451-ФЗ, что позволит обнаружить политико-правовой контекст изменений.

Также следует отметить, что изменения «процессуальной революции» чрезвычайно широко обсуждались в юридическом сообществе на площадках самого разного уровня, учитывая широкий спектр новелл, в очень короткое время появилось значительное число публикаций в периодических изданиях. Данные вопросы обсуждались и студентами Юридического института Кемеровского государственного университета в формате научно-практического круглого стола с участием действующих судей, адвокатов, профессорско-преподавательского состава кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса КемГУ⁵.

Все наиболее значимые изменения цивилистических процессуальных кодексов, внесенные ФЗ № 451-ФЗ, можно разделить на группы в зависимости от реформируемых институтов: компетенция судов, отводы составу суда, представительство⁶; примирительные процедуры; упрощенное производство, приказное производство; производство в суде апелляционной инстанции; пересмотр вступивших в законную силу постановлений в кассационном порядке; пересмотр судебных актов в порядке надзора. Кроме того, есть технические изменения, не являющиеся фундаментальными и не меняющие в корне представление о корректируемом институте. Поэтому настоящую обзорную публикацию целесообразно структурировать на разделы, посвященные реформируемым институтам.

Компетенция vs подведомственность и подсудность

Подведомственность является традиционным для российского цивилистического процесса понятием, посредством правил подведомственности разграничиваются юрисдикционные полномочия судов общей юрисдикции, арбитражных судов, третейских судов, иных органов общественной юрисдикции, несудебных государственных органов и т. д. АПК РФ в действующей редакции использует содержательно и терминологически сбалансированную категорию компетенции, включающую в себя правила подведомственности (в первую очередь, разграничивающие сферу деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов), а также правила подсудности (позволяющие определить конкретный

арбитражный суд, уполномоченный на рассмотрение дела). Правила подведомственности первичны по отношению к правилам подсудности. В цивилистических процессуальных кодексах в редакции ФЗ № 451-ФЗ термин *подведомственность* заменяется на термин *компетенция*, а правила разграничения юрисдикционных полномочий между судами общей юрисдикции и арбитражными судами включаются в категорию *подсудность*. Такая новелла объясняется социализацией процесса и закреплением возможности суда, принявшего дело к своему производству с нарушением своей компетенции передать дело не только в суд той же подсистемы по традиционным правилам подсудности, но и в суд иной подсистемы по старым правилам подведомственности. При этом, учитывая чрезвычайно большое количество судов общей юрисдикции, с целью организационного удобства в соответствии с ч. 4 ст. 39 АПК РФ в редакции ФЗ № 451-ФЗ арбитражный суд, установив, что рассматриваемое дело относится к компетенции суда общей юрисдикции, не должен будет выяснять правила родовой и территориальной подсудности, а передает дело в соответствующий областной, краевой и приравненный к ним суд субъекта. Такое решение нельзя назвать безупречным и основанным на балансе частных и публичных интересов. Арбитражному суду, установившему нарушение правил собственной компетенции при рассмотрении спора, все равно придется сделать вывод о территориальной подсудности спора и очевидно разграничить компетенцию ВС РФ, военных судов и иных судов общей юрисдикции по правилам родовой подсудности. По сути, арбитражный суд все равно сделает вывод о конкретном суде, уполномоченном на рассмотрение спора. А значит, перенаправление материалов в областной суд для последующей передачи уже определенному суду приведет лишь к увеличению сроков рассмотрения дела, явно не будет способствовать процессуальной экономии.

Кроме того, мы согласны с В. В. Ярковым, отмечающим, что для реализации полномочий передачи неподведомственного дела в суд, компетентный на рассмотрение такого спора, вовсе не требуется упразднить термин *подведомственность*, широко применяемый как в теории, так и на практике [2, с. 32; 3]. Как справедливо отметил С. В. Сарбаш, исключение из оборота термина *подведомственность* может привести к слиянию судов общей юрисдикции и арбитражных судов, в противном случае, при сохранении двух подсистем споры о компетенции останутся, а будут ли это споры о подведомственности или споры о подсудности – не так важно [1, с. 31]. Разумнее было бы закрепить правило

⁴ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Постановление Пленума ВС РФ от 03.10.2017 № 30.

⁵ Программа дискуссионного круглого стола «Реформирование цивилистического процесса в контексте законотворческих инициатив Пленума Верховного Суда РФ в 2017–2018 гг.». Режим доступа: <http://ui.kemsu.ru/news/651/> (дата обращения: 16.02.2019).

⁶ Вопрос введения образовательного ценза для представителей в ГПК РФ и АПК РФ в настоящей статье не рассматривается, поскольку данная тема раскрыта в иной работе, опубликованной в текущем выпуске журнала.

передачи дела по подведомственности в определенных случаях, тем более что такой механизм предусмотрен статьями 29.5 и 29.7 Кодекса об административных правонарушениях РФ и давно применяется в практике судов общей юрисдикции и административных органов при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Сама возможность передачи дела по правилам компетенции из суда общей юрисдикции в арбитражный суд и, наоборот, из арбитражного суда в суд общей юрисдикции при условии сохранения законодательного запрета споров о компетенции может рассматриваться как одна из эффективных мер борьбы со злоупотреблением правом при применении процессуальных правил определения компетентного юрисдикционного органа по рассмотрению гражданских или административных дел [4].

Данная новелла представляется следствием создания единого ВС РФ и восприятия всей судебной системы как единого целого, невзирая на самостоятельные федеральные конституционные законы, регламентирующие статус арбитражных судов и судов общей юрисдикции. В судебной практике неоднократно признавалось необходимым рассмотрение арбитражным судом дела, по существу ему не подведомственного, но в рассмотрении которого уже отказано вступившим в законную силу актом суда общей юрисдикции⁷. Иной подход свидетельствовал бы об умалении гарантированного Конституцией РФ права на судебную защиту. Очевидно, в данном случае происходит отступление от стандартов законности в ее буквальном понимании, но лицу тем самым гарантируется судебная защита его права и правовая определенность. Формальный отказ в защите нарушенного права недопустим, а техническое решение, предложенное в ФЗ № 451-ФЗ, является последовательным развитием социализации процесса и создания гарантий для реализации права на судебную защиту.

Также нельзя не отметить, что ФЗ № 451-ФЗ вносятся изменения в правила родовой подсудности мировых судей. Так, со дня вступления в силу данных поправок станут подсудными районным судам дела об определении порядка пользования имуществом, а цена требований по искам о защите прав потребителей, относящимся к компетенции мировых судей, будет увеличена до 100 тыс. руб. (п. 5 ч. 1 ст. 23 Гражданского процессуального кодекса РФ в редак-

ции ФЗ № 451-ФЗ и подп. 6.1 п 1 ст. 3 ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»⁸). Данное предложение М. С. Трофимова оценивает критически, указывая на риск чрезмерного увеличения нагрузки на деятельность мировых судей [5]. Кроме того, стремление законодателя увеличить пороговое значение цены иска воспринимается данным автором критически, поскольку данная новелла подчеркивает непоследовательность законодателя – в 2008 г. стоимостный порог всех подсудных мировым судьям требований уже повышался до 100 тыс. руб., но ввиду неспособности мировой юстиции справиться со значительным ростом числа дел в 2010 г. в ст. 23 ГПК РФ и ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» вновь были внесены изменения, и сумма подсудных имущественных требований снижена до 50 тыс. руб.

Очевидно, что дел о защите прав потребителей суды рассматривают в десятки раз больше, чем дел об определении порядка пользования имуществом, в связи с чем «обмен» с районными (городскими) судами категории дел будет неравнозначным. Между тем в силу правил ст. 232.2 ГПК РФ как в действующей, так и в будущей редакции «потребительские иски» с ценой требований до 100 тыс. руб. должны быть рассмотрены в порядке упрощенного производства, а дела об определении порядка пользования имуществом могут рассматриваться только в ординарной исковой процедуре. Зачастую дела по требованиям о защите прав потребителей не представляют собой особой сложности, по данной категории дел правоприменителем уже указывалось на возможность разрешения мировыми судьями вытекающего из правил ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей»⁹ требования о компенсации морального вреда, заявляемого дополнительно к имущественным требованиям¹⁰, что является отступлением от общих правил родовой подсудности. Мировыми судьями выработана стабильная практика по разрешению типичных потребительских споров, а с учетом общего удорожания уровня жизни в стране повышение цены иска по одной категории дел для определения родовой подсудности не вызывает принципиальных возражений. Кроме того, Пленум ВС РФ разъяснил, что в порядке упрощенного производства должны рассматриваться дела, в которых наряду с подлежащими рассмотрению в таком порядке

⁷ См. например: Постановление Президиума ВАС РФ от 21.10.2008 № 7131/08 по делу № А19-11023/07-27 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 1; Постановление Президиума ВАС РФ от 29.06.2012 № 17607/11 по делу № А40-82386/10-23-697 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9; Постановление Президиума ВАС РФ от 26.03.2013 № 15480/12 по делу № А40-59243/12-6-553 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8; Постановление Президиума ВАС РФ от 25.06.2013 № 14520/12 по делу № А41-26287/2009 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 11.

⁸ О мировых судьях в Российской Федерации. ФЗ от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // СЗ РФ. 21.12.1998. № 51. Ст. 6270.

⁹ О защите прав потребителей. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.06.2018) // Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992. № 15. Ст. 766.

¹⁰ См. например: О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан, пп. «б» п. 4. Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8; О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств, п. 88. Постановление Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

требованиями потребителя о взыскании денежных средств заявлено требование о компенсации морального вреда¹¹. Возможно, прирост числа дел все же заставит мировых судей чаще использовать процедуру упрощенного производства, о достоинствах и недостатках которой мы скажем далее.

Изменение порядка разрешения вопроса об отводе судьи в арбитражном процессе

ФЗ № 451-ФЗ внесены изменения в ст. 25 АПК РФ, регламентирующую порядок разрешения заявленного отвода. Теперь при единоличном рассмотрении дела председательствующий будет разрешать вопрос об отводе в отношении самого себя, а при коллегиальном рассмотрении дела – этой же коллегией суда в отсутствие отводимого, если отвод заявлен одному судье, или всей коллегией простым большинством голосов, если отвод заявлен несколькими судьями. Прежнее правило ч. 2 и ч. 3 ст. 25 АПК РФ, в соответствии с которым вопрос об отводе судьи, единолично рассматривающим дело, или несколькими судьями, входящим в состав коллегии, рассматривающей дело, разрешается председателем арбитражного суда, заместителем председателя арбитражного суда или председателем судебного состава, упраздняется в целях процессуальной экономии и унификации с правилами ч. 2 ст. 20 ГПК РФ и ч. 2–3 ст. 35 Кодекса административного судопроизводства РФ. Совершенно очевидно, что отменное правило ч. 2 ст. 25 АПК РФ предполагает в большей степени беспристрастное рассмотрение вопроса и гарантирует соблюдение стандартов независимости состава суда, рассматривающего дело [6, с. 42–43]. Между тем разрешение ходатайства об отводе судьи, единолично рассматривающего дело, председателем арбитражного суда, его заместителем или председателем судебного состава, требует продолжительного периода времени, в течение которого дело не может рассматриваться. Поскольку в силу ч. 5 ст. 25 АПК РФ по результатам разрешения вопроса об отводе судьи выносится мотивированное определение лицом, по общему правилу не входящим в состав суда, рассматривающего дело, в абсолютном большинстве случаев в судебном заседании должен быть объявлен перерыв или разбирательство должно быть отложено. Возможность увеличения сроков рассмотрения дела посредством заявления надуманных ходатайств нередко использовалась лицами, участвующими в деле, и их представителями с целью необоснованного затягивания процесса [7]. При этом в полной мере от злоупотребления процессуальными правами не позволяют защититься даже правила ч. 3 ст. 24 АПК РФ, запрещающие повторное заявление ходатайства об отводе по тождественным

основаниям, и ч. 2 ст. 41 АПК РФ, устанавливающие общие последствия злоупотребления.

Оценка конституционно-правового смысла процедуры рассмотрения вопроса об отводе самим отводимым судьей неоднократно давалась Конституционным Судом РФ: Само по себе такое правовое регулирование не нарушает конституционные права участников судопроизводства, поскольку «доверие к суду может быть поставлено под сомнение только на основе достоверных и обоснованных доказательств, свидетельствующих об обратном, обязанность представления которых лежит на заинтересованном участнике судопроизводства; результаты оценки судом этих доказательств должны быть отражены в мотивированном определении; возражения на такое определение могут быть сформулированы заинтересованным лицом при обжаловании в суд вышестоящей инстанции судебного акта, которым дело разрешается по существу»¹². Несмотря на такое утверждение, КС РФ также отмечал обеспечение большего объема гарантий конституционных прав в процедуре разрешения ходатайства об отводе, закрепленного в еще действующей редакции АПК РФ¹³. Понимая несовершенство обоих механизмов рассмотрения вопроса об отводе судьи, законодатель выбрал путь упрощения и закрепил необходимость разрешения ходатайства по общему правилу в этом же заседании, что приведет к экономии сроков рассмотрения дела и, вероятно, позволит снизить риски недобросовестного заявления ходатайств об отводе судьи с целью затянуть сроки рассмотрения дела. Формально, сохраняя в качестве существенного нарушения процессуального закона, влекущего безусловную отмену решения суда в апелляционном и кассационном порядке, рассмотрение дела в незаконном составе суда, гарантируется соблюдение прав и законных интересов участников процесса. Между тем в вопросе оснований отвода состава суда все еще остается множество пробелов, а судебная практика в аспектах оценки независимого состава суда крайне нетранспарентна.

Развитие упрощенного и приказного производства

Изменения, внесенные ФЗ № 451-ФЗ, направлены на унификацию процедуры упрощенного производства посредством рецепции некоторых правил арбитражного процесса в ГПК РФ и КАС РФ, а также данные поправки увеличивают порог суммы требований, которые могут быть рассмотрены арбитражными судами в порядке упрощенного производства, при этом расширения сферы данной процедуры рассмотрения дела в гражданском процессе или административном судопроизводстве не произошло.

¹¹ О некоторых вопросах применения судами положений ГПК РФ и АПК РФ об упрощенном производстве, п. 6. Постановление Пленума ВС РФ от 18.04.2017 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6.

¹² См. например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 20 и ст. 59 ГПК РФ. Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1204-О // СПС КонсультантПлюс; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волгина Геннадия Александровича на нарушение его конституционных прав частью четвертой ст. 65 УПК РФ. Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2013 № 1807-О // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Восканяна Мгера Жораевича на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 25 АПК РФ. Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 № 550-О // СПС КонсультантПлюс.

Данная осторожность законодателя основана в первую очередь на том, что упрощенное производство так и не стало популярным. Во многом причина провала упрощенного производства в гражданском процессе связана с недочетами нормативного регулирования [8, с. 89], отсутствием необходимых программных средств, обеспечивающих ознакомление с материалами дела и принятыми судебными актами, а также отсутствием действительной экономии в сроках рассмотрения дела. К сожалению, главные проблемы упрощенного производства в гражданском процессе ФЗ № 451-ФЗ не устраняются. В пояснительной записке к законопроекту № 383208-7 Пленум ВС РФ указывал, что задачей реформирования видится рассмотрение в упрощенном порядке более 50 % всех требований о взыскании денежных средств¹⁴. Не вызывает сомнений, что в арбитражном процессе, в отличие от гражданского, популярность упрощенного производства с увеличением пороговой стоимости требований лишь возрастет, поскольку информационные технологии, применяемые в деятельности арбитражных судов, позволяют соблюдать баланс между ускорением рассмотрения требований и обеспечением доступности правосудия.

Не секрет, что отечественная судебная система перегружена делами, в которых зачастую отсутствует действительный спор о праве, суды вынуждены разрешать требования о взыскании неоспариваемой задолженности. Как справедливо отмечает М. Л. Скуратовский, сегодня оптимизация арбитражного процесса идет экстенсивным путем, посредством введения количественных критериев, направленных на изъятие из сферы ординарного состязательного процесса несложных дел, преследуя единственную цель судейской корпорации – оптимизацию нагрузки [9, с. 15]. ВС РФ в законопроекте № 383208-7 предлагал продолжить тенденцию расширения сферы письменных процедур разрешения требований о взыскании незначительных сумм, однако данная идея нашла свое отражение только применительно к увеличению сумм требований, рассматриваемых арбитражными судами по делам приказного производства (до 500 тыс. руб. вместо прежних 400 тыс. руб.) и по делам упрощенного производства (о взыскании денежных средств, если цена иска не превышает для юридических лиц 800 тыс. руб., для индивидуальных предпринимателей 400 тыс. руб. вместо прежних 500 и 250 тыс. руб. соответственно). Возможность исключения при производстве по отдельным категориям дел излишнего формализма оценивалась в практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и признавалась им как не противоречащая сути Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., поскольку принцип доступности правосудия предполагает обеспечение его содержательных характеристик

[10, с. 125], т. е. устанавливает необходимость достижения общей цели обращения в суд – защиты нарушенного права наиболее оптимальным способом. Организационные аспекты отправления правосудия в практике ЕСПЧ оцениваются как вторичные. В стремлении оптимизировать нагрузку системы без увеличения бюджетных расходов законодателю необходимо учитывать, что цена иска далеко не в каждом случае указывает на элементарность спора. Помимо субъективного восприятия цены требования для лиц, участвующих в деле, и персональной ценности взыскиваемых средств [11, с. 40–41], необходимо учитывать и материально-правовую сложность рассматриваемого спора. Кроме того, стремление государства рассмотреть дела с незначительной суммой требований без проведения судебного заседания с отступлением от общих стандартов состязательности приводит к ограничению прав лиц, участвующих в деле. Так, одной из важных проблем интенсификации упрощенных процедур рассмотрения спора судами стало ограничение реализации права на взыскание судебных издержек лицом, в пользу которого вынесен судебный акт. В приказном производстве вовсе не сформировалось единой практики по данному вопросу¹⁵, отсутствуют и разъяснения ВС РФ, а позиция, отраженная в Определении КС РФ от 28.02.2017 № 378-О¹⁶, не выдерживает никакой критики, поскольку *de lege ferenda* является неправильной и несправедливой. В упрощенном производстве судебные издержки выигравшему лицу возмещают, но в еще меньшем размере, чем принято взыскивать в ординарных процедурах. Здесь неуместно говорить ни о стимулирующей, ни о компенсационной функциях возмещения судебных расходов. При этом, поскольку качество и объем оказываемых представителем услуг своему доверителю не должны изначально ставиться в зависимость от исхода дела (хотя бы потому, что правила ст. 110 АПК РФ, ст. 98 и 100 ГПК РФ предписывают возмещать за счет проигравшего лица расходы, которые фактически выигравший в споре участник понес), повсеместно складывается ситуация, когда истец несет расходы на рассмотрение спора в большей сумме, чем ему возмещают за счет ответчика. За рамками обсуждения остается и перспектива реального взыскания присужденного в ходе отечественного исполнительного производства. В этой связи стремление упростить процедуры рассмотрения все большего количества требований без сохранения должного объема гарантий на возмещение фактических расходов, связанных с рассмотрением дела, без обеспечения достаточных гарантий состязательности является неэффективным. В действительности любые модификации процедуры рассмотрения дел судами допустимы только тогда, когда они не могут привести к умалению процессуальных гарантий, когда будет обеспечена действительная,

¹⁴ О внесении в Государственную Думу...

¹⁵ Подробнее о проблеме распределения судебных расходов в приказном производстве см. [12].

¹⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шабанова Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 98 ГПК РФ. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 378-О // СПС Консультант Плюс.

а не декларативная защита прав и законных интересов лиц, участвующих в деле [13, с. 33].

В литературе неоднократно высказывались обоснованные позиции о целесообразности возвращения к советской практике совершения исполнительных надписей нотариусами по бесспорным требованиям вместо выдачи судебного приказа [11, с. 41–42; 14, с. 45–46]. Данные доводы заслуживают поддержки лишь с одной корректировкой. В настоящее время отсутствует де-факто институт государственных нотариусов, и в отдельных местностях, удаленных от региональных центров, отсутствуют нотариусы (их функции вынуждены выполнять должностные лица органов местного самоуправления), что препятствует доступности юрисдикционной формы защиты. Расширение сферы исполнительной надписи нотариуса может иметь место лишь при условии, что обращение к механизму взыскания задолженности, подтвержденной бесспорными доказательствами, будет основано на диспозитивных началах, и что стоимость нотариальной услуги по совершению исполнительной надписи не будет существенно отличаться от размера государственной пошлины за выдачу судебного приказа. В противном случае закрепление в Перечне документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей¹⁷, новых документов, не приведет к разгрузке судебной системы.

Полагаем, что оптимизация нагрузки судов по рассмотрению тех или иных требований может быть осуществлена и посредством введения обязательной досудебной административной процедуры взыскания задолженности по отдельным видам требований (заработной платы, коммунальных платежей, расходов на услуги связи и т. д.) при условии сохранения компетенции суда по контролю за соответствующими действиями по заявлению заинтересованных лиц. Эффект частичной оптимизации нагрузки данный способ решения уже продемонстрировал в практике разрешения налоговых споров с предпринимателями в арбитражных судах, количество соответствующих дел сократилось, чему способствовала как сформировавшаяся практика поддержки позиции налогового органа в споре, так и то обстоятельство, что решения территориальных органов Федеральной налоговой службы России подлежат принудительному исполнению еще до того, как налогоплательщик обращается в суд с требованием о признании данного акта незаконным.

Но нужно учитывать, что расширение внесудебных форм взыскания не приведет к оптимизации бюджетных расходов. Напротив, потребуются расширение, причем за счет привлечения квалифицированных кадров, аппарата жилищных инспекций, трудовых инспекций и других органов, на которые будет возложена соответствующая функция. Убеждены, что в вопросе оптимизации нагрузки

судов нельзя обеспечить одновременно экономию бюджета, сокращение численности судей или аппарата административного органа, и гарантировать соблюдение баланса частных и публичных интересов с сохранением состязательности и права на судебную защиту. Оптимизировать со временем бюджетные расходы в рассматриваемой части позволит только внедрение искусственного интеллекта в процесс разрешения наиболее простых споров, тем более что такие процедуры уже известны мировой практике разрешения часто-правовых споров в арбитраже или во внесудебном порядке на базе интернет-ресурсов [15].

Реформирование инстанционного пересмотра. Экстерриториальная апелляция и сплошная кассация в ГПК РФ и КАС РФ

Данные изменения не коснулись арбитражного процесса. Система арбитражных судов использовалась, по сути, как качественный прообраз для построения системы апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. По правилам ГПК РФ и КАС РФ в редакции, действующей до внесения изменений ФЗ № 451-ФЗ, объем прав лиц, заинтересованных в обжаловании судебного акта, существенным образом отличается в зависимости от правил родовой подсудности. Так, если дело подсудно мировому судье, то вынесенное решение или определение в случае допустимости обжалования может быть пересмотрено в апелляционном порядке районным (городским) судом, а затем в экстраординарном кассационном порядке президиумом суда субъекта. На этом, если суд кассационной инстанции по существу не принял постановление, жизнь дела оканчивается. Если решение рассмотрено по первой инстанции районным (городским) судом, а таких случаев абсолютное большинство (если не брать во внимание дела приказного производства), решение в апелляционном порядке пересматривается судебной коллегией областного суда, в первом кассационном порядке – в президиуме областного суда, во втором – судебной коллегией ВС РФ. Что касается дел, отнесенных по правилам родовой подсудности к компетенции областных и приравненных к ним судов, а также рассматриваемых по правилам первой инстанции ВС РФ, для них кассационный порядок обжалования по общему правилу не предусмотрен, допустима лишь проверка в ординарном апелляционном порядке и экстраординарном надзорном порядке. Из данного правила есть исключения. Одна из распространенных категорий дел – об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости – относится к компетенции верховного суда республики, краевого, областного и приравненного к нему суда субъекта, но решения судьбы по делам, рассматриваемым по правилам гл. 25 КАС РФ, в силу ч. 5 ст. 249 КАС РФ обжалуются в апелляционном порядке не в ВС РФ, а в апелляционную коллегию

¹⁷ Об утверждении перечня документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей. Постановление Правительства РФ от 01.06.2012 № 543 // СЗ РФ. 11.06.2012. № 24. Ст. 3181.

этого же суда субъекта, после чего возможно обжалование в кассационном порядке в Судебную коллегию по административным делам ВС РФ (п. 3 ч. 2 ст. 319 КАС РФ).

Совмещение функций нескольких инстанций в одном суде справедливо рассматривается как потенциальная угроза для правовой определенности и объективной беспристрастности при рассмотрении дела, в этой связи необходимость создания экстерриториальной системы судов общей юрисдикции проверочных инстанций вызвана объективными причинами, в том числе необходимостью обеспечения независимого и беспристрастного рассмотрения дела в апелляционном и кассационном порядке [16, с. 4].

Возможность неоднократного пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу, по тождественным основаниям в гражданском процессе долгие годы является предметом критики со стороны ЕСПЧ, практикующих юристов и ученых-процессуалистов. На текущий момент отечественный ГПК РФ и КАС РФ закрепляют правила двух кассационных пересмотров судебных актов, причем оба этих инстанционных порядка являются экстраординарными, предполагающими необходимость преодоления фильтра предварительного изучения жалобы и приложенных к ней материалов судьей суда кассационной инстанции, а основания к отмене или изменению постановлений в обеих кассационных инстанциях единые – существенные нарушения норм материального и процессуального права, без устранения которых невозможна защита нарушенного права. Смещение обеих кассаций по своему существу даже судьями ВС РФ оценивается критически и воспринимается как свидетельство фиктивности данного механизма [17, с. 139]. Между тем одним из базовых принципов инстанционного построения судебной системы является девальюитивность, предполагающая, что право пересмотра и отмены судебных актов должно быть предоставлено только вышестоящему по отношению к вынесшему оспариваемое решение суду. Текущая модель пересмотра в суде первой кассационной инстанции в гражданском процессе и административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции предполагает, что пересмотр апелляционных определений областных и приравненных к ним судов субъектов осуществляют президиумы этих же судов, а кассационные жалобы и представления на предмет их обоснованности предварительно изучаются судьями этого же суда [18, с. 46]. Вполне естественно, что такое положение вещей не могло быть признано отвечающим стандартам инстанционности. Кроме того, в целях обеспечения правовой определенности каждая следующая проверочная стадия судебного процесса должна быть направлена на устранение все более существенных ошибок, сужая не только количество судов, реализующих полномочия в рамках данной стадии, но и уменьшающих основания для отмены оспариваемых постановлений. Л. А. Терехова отмечает, что существующие сегодня достаточно широкие возможности для вмешательства в судьбу уже разрешенного дела свидетельствуют об отступлении от указанного принципа [19, с. 8].

Текущая реформа процессуального законодательства привела не только к созданию «сплошной» кассации и обособлению судов первой кассационной инстанции от судов, одновременно выполняющих функции проверки не вступивших в законную силу актов в апелляционном порядке. Юрисдикция новых кассационных судов общей юрисдикции основана на экстерриториальных началах с тем, чтобы судебные округа не совпадали с административно-территориальным делением России [17, с. 138]. Кроме того, с даты вступления в силу изменений, вносимых ФЗ № 451-ФЗ, при разрешении вопроса о приемлемости первой кассационной жалобы появляется полномочие по оставлению жалобы без движения в случае установления нарушений по форме и содержанию, а также разграничиваются основания для отмены и изменения постановлений в первой и второй кассации.

Согласно ч. 1 ст. 379.7 ГПК РФ в новой редакции основаниями для отмены или изменения судебных постановлений кассационным судом общей юрисдикции являются несоответствие выводов суда, содержащихся в обжалуемом судебном постановлении, фактическим обстоятельствам дела, установленным судами первой и апелляционной инстанций, нарушение либо неправильное применение норм материального права или норм процессуального права. Аналогичное правило устанавливается ч. 2 ст. 328 КАС РФ в редакции ФЗ № 451-ФЗ. Таким образом, суд первой кассационной инстанции будет проверять вступившие в законную силу судебные акты на предмет их законности и обоснованности, что с учетом сплошного характера проверки позволит в большей степени гарантировать реализацию права на судебную защиту для лиц, участвующих в деле. Вторая кассация ФЗ № 451-ФЗ практически не реформируется и по-прежнему остается экстраординарной (кроме случаев рассмотрения кассационной жалобы на решения областных судов, принятые в первой инстанции, и проверенные в апелляционном порядке апелляционными судами общей юрисдикции), ее деятельность во многом останется недостаточно транспарентной по причине сохранения механизма фильтрации жалоб с целью предварительного изучения существенности нарушений. В условиях практически полной неработоспособности надзорной инстанции в отечественном гражданском процессе положительным эффектом рассматриваемой реформы станет создание двух разных по сути кассационных инстанций и нормативное закрепление четырех судебных инстанций. Остается надеяться, что судебные коллегии ВС РФ не снизят темп своей деятельности, а Президиум ВС РФ и Пленум ВС РФ будут принимать соответствующие акты официального толкования, направленные на формирование единообразия правоприменительной практики.

Несмотря на безусловные преимущества создания сплошной кассации, как житель города Кемерово, в котором начнет функционировать Восьмой кассационный суд общей юрисдикции, автор данной статьи не может не отметить одну чрезвычайно серьезную проблему, хотя и далекую от процессуального права. Правила производства в суде первой кассационной инстанции будут предполагать

проведение большого количества судебных заседаний, в которых, очевидно, будут желать присутствовать лица, участвующие в деле. Кемерово сегодня находится с точки зрения транспортной доступности в крайне неудачном положении – ограниченное (только в направлении Москвы) и дорогое по сравнению с соседними Томском и Новосибирском авиасообщение, железнодорожное сообщение, не проходящее через областной центр, не позволят гарантировать доступность судебного разбирательства для участвующих в деле лиц и их представителей. Использование технологий видеоконференц-связи панацеей также признано быть не может. Эта проблема не должна решаться ВС РФ или федеральным законодателем – обозначенный вопрос относится к прямой компетенции органов государственной власти Кемеровской области, заинтересованных в том, чтобы гостями Кемерово было как можно больше участников судебных разбирательств с территории от Омской области до Забайкальского края.

Также важно понимать, что приведенные выше изменения касаются общих правил производства в суде кассационной инстанции, но ФЗ № 451-ФЗ сохраняются подходы об установлении самостоятельных ограниченных правил для рассмотрения кассационных жалоб на судебные приказы, решения, принятые в порядке упрощенного производства, и решения, вынесенные мировыми судьями в качестве суда первой инстанции.

Нормативное придание обзорам судебной практики коллегий ВС РФ статуса актов официального толкования

К сожалению, в тексте ФЗ № 451-ФЗ не нашла отражения идея о закреплении в качестве нового основания правовой позиции, сформированной в обзоре судебной практики, утвержденном Президиумом ВС РФ, в случае прямого указания на то в соответствующем акте официального толкования. В тексте законопроекта № 383208-7 Пленум ВС РФ предлагал уравнивать в юридической силе Обзоры практики судебных коллегий ВС, утвержденные Президиумом, и собственно постановления Президиума ВС РФ, принятые в порядке надзора, а также постановления Пленума ВС РФ. Данная идея представляется совершенно обоснованной, поскольку все три указанных типа судебных актов являются по своей природе актами официального толкования, принимаются в том числе с целью формирования единообразной практики применения правовых норм, призваны формировать правовую определенность. Законотворческая инициатива Пленума ВС РФ не противоречит Постановлению КС РФ от 21.01.2010 № 1-П¹⁸, а также

учитывает ограничения, отраженные в Постановлении КС РФ от 17.10.2017 № 24-П¹⁹. В приведенных постановлениях КС признан не противоречащими Основному закону страны положения, в соответствии с которыми высшие судебные инстанции в целях формирования единообразия практики применения правовой нормы, реализуя свои полномочия по рассмотрению конкретных дел в порядке надзора или даче руководящих разъяснений, могут создавать предпосылки для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам с учетом характера спорного правоотношения, а также с учетом периода времени, прошедшего с момента принятия окончательного акта по делу. Кроме того, в Постановлении № 24-П КС РФ подчеркнул невозможность придания определению судебной коллегии ВС РФ, принятому при рассмотрении дела в кассационном порядке, ретроспективного значения в аспекте пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам.

В случае официального закрепления статуса обзоров судебной практики коллегий ВС, утвержденных Президиумом ВС РФ, как формирующих новые обстоятельства и при условии, что Президиум ВС РФ применял бы данный механизм, правоприменительной практике это пошло бы на пользу. Подобная идея положительно оценивалась в литературе [20, с. 9], но так и не была принята законодателем. Надзорная инстанция в общегражданском процессе не стала доступной, и за период функционирования единый ВС РФ не принял ни одного постановления Президиума, в котором бы содержалась оговорка о возможности применения содержащейся в нем правовой позиции как нового обстоятельства. Одним из сомнительных ограничителей распространенности механизма внеинстанционного пересмотра по новым обстоятельствам в гражданском процессе является отсутствие «ретроспективной отсечки», т. е. периода, прошедшего с момента вступления в законную силу последнего акта по делу, и даты принятия Постановления Пленума ВС РФ или Постановления Президиума ВС РФ. В арбитражном процессе такой период установлен в ч. 3 ст. 312 АПК РФ – заявление о пересмотре по новым обстоятельствам по мотивам формирования или изменения практики применения правовой нормы Пленумом или Президиумом ВС РФ может быть подано не позднее шести месяцев со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, если исчерпана возможность для обращения в суд апелляционной и кассационной инстанций. Аналогичное правило о шестимесячном пресекательном сроке установлено ч. 5 ст. 346 КАС РФ, но в ГПК РФ оно

¹⁸ По делу о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 170, п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 АПК РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор». Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 2.

¹⁹ По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и других. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-п // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 6.

отсутствует, не содержится соответствующих разъяснений и в Постановлении Пленума ВС РФ № 31 от 11.12.2012²⁰. Не вызывает сомнения, что на нормативном уровне должны быть определены границы допустимости ретроспективного толкования правовой нормы, вполне очевидно, что изменение практики применения правовой нормы или разъяснение конституционно-правового смысла применённого закона не должно ухудшать положение слабой стороны в публичных отношениях [21, с. 53–54, 112–113], но должны быть пределы и для частно-правовых отношений во избежание правовой неопределенности. Отсутствие в регулировании данного института ретроспективной отсечки означает, что в случае, скажем, изменения ВС РФ практики применения нормы какой-либо статьи ч. 1 ГК РФ, действовавшей в первоначальной редакции с даты введения в действие Кодекса, риску пересмотра подвергнутся миллионы судебных актов, принятых с 01.01.1995²¹. Пробел, на наш взгляд, является более чем очевидным, но по неясным причинам законодателем он не устраняется. Риск непрогнозируемого количества актов, подвергаемых пересмотру, представляется, может служить одной из причин осторожности ВС РФ и отсутствия практики ретроспективных оговорок.

Впрочем, имея возможность создавать ретроспективные оговорки в тексте постановлений Пленума, ВС РФ еще ни в одном постановлении не заложил возможность применения сформированной в таком акте правовой позиции как нового обстоятельства. К сожалению, активно поддерживаемая Высшим Арбитражным Судом РФ практика формирования официальных правовых позиций так и не станет применяться в ближайшее время.

Между тем, в ст. 180 КАС РФ, ст. 198 ГПК РФ и ст. 170 АПК РФ вносятся изменения, в соответствии с которыми в мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления Пленума ВС РФ и сохранившие силу постановления Пленума ВАС РФ по вопросам судебной практики, на постановления Президиума ВС РФ и сохранившие силу постановления Президиума ВАС РФ, а также на обзоры судебной практики ВС РФ, утвержденные Президиумом ВС РФ.

Заключение

Подводя итог сказанному, стоит особо отметить положительное значение развития системы инстанционного пересмотра судебных актов. Создание сплошной кассации и структурно обособленных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, осуществляющих свои полномочия экстерриториально, – решение, которое назрело давно. Убеждены, что реформа инстанционного пересмотра при ее последовательной реализации способна привести к формированию правовой определенности. Не исключено, что,

лоббировая идею создания системы судов общей юрисдикции апелляционной и кассационной инстанции, ВС РФ стремился не только обеспечить соблюдение международных стандартов отправления правосудия, но и оптимизировать собственную нагрузку (как суда апелляционной и кассационной инстанции). Данное стремление не следует оценивать критически, поскольку качественная работа самостоятельных судов апелляционной инстанции и первой кассационной инстанции должна привести к тому, что в ВС РФ будет подаваться меньшее количество жалоб.

Решение в рамках «процессуальной революции» иных обозначенных в обзоре вопросов является не в полной мере последовательным. Нельзя признать удачным решение проблемы споров о компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции посредством подмены терминов *подведомственность* и *подсудность*, поскольку закрепленный ФЗ № 451-ФЗ алгоритм является излишне сложным и не вписывается в сформировавшуюся процессуальную доктрину. Данная проблема должна быть разрешена введением правила передачи дела по подведомственности.

Унификация процедуры разрешения ходатайств об отводе составу суда в ключе правил ГПК РФ, безусловно, приведет к процессуальной экономии. Но этическая сторона данного вопроса должна превалировать над желанием рассмотреть любое дело как можно быстрее. Причем речь даже не идет о том, что судья, которому заявлен отвод, не сможет объективно оценить доводы заявителя, данная проблема лежит вне правовой плоскости – межличностные конфликты всегда должны решаться с привлечением арбитра, чья независимость не вызывает сомнений у оппонентов.

Стремление государства расширить сферу применения письменных процедур рассмотрения требований может быть признано совместимым с международными стандартами рассмотрения малозначительных или условно бесспорных требований. Тем не менее экстенсивное развитие упрощенных процедур не может приводить к ограничению прав лиц, участвующих в деле, и в первую очередь прав на доступ к правосудию. Законодателю надлежит рассмотреть вопрос о расширении сферы внесудебных юрисдикций. При этом об экономии бюджетных средств ни при каких обстоятельствах не должно быть и речи, поскольку «дешевое правосудие обходится обществу дорого».

В настоящем обзоре не были затронуты все изменения «процессуальной революции», внимание уделено лишь тем изменениям, которые, как мы полагаем, имеют принципиальное значение и не заключаются исключительно в механической унификации или корректировке правил.

²⁰ О применении норм ГПК РФ при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012. № 31 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 2.

²¹ О введении в действие ч. 1 ГК РФ. ФЗ от 30.11.1994 № 52-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3302.

Литература

1. Абова Т., Ярков В., Брайт Б., Головкин Л., Кудрявцева Е., Юдин А., Прокудина Л., Иванов М., Пацания М., Сарбаш С., Тай Ю. Оптимизация гражданского судопроизводства: новый виток? // Закон. 2017. № 10. С. 20–35.
2. Ярков В. В. Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы // Вестник гражданского процесса. 2011. № 1. С. 17–53.
3. Ярков В. В. Проект процессуальной реформы: quo vadis? // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 10–14.
4. Гирько С. И., Ильин И. В. Вопросы злоупотребления правилами подведомственности и подсудности при рассмотрении гражданских дел // Современный юрист. 2018. № 2. С. 17–24.
5. Трофимова М. С. Анализ инициативы Верховного Суда Российской Федерации об изменении родовой подсудности гражданских дел мировым судьям // Мировой судья. 2018. № 7. С. 32–35.
6. Плешанов А. Г. Развитие принципов цивилистического процесса в свете намечающейся реформы процессуального законодательства России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 3. С. 42–49.
7. Приходько А. И. Воспрепятствование разрешению дел в арбитражных судах: актуальные вопросы судебного правоприменения. М.: Волтерс Клувер, 2006. 288 с.
8. Попова Д. Г., Этина Т. С. Вопросы правовой регламентации упрощенного производства в общегражданском процессе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 87–94. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2017-2-87-94>
9. Скуратовский М. Л. О пределах оптимизации арбитражного процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 13–17.
10. Фокин Е. А. Доступность правосудия, качество закона и развитие арбитражного процессуального законодательства // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 120–129. DOI: 10.12737/art_2018_12_11
11. Халатов С. А. Сокращение компетенции судов по разрешению бесспорных дел как фактор снижения нагрузки // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 40–42.
12. Дружинина Ю. Ф., Трезубов Е. С. О проблеме распределения судебных расходов в приказном производстве // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 5. С. 103–118.
13. Туманов Д. А., Стрельцова Е. Г. О некоторых концептуальных вопросах правосудия по гражданским делам // Закон. 2018. № 1. С. 28–45.
14. Раздьяконов Е. С. Судебный приказ в арбитражном процессе: реальность и перспективы развития // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 6. С. 43–59. DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-6-43-59
15. Аргунов А. В. Искусственный интеллект рассудит? // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 5. С. 44–61. DOI: 10.24031/2226-0781-2018-8-5-32-49
16. Момотов В. В. Основные цели, задачи и этапы судебной реформы в современной России // Мировой судья. 2018. № 10. С. 3–9.
17. Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134–146. DOI: 10.12737/art_2018_10_13
18. Тимофеев Ю. А. Проблемы организации и развития систем пересмотра судебных актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 46–50.
19. Терехова Л. А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 46 с.
20. Решетникова И. В., Царегородцева Е. А. Новации в арбитражном процессе через призму задач судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 5–9.
21. Терехова Л. А. Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве. М.: Проспект, 2017. 144 с.

"Procedural Revolution". Review of Changes to Civil Procedure Codes

Egor S. Trezubov^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ egortrezubov@mail.ru

ID <https://publons.com/researcher/N-9078-2017>

Received 12.04.2019. Accepted 16.05.2019.

Abstract: This review examines some changes introduced by the Federal Law on January 28, 2018, No. 451-FZ, to the Civil Procedure Code, the Arbitration Procedure Code, and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. The media called the amendment pool "procedural revolution". It touched many institutions. On the one hand, it promoted unification of the civil process and imposed legal certainty on many issues. On the other hand, it simplified some ordinary procedures. Some of the changes fix the rules formed in judicial practice; others are essentially transitional and imply the need for further refinement. The present research explores the following innovations: modernization of the institute of court competence in the context of the availability of judicial protection, simplification and unification of the procedure for reviewing a challenge to the court, expanding the scope of simplified procedures for reviewing requirements, fixing the rules of continuous appeal in civil and administrative proceedings, etc. The review introduces the upcoming changes to the reader and outlines the author's opinion on the procedural reform. Some changes are characterized as positive, and the author substantiates the need for reform. Meanwhile, some innovations are criticized as they will inevitably lead to restriction of the rights of participants in the procedural relations. The author believes that the innovations of the "procedural revolution" will not lead improve the court system.

Keywords: judicial reform, unification of the civil process, the competence of the courts, the transfer of the case according to the rules of competence, simplified production, complete cassation, revision of judicial acts

For citation: Trezubov E. S. "Procedural Revolution". Review of Changes to Civil Procedure Codes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 187–198. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-187-198>

References

1. Abova T., Yarkov V., Braig B., Golovko L., Kudriavtseva E., Iudin A., Prokudina L., Ivanov M., Patsatsiia M., Sarbash S., Tai Iu. Optimization of civil proceedings: a new round? *Zakon*, 2017, (10): 20–35. (In Russ.)
2. Yarkov V. V. Development of the civil process in Russia: selected issues. *Herald of Civil Procedure*, 2011, (1): 17–53. (In Russ.)
3. Yarkov V. V. Procedural reform project: quo vadis? *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2017, (12): 10–14. (In Russ.)
4. Girko S. I., Ilin I. V. Revisiting the issues of abuse of subject matter and court jurisdiction rules with the civil procedures. *Sovremenniy iurist*, 2018, (2): 17–24. (In Russ.)
5. Trofimova M. S. An analysis of the initiative of the supreme court of the Russian Federation for the amendment of the exclusive jurisdiction of justices of the peace over civil cases. *Mirovoi sudia*, 2018, (7): 32–35. (In Russ.)
6. Pleshanov A. G. The development of principles of civil procedure in the context of the impending reform of Russian procedural legislation. *Electronic supplement to "Russian juridical journal"*, 2018, (3): 42–49. (In Russ.)
7. Prikhodko A. I. *Obstruction of cases in arbitration courts: current issues of judicial enforcement*. Moscow: Volters Kluver, 2006, 288. (In Russ.)
8. Popova D. G., Etina T. S. Legal regulation issues of summary procedure in civil proceedings. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2017, (2): 87–94. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2017-2-87-94
9. Skuratovsky M. L. On arbitration proceedings optimization limits. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2018, (7): 13–17. (In Russ.)
10. Fokin E. A. Accessibility of justice, quality of law and development of arbitration procedural legislation. *Journal of Russian law*, 2018, (12): 120–129. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_12_11
11. Khalatov S. A. Limitation of the court jurisdiction over resolution of uncontested cases as a workload decrease factor. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2017, (12): 40–42. (In Russ.)
12. Druzhinina Yu. F., Trezubov E. S. On the problems of apportionment of judicial expenses in writ proceedings. *Herald of Civil Procedure*, 2018, 8(5): 103–118. (In Russ.)
13. Tumanov D. A., Strel'tsova E. G. Some conceptual issues in civil justice. *Zakon*, 2018, (1): 28–45. (In Russ.)
14. Razdyakonov E. S. Judicial order in arbitration procedure: reality and prospects of development. *Herald of Civil Procedure*, 2017, 7(6): 43–59. (In Russ.) DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-6-43-59

15. Argounov A. V. Will artificial intelligence judge? *Herald of Civil Procedure*, 2018, 8(5): 32–49. (In Russ.) DOI: 10.24031/2226-0781-2018-8-5-32-49
16. Momotov V. V. The main goals, tasks and stages of the judicial reform in the modern Russia. *Mirovoi sudia*, 2018, (10): 3–9. (In Russ.)
17. Momotov V. V. The Russian judicial reform in 2018: concept, objectives, content (part I). *Journal of Russian law*, 2018, (10): 134–146. (In Russ.). DOI: 10.12737/art_2018_10_13
18. Timofeev Yu. A. Issues of arrangement and development of judicial act review systems. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2018, (7): 46–50. (In Russ.)
19. Terekhova L. A. *The right to correct a judicial error as a component of judicial protection*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Yekaterinburg, 2008, 46. (In Russ.)
20. Reshetnikova I. V., Tsaregorodtseva E. A. Novelty in the administrative procedure within the framework of judicial proceedings tasks. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2018, (7): 5–9. (In Russ.)
21. Terekhova L. A. *New and newly discovered circumstances in civil and administrative court proceedings*. Moscow: Prospect, 2017, 144. (In Russ.)

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Гуманитарные и общественные науки.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University.
Series: Humanities and Social Sciences.
Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:

Невзоров Борис Павлович, главный редактор
8(384-2)58-38-48; nevzorov@kemsu.ru
Старикова Людмила Семеновна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru;
vs-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Boris P. Nevzorov, Editor-in-Chief
8(3842)58-38-48; nevzorov@kemsu.ru
Lyudmila S. Starikova, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru;
vs-seriya@yandex.ru

16+

Редакторы выпуска: Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 22.07.2019.

Дата выхода в свет 05.08.2019.

Печать офсетная. Бумага Sveto Соу. Формат А 4. Усл. печ. л. – 12,6. Уч.-изд. л. – 12.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.